

реальность фантастики

№ 6 2009

Рассказы:

Александр Шакилов
«ЗАПЧАСТИ»

Дмитрий Самохин
«ПОРТРЕТ НА ПАМЯТЬ»

Юрий Лузан
«ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ»

Дарья Булатникова
«ОСТРЫЕ УШКИ»

Сергей Карлик
«ДРАКОН ДЛЯ ГЕРОЯ»

Юлия Герасимова
«ЧЕГО?»

Критика:

Андрей Шмалько
«ТИХО САМ С СОБОЮ...»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 6 (70) 2009

Проза

1. Александр Шакилов	/ ЗАПЧАСТИ <i>Горизонт - ровный надрез...</i>	4
2. Дмитрий Самохин	/ ПОРТРЕТ НА ПАМЯТЬ <i>Граф Белокуров любил охоту...</i>	20
3. Юрий Лузан	/ ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ <i>Если быть совершенно точным...</i>	34
4. Станислав Бескаравайный	/ ОБРАЩЕНИЕ С ПРИДВОРНЫМИ <i>Сама по себе книга...</i>	48
5. Дарья Булатникова	/ ОСТРЫЕ УШКИ <i>Все началось с дурацкого объявления...</i>	61
6. Наталья Землянская	/ ЧЕСТЬ СКРУМЛЕЙ <i>В то утро матушка Гримла...</i>	72
7. Сергей Карлик	/ ДРАКОН ДЛЯ ГЕРОЯ <i>Жрец храма дракона был...</i>	81
8. Вадим Вознесенский	/ ДАВАЙ ПООХОТИМСЯ НА МОНСТРА <i>Тилинь. Заваливается на бок...</i>	90
9. Борис Штейман	/ ЛОВУШКА <i>Вы не представляете, какого...</i>	98
10. Юлия Герасимова	/ ЧЕГО? <i>Я оставил телефонную трубку...</i>	104
11. Катерина Довжук	/ МАДАМ ШАТТЕ ВЫХОДИТ ЗАМУЖ <i>В пятницу утром мадам Шатте...</i>	110
12. Ирина Комиссарова	/ НЕ ПЕЧАЛЬСЯ, МАЛЕНЬКИЙ ПЕТЕР <i>Эх, Эльза, Эльза, глупое ты...</i>	116
13. Ника Ракитина	/ СЛУЖБА ДОСТАВКИ <i>Первая суббота июля...</i>	121
14. Сергей Кусков	/ КРЫЛЬЯ <i>Дима! Звонкий женский голос...</i>	127

Критика, публицистика, обзоры

15. ЛюдмилаБелаш,
Александр Белаш / РУССКАЯ ОКЕАНИЯ. ВОЙНЫ 132
16. АндрейШмалько / "ТИХО САМ С СОБОЮ..." 156
17. / РЕЦЕНЗИИ 164

Новости Фэндом

18. / OPUS MIXTUM 170
19. / НОВОСТИ ПРО ВСЕ И ПРО ВСЕХ 172

АЛЕКСАНДР ШАКИЛОВ

ЗАПЧАСТИ

ГОРИЗОНТ — РОВНЫЙ НАДРЕЗ, ЗАЛЯПАННЫЙ БЛИКАМИ пятой луны. Хочешь насладиться зрелищем? — без проблем: сними очки да ткни пальцем в бамбук жалюзи — вперёд, глазей. Забавно, да? А понимать, что именно сейчас тебе нужно быть двумя километрами ниже, забавней вдвойне. Отсчёт пошёл. Пожарные лестницы, скоростные капсулы... не для тебя. Не твой стиль. Давно уже. Но сегодня придётся.

По самую макушку покрывает ткань: нижнее бельё, кимоно, пальто, хатимаки, шляпа... О, это навязчивое чувство обнажённости. Императорто голый, хо-хо. Ничего не можешь с собой поделатъ. Да и не хочешь. Профессиональная болезнь, имеет ли смысл бороться?

Шваркккк-xxx! — будто взрывом вынесло дверь.

— Твою-ю-ю-ю!.. — схватившись за ногу (коэффициент два), подвывая и прикусив губу, из облака пыли в номер выпрыгивает начальник РОМВД.

Ты молчишь. Стойка смирно — самая правильная поза, если босс нагрязнул внезапно. Тем более, если он заметил окровавленную голову дракона на циновке.

— Не понял?! — рывкает тот, кого парни за глаза называют Планктоном. — Доложить по форме!

Ты пожимаешь плечами.

Что тут понимать?..

* * *

Сталь, бетон, суглинок и базальт. Проще говоря — Твердыня.

Эх, сейчас бы развернуться на полную катушку: рога шлема вперёд, руки к животу, прыжок. Энергозащита отражает залп в грудь и, следуя вектору потенциальной опасности, перетекает на спину. Ноги соприкасаются с горизонталью — защита вновь покрывает живот, лоб и голени. Покой и умиротворение, хриплое дыхание и дрожащие от усталости мышцы — всё это внутри. Внешне — титан и композиты, мощь и сила...

Нельзя.

Не получится.

Позади три контура блокпостов, и...

...трое суток домашнего ареста, лишение квартальной премии и ссылка на пункт проверки регистрационных татуировок. За что? А просто так, просто у начальства есть подозрения.

— Понявший я, спасибо вам, мы сами-то неместные... спомоществуйте... кто чем не жалко вам... Нам бы токмо... — зудит нелегал. Рука перевита поясом ожогов, мол, всё путём было, да попал под напалмовую бомбардировку, и вот...

– В пятом секторе? – переспрашивает Петюня. – Эг, я не расслышал чего-то... А?

– В пятом, – кивает нелегал-просилец.

– Ну-ну, – Петюня чешет затылок, Петюня опускает пятку так быстро, что болезный погорелец не успевает и пискнуть.

Ты смотришь на мокрый блин из мяса и костей:

– Как вычислил?

– В библиотеке, хо-хо, прочёл. Да я сам из пятого, с малолетства, ага, – смеётся Петюня. – Какой напалм, там термоядом жажнули!

И, заметив твой взгляд, уточняет:

– Давно уже, не думай...

Всё всегда начинается с допроса: как зовут маму, что кушала позавчера на завтрак любимая девушка с косой до попы, почему у вас позавчера не было девушки, волосы для вас не являются фетишем, неужели вас возбуждает яой, почему не служили в спецвойсках, что значит – ещё и как служили, кто вам такое сказал, отставить разговоры, вопросы здесь задаём мы.

А потом ты оказываешься в учебке, тебя дрессируют уставами и электрошоком, выбивая из черепа всё наносное, всю глупую шушеру: образование, мораль, уважение к отцу... Присяга есть необратимое изменение психопрофиля вроде перепрошивки мозга маньяка. Одно отличие: ты делаешь это добровольно. По собственному желанию. Но, как ни жаль, гордиться своим выбором уже не получается...

...только после взрыва: рога вперёд, прыжок, второй, бетон крошится под ногами, проваливается, ты падаешь, сальто – ф-ффыххх!!

Амортизаторы срабатывают чётко – небольшая вибрация отдаётся в торсе при стыковке с уровнем... Какой это уровень, а? Из двух тысяч ста тридцати трёх?

А что есть разница? Особенно для тех, кто сидел в маршрутном пневмо, который расплющила твоя стопа.

Время = деньги.

А если иначе?

* * *

Любители маджонга оккупировали длинные столы, расставленные вдоль стен. А чего и не сыграть после трудового дня? Да под холодное пиво «Asahi» вприкуску с солёным арахисом?!

Отрепённые лица в красных прожилках. Каждый платит по-своему.

В подворотнях штиль, смог оседает и скапливается. Датчики отреагировали на попытку проникновения в личное пространство, сверкнула молния, запахло палёным мясом. Кустарная работа. А ведь когда-то Цуба-Сити славились виртуозами воровского искусства.

Ну и квартал. Здесь начинают курить опиум раньше, чем познают вкус материнской груди. Да и как иначе, если роженицы берегут перси для клиентов, младенец не должен испортить идеальные формы. Грубо отказав тор-

говцу сакэ, сующему тебе под нос бутылочки-токкури, топаешь к вылинявшей на солнце палатке, когда-то оранжевой.

– Почём шаурма?

– Два рё, — не оборачиваясь, бросает из-за спины умелец, очень брюнет; он ножом обтёсывает цилиндр мяса. — Стандартная два рё, очень вкусная, специи, все дела, вкусная очень, да.

– Тогда мне одну стандартную. И всего побольше.

– Да, конечно, да, — уличный повар споро расстилает лаваш, бросает капусту, нарезку моркови, помидоров и солёных огурцов, засыпая сверху мелко нарубленной жареной курятиной. Подогреть, соус, салфетка.

Заранее вылепив из обрюзгшего лица улыбку, поворачивается к дорогому клиенту и застывает. Рот на ширину плеч. Шаурма в руке.

Ты протягиваешь деньги. Брюнет дёргается назад, уткнувшись спиной в тележку-стол. В карих глазах помесь страха и уважения. Чего больше, а?

Наконец повар приходит в себя, суёт тебе горячий бутерброд, от купюры отказывается:

– Не надо, что вы, нет, это честь для меня, что вы, нет, не возьму...

Ты обрываешь его, ты цедишь сквозь стиснутые зубы:

– Мы обговорили цену. Ты сам сказал. Бери!..

Он берёт, его руки дрожат. Предложи ему взамен уронить ладошку на противень — с радостью согласится.

Вкусная шаурма, не обманул, общепит, и начинки предостаточно.

Ты пристёгиваешься к креслу-катапульте, рыкает движок. Хорошо, в это время на моноциклетных желобах не бывает заторов — без тормозов проскочив три развязки, успеваешь вовремя. Как и договаривались. Ну, плюс-минус минута погрешности. Припарковав «мегус», матово-чёрный с хромированными патрубками, торчащими из-под обтекателя, заходишь в кафе и сразу замечаешь кореша. Кафе — это громко сказано. Скорее разливайка, правда, из приличных. Джанки здесь не отовариваются, здесь стограммами промывают организмы «белые воротнички», у которых тоже жизнь не клубника в сгущенном молоке — если вкальываешь на благо дзайбацу по четырнадцать часов в сутки, расслабиться получается только в баре или патинко.

– Здар-рова, Санёк, — Петюня заказывает стакан рашен водки, жареного осьминога в кляре и сурими под майонезом. Немного подумав, уточняет:

– Два стакана. Нет, три.

Он знает: ты не пьёшь.

На стене висит портрет основателя Секты Лотосовой Сутры. Ну и образина. Это тело при жизни предлагало держать народ в страхе, всячески унижать буси и при первой же возможности свергнуть Императора... Но кто сейчас помнит такие мелочи? Особенно по части Императора и гражданско-го населения?

– Наши все на выезде, а мы, понимаешь, с тобой тут дурака валяем...

– У меня выходной. У тебя тоже. Или сдрейфил?

У стойки бара сидит модиф-дракон, попивает коктейль безумной расцветки и покуривает сигарету с марихуаной. Ты сразу вспоминаешь...

...парадные кимоно с вышивкой: на правом плече дракон, на левом тигр.

– Слава защитникам Цуба-Сити! — брызгает слюной полковник.

– Слава! Слава! Слава! — рычишь ты, и сотня глоток напрягается одновременно с тобой.

Полковник низенький, плюгавенький и очень похож на краба.

– Это наше начальство, — шепчет Петюня. — Говорят, на таможене работал. Повысили типа. Вишь, ракообразный какой, нам так не жить.

– А-а... — говоришь ты в ответ, не зная, как реагировать на эту ценную инфу. — А-а...

Полковник, конечно, перестарался с модификациями. Понятно, когда-то такая внешность была последним писком моды, все якудза щеголяли клешнями и гавайскими рубашками, распахнутыми на челюстегруды. Но те времена давно миновали. Если предположить, что полковник специально влился в ряды организованной преступности, то... он либо идиот, либо неспроста отрубил на таможене, а затем перевёлся в РОМВД.

– Говорят, он регулярно брал взятки ресурсом. На таможене. А когда его хлопнули с поличным, оформил кому надо трансферт, слив половину. У него ещё лет триста на чёрный день назначено. Эт-то тельце нам ещё даст просраться, вот увидишь... Его пацаны, знаешь, как называют?

– Как?

– Планктон!..

...кольца дыма, будто пыхтит по морю-океану старинный пароход. Слоистый коктейль. С чем сравнить? С разводами бензина на воде? Колокольчик над дверью звякает, предупреждая о визите компании молодых людей в галстуках — это господа операционисты из здания напротив, из небоскрёба Цуба-Сити-банка.

– Дракон вычислен, верняк, — крикает Петюня, приспустив с лица платок и опрокинув в себя стакан. — Зверушка нас пасёт. Интересно, чья инициатива.

А тебе без разницы, ты и так знаешь. Петюня, впрочем, тоже догадывается. И дракон почувствовал, что раскрыт: засуетился, дёрнулся, чтоб уйти. Но не ушёл. Передумал. Заказал порцию якисоба¹. Напрасно он так, ой, напрасно.

Операционисты шумно изучают иероглифы меню, вспыхнувшие над столешницей, стоило только придавить ягодицами стулья. Чёртовы голограммы слишком навязчивы, надо скорей сделать заказ, чтоб избавиться от рези в глазах. Похоже, парни знают толк в злачных заведениях, ибо официант уже выставляет на столик кружки с пивом и тарелки с нарезанной ломтиками чехонью.

Петюне неудобно пить в перчатках. Он борется с собой и таки обнажает кисть. Кожа у него белая-белая, выхолощенная гелем управления. Как и у тебя. В РОМВД даже негры через полгода становятся альбиносами.

Операционисты с недоумением поглядывают на вас, гордость и опору, зачиту и... неприкасаемых. Те, кто добровольно променял статус гражданина на техпаспорт, не имеют прав. Но и обязанностей у них не так уж много.

---

¹ Якисоба – жареная лапша с овощами.

– Который? — в кафе тепло, по спине под тысячей одежек стекает пот. Сколько ни цепляй на себя ткани, бронёй она не обратится.

– К нам боком, тот, что в малиновом кимоно. Типа самый тихий.

Петюня умеет давать людям характеристики. Небось, именно он придумал прозвище Планктону. Клерк в малиновом кимоно действительно ведёт себя менее эмоционально, чем его коллеги. Сразу видно: он босс. Держит марку. Ему нельзя опускаться до уровня подчинённых. Но выпить-то хочется. Опять же надо поддерживать во вверенном подразделении корпоративный дух. Пение гимна — это, конечно, круто. Заказать школьницу с бантиками, гольфками и клетчатой юбкой, да отыметь всем офисом — тоже. Но всё это не заменит одной пьянки в мужском коллективе, в непринуждённой обстановке.

– Без оружия человек быстро превращается в животное, на котором пахнут и таскают грузы, — хихикая, говорит Петюня и обнажает меч. Два из трёх стаканов пусты. Меч у Петюни — точная копия Когарасу-мару². Возможно, слишком точная.

– Спрячь игрушку, — морщишься ты. — Не дай Аматаэрасу налажать, второго шанса не будет.

– Сань, ну чо ты, я ж просто так, — примирительно скалится Петюня. Но меч не прячет. Решил чуток изменить план? Ну-ну.

Петюню чуточку пошатывает. Он в образе эдакого гуляки-буси, после боевого дежурства балдеющего за рюмкой отнюдь не чая.

– Меха! Меха это круто, да! Я в детстве мечтал, да! — слышишь ты как «воротнички» привечают Петюню, который просит разрешения представиться и минут пятнадцать цитирует выжимки из биографии, особо напирая на последние годы жизни и службу в РОМВД. Похоже, конфликта удастся избежать. Всё будет тихо, мирно и скучно. А душа жаждет праздника...

Петюня присаживается за столик, для него специально принесли стул. Звучит короткий — разве буси говорят длинно? — тост, звякает стекло. Петюня кивает в мою сторону и что-то шепчет. Ты видишь, как у молодых людей открываются рты. Клерки кланяются в твою сторону, ты слегка киваешь в ответ. Ох, и горазд Петюня врать. Интересно, что он про тебя поведал? В прошлый раз он сочинил красочное описание битвы с древней автоматической подземкой длиной в полтора метра, внезапно вынырнувшей из Топи у блокпоста и... короче, вы тогда были на высоте, небольшой бой, длившийся сутки-трое, лёгкие ранения, несовместимые с жизнью... Представьте, уважаемые, квазиживое существо из кевлара из биоэлектроники, уверенное, что Цуба-Сити надо уничтожить, и при этом способное сделать такое. Нет, даже ТАКОЕ... А вот ещё история: фантомы атаковали внезапно, просочившись сквозь ядро планеты, да-да, из необитаемых секторов, зачищенных термоядом много лет назад... А ведь, подумайте только, у нас защита самая надёжная: Топь пальпируется радарами и пронизана силовыми полями с останавливающим эффектом. Так вот, мы этих фантомов — в пыль радиоак-

---

² Когарасу-мару — фамильный меч рода Тайра.

тивную, кинетическую энергию их преобразовали в потенциальную, даже не поморщились...

Так любит соврать Петюня.

И народу это нравится.

Народ хлопает в ладоши и заказывает Петюне выпивку.

Ты берёшь третий, ещё полный стакан, и направляешься к компании «воротничков». Всё ж таки не с пустыми руками. Едва заметное движение мышц на лице босса — и молодой парнишка в тёмно-синем строгом пиджаке вскакивает, предлагая тебе стул. Ты снисходительно принимаешь знак уважения. Иначе и быть не может. Ты же всё-таки о-го-го... а они? Так, мелкая рыбёшка в океане деловых страстей.

Кстати, насчёт подземки и атаки фантомов — всё чистая правда.

Звякает стекло.

Звякает...

— Дайте иллюминатор с видом на Топь, и я настрою вам зрочки так, что без проблем увидите сокрытое смогом, этой оранжевой дрянью. Я открою секрет: всех делов-то — ткни пальцем в бамбук жалюзи да глазами, сколько влезет. Я, между прочим, ещё и... А?

— Ты пьян, — грубо обрываешь Петюню. — Нам пора.

И оглаживаешь усы. Имплантированы недавно, непривычно ещё. Самураю никак без усов, это все знают. А свои, какая жалость, расти не спешат, вот и пришлось потратиться. Зато солидно. Петюню никто всерьёз не воспринимает, а с тобой начальство будет здороваться за руку, обязательно, — потому и заывает сегодня встретиться тет-а-тет.

— Нет, что вы, нет! Это же интересно! Ну, пожалуйста! — перебивая друг друга, клерки просят вас остаться.

Ты разводишь руками: если народ требует, как же ты, дав присягу этим людям, вот так вот запросто откажешь?

Официантка, крохотная девица, всё лицо покрыто угрями, возникает подле Петюни. Каждый гнойник выражает почтение и готовность исполнить любую прихоть. Лю-у-уб-бую. У потолка медленно вращает лопасти вентилятор. Кажется, в бетон вмурован боевой вертолёт. Вот-вот винт раскрутится в полную силу, потолок треснет, и машина, сметая посетителей и мусор со столов, вырвется на свободу, расшвыривая по сторонам тепловые ракеты...

Петюня, наконец, замечает официантку:

— Да, уважаемая?

— Я... — девушка смущена, она заламывает руки, мнёт фартук. — Я бы и сама... мне не жалко... но мой сын...

— У вас есть сын? — Петюня подчёркнуто вежлив. — Вы такая молодая...

— У меня есть сын, да. Я бы и сама оплатила, из уважения, но...

— Ваш сын мечтает стать помощником?

— Да, господин, он...

— С детства смотрит по тиви программы о жизни помощников, о тренировках и подвигах симбионтов. И поэтому вы никак не можете пойти на пре-

ступление и принять от меня деньги в качестве оплаты за водку и закуски. Вам нужен мой ресурс. Я верно излагаю? Тем более что сын уже подал документы на вступление в академию? Чем меньше у меня ресурса, тем больше в этом году набор, тем больше шансов у вашего сына?

– Всё верно, господин, всё очень верно. Меньше, больше, да.

Петюня, хохотнув, допивает из третьего стакана. Операционисты с интересом наблюдают за стандартной процедурой коннекта посредством служебного мобильного. Общение с дежурным дайdziном Министерства: да, говорит Петюня в визор камеры, да, это есть добровольная передача прав на сокращение-продление максимального срока эксплуатации. Дайдзин орёт в ответ, чтоб по мелочам его больше не беспокоили. Ну, что это такое, а? При пересчёте получается эквиваленте пяти минут. Неужели нельзя завести кредит, а потом, раз в месяц... Петюня хохочет. Дайдзин, скрепив файл тремя электронными ключами, отрубается...

А ты вспоминаешь, как...

...мачты затонувшего танкера видны издалека.

Торчат из сфагнов, будто деревья мифического леса.

«Чинук» завис аккурат над помеченным пятаком твёрдой поверхности. Капитан Танака, самый злобный из инструкторов, отрывисто лает:

– Пошли, на! Чтоб вы сдохли, на!

Ребятки, отталкиваясь от края люка, ныряют в пустоту. Твоя очередь. Пинок под зад и напутствие:

– Сдох...

Воздух лупит по ушам, ты падаешь, ты... Главное, правильно развернуться, сгруппироваться. Ты знаешь, первый отсев начнётся именно с десантирования, когда треть из вас реально гробанётся, позабыв об изматывающих тренировках. Если кому и охота размазаться по очесу дерьмом и ливером, это его личная половая драма, ты поступаешь иначе, ты делаешь всё верно: антигравы врубаются вовремя. Не выше, не ниже, а вовремя. И стопами к горизонтали. Торможение. Мягкая посадка. Отстегнуть бесполезные нынче леталки, в баках всё равно пусто. К меху ведут несколько троп. Их надо почувствовать. Именно: почувствовать. Вас учили. Ты закрываешь глаза и слышишь, как рядом кто-то шагнул в трясину и вызывает о помощи, обещая помнить доброту до конца дней. Кому нужна доброта на пару минут?

...ты безошибочно определяешь тропу. Эйфория — штука коварная. Ты едва не пропускаешь растяжку: зацепив стопой, успеваешь прыгнуть вперёд, откатиться и вжаться в траву. Громыхает, свистит. Затылок мокрый. Ерунда, слегка зацепило, расцарапало кожу. Первое боевое ранение, хо-хо.

Дальше — круговерть.

Единоборство? Инструкторы академии, конечно, сволочи, но не до такой же степени. Меха пуст, как портмоне бомжа. В смысле, ни ракет, ни гранат, ни цистерн с психотропным газом. Конкретно этого «комбата» атакует ровно четверть выпуска: без малого полста человек. То есть десантировалось-то пять десятков, а сколько ныне эффективно себя ощущают — загадка. Вокруг

тебя, за тобой и впереди люди в камуфляже и бронежилетах бегут к боевому роботу, неподвижно застывшему на фоне мачт потопленного нефтевоза. Людишки, небось, кажутся андроида такими ничтожными, такими незначительными.

Ты направляешься к громадине, прекрасно понимая, что вскакивать и валиться за кустик брусники, топтать метров несколько и падать за карликовую берёзку совершенно нет смысла. Ибо робот следит за окружающей обстановкой двумя десятками ультразвуковых и инфракрасных сенсоров.

Прячься, не прячься, всё равно на виду.

Кто-то скажет, что это игра в одни ворота, что у нападающих нет шансов, что меха в сотню раз сильнее каждого из курсантов. Так и есть. Но — вас много, а меха один. Вы вооружены, а он может надеяться только на собственное «тело».

Ты удивляешься, почему никто не стреляет? И тут же десяток базук плюют кумулятивными зарядами.

Как бы нехотя, «комбат» подпрыгивает. Он вертится в воздухе юлой, нападающих накрывает холодным дождём — это слетают с брони капли росы. Тебя пробивает на чувство восхищения: какая грация, красота неопишемая!

Ты знаешь, что тело андроида — это сотни тысяч композитных камер, пронизанных нитиноловыми нервами. Нитинол, сплав титана и никеля, обладает эффектом памяти и потому служит мускулами: нагреваясь электротоком, расширяется, остывая — сокращается. Что позволяет роботу чуть ли не танцевать над зыбким очесом и бегать по пересечёнке. Нитинол и антигравы, в которых топлива под заявку, сколько хочешь топлива. Флай-режим: врубаются ракетные движки, огненные струи толкают меха в спину, он летит на тебя, он...

...резко уходит влево и приземляется на тройку с базаками. Ни один заряд не попал в андроида, все ушли мимо, самоликвидаторы сработали высоко в облаках: яркие вспышки. Стопы меха сравнивали стрелков с уровнем Топи. Кто были эти ребята, кто?! А если один из них — Петюня?!

Не помня себя от ненависти к огромному стальному существу, ты вскакиваешь в полный рост и, не разбирая дороги, мчишь к «комбату».

Ты стреляешь, стреляешь, стреляешь...

А потом меха валится на спину...

Пытается встать...

Заряд почти отрывает бронированную кисть от предплечья...

Ты стреляешь, стреляешь, стреляешь...

Ты — на груди боевого робота. Ты метишь прямо в глаз-прожектор. И кажется, что... К чёрту! Ты жмёшь на спуск...

— А это ваш любовник, да? — девушка всё ещё здесь, не так уж часто ей доводится общаться с крутыми парнями, она, превозмогая страх и природную скромность, кивает на тебя. Ага, это типа ты любовник. Ну-ну.

Почему-то все сплошь и рядом считают, что вспомогатели — «обрезанные рукава». Надо же, это определение из сленга симбионтов давно уже стало общенародным. Принято считать, что вспомогатели не только гомосексу-

альны, но и регулярно «ласкают рукава». Что тут объяснять, вы и так в курсе этих заблуждений. Вы сами верите в эту чушь. Хотя причина тебе вполне понятна: старинный самурайский принцип гласит, что любви достоин лишь товарищ по оружию...

– О, да, конечно, – ты целуешь Петюню в щёку, затем нежно кусаешь за мочку уха.

Девушка довольна: она знала, уверена была, а вот подтверждение её догадок. У официантки сегодня счастливый день, она будет помнить эту встречу много-много лет.

– А правда, что вы комаров едите? – не унимается прыщавая девица.

Петюня корчит страшное лицо:

– А ну брысь!

Юная мамашка, смешно виляя бёдрами, скрывается в подсобке. Операционисты смеются.

Как-то само собой проскальзывает намерение покинуть забегаловку и поразмять кости. «Воротнички» рады и счастливы. Движение в сторону двери с колокольчиком.

– Да вы знаете, что это за меч?! – ни с того ни с сего вопрошает Петюня. Операционисты не знают, а Петюне не так чтобы уж очень хочется рассказывать. Он жалеет, что спросил.

Это случилось на экзамене...

...битва закончилась, меха мёртв. Точнее, вспомогатель-симбионт мёртв. Валяется обнажённое тельце, не шевелится, не дышит. Капитан Танака бредёт вдоль строя. Мало вас осталось, шибко не разгуляешься. Танака злобно шипит, что вы – стадо клонированных баранов, и годитесь только на силос для гидропонок. Впрочем, на его обычные присказки давно уже никто не обращает внимания.

Капитан тормозит рядом, и твоё сердце забывает как это – стучать. Но – пронесло. Танака бьёт Петюню кулаком в грудь:

– Молодца, герой, шаг вперёд!

Молодца выдвигается, герой жадно ест начальство глазами.

Ты вздыхаешь. Конечно, ТАКОЕ тебе доверить никак не могли. Ну никак.

Танака протягивает Петюне меч:

– Мальчик мой, это серьёзное оружие. Это честь. Это твоя честь.

Петюня гаркает:

– Рад стараться!

Танака серьёзен, морщины эллипсоидами расчерчивают лоб:

– Ты знаешь, что делать.

Петюня знает. Петюня наклоняется к трупку симбионта и вопросительно смотрит на капитана. Тот указывает на грудную клетку:

– Его сердце – пламенный мотор.

Кончик меча аккуратно врезается в плоть. Глубже. Резче. Хруст рёбер. Петюня, замаравшись кровью, извлекает... не сердце, нет – наноконтейнер. То, что на самом деле является меха.

Интересно, как этот парнишка себя активировал? Заставлял пульс учащаться?..

Движение к двери. Дракон неспешно опорожняет очередной стакан. На сей раз жидкость чёрная. Хороший цвет, в тему. Ты просишь у Петюни меч. Петюня удивлён, но даёт.

Дракон поднимает стакан, но поднести ко рту не успевает.

Лезвие аккуратно — похвалить себя, а? — мастерски отсекает модифу голову. Брызжет кровь. Осколки стекла. Официантка выглянула из подсобки, открыла рот и тихонько подвывает. Операционисты застыли восковыми фигурами.

— Пускают кого попало... Модифы, совсем нюх потеряли... — ты накальваешь голову на кончик меча.

Операционисты хохочут.

Петюня улыбается, мол, это верно задумано, нам лишние глаза ни к чему.

Улица встречает темнотой, подсвеченной рекламой. Купите, мы лучше, наше вкусней, долой кариес. Знаем, видали.

Петюня с восторгом смотрит на небоскрёб Цуба-Сити-банка. Клерк в малиновом кимоно правильно понимает интерес. Клерк выпил слишком много и уверен, что задницей накроет Фудзи, стоит ему только захотеть. Но сейчас задача проще, сейчас он желает показать великим людям свои владения. Он приглашает вспомогателей на экскурсию.

Секьюрити в вестибюле ведут себя достойно. Кланяются.

А вот на сорок пятом этаже начинаются проблемы.

Почему в охрану особо важных объектов набирают исключительно уродов? Это закон природы вроде силы тяжести и облома в первой любви. И ведь каждый из этих умственно отсталых типов всерьёз считает себя самураем: тщательно, со значением, умывается по утрам, стрижёт ногти, бреет лоб, смазывает волосы. Кое-кто даже умеет стрелять из лука с лазерным прицелом и швырять самонаводящиеся сюрикены. Этим парням предписано одеваться в форменную одежду, и они с удовольствием это делают. Если б им разрешили ходить на работу в домашних тапках и майках, охрана всё равно одевалась бы в строгие чёрные кимоно из шёлка, цепляя поверх поясные кобуры с допотопными кольтами.

Такой вот колыт нынче подрагивает в хилой лапке. Ствол то направлен тебе в лоб, то Петюне в пах. «Воротнички» в шоке, алкоголь мгновенно выветрился. Босс в малиновом кимоно пытается сгладить острые углы, мол, наши гости, герои города, небольшая экскурсия... Охранник орёт, что продырявит голову первому, кто сделает хоть шаг вперёд. Интересно, как можно продырявить голову, если целишься в пах?

Петюня таких вопросов не задаёт. Правая рука у него ударная. Особенно ею удобно бить, если коэффициент расширения выставить примерно... пять-шесть. Конечность длиной в несколько метров касается охранника, швыряя к стене, мозги наружу.

«Воротнички» sueются. И пусть. Они вам больше не нужны. Ты снимаешь с меча голову дракона, тебе нравится смотреть в застывшие глаза реп-

тилии. Что-то в этом есть... символичное? Ты порхаешь среди испуганных тел, Когарасу-мару поёт песнь смерти.

Клерк в малиновом кимоно, наконец, прозревает, он вопит, что не надо, что глупо, он всё равно не знает кодов, он не может, у него семья.

Петюня улыбается клерку:

– Покажи. Просто покажи, где камеры хранения. И я тебя отпущу.

Петюня, конечно, обожает соврать, но не в этот раз. Правда, он ничего не сказал насчёт того, отпустишь ли клерка ты...

Остальное просто и даже проще. Никто никогда всерьёз не задумывался над возможностью ограбления банка с помощью меха. Если хорошенько над взором, можно проломить толстенную бронированную дверь.

На выходе охрана кланяется. Тишь да гладь. Какая ещё тревога? Взгляд упирается в портрет на стене. То же мерзкое лицо, что и в кафе. Что и в миллионах офисов и квартир. Марат Судзуки. Отец-основатель Секты Лотосовой Сутры. Именно этому неряшливому и откровенно странному человеку вспомогатели обязаны тем, чем они есть. Именно он продвинул закон о лишении буси-симбионтов гражданства. Мол, запчасти не могут быть людьми. Запчасти не имеют права расплачиваться деньгами. У запчастей есть лишь определённый ресурс, который может расходоваться сверх норматива в зависимости от ненормальных условий. А перечислять жалование запчастям — это вообще смешно.

Три года в РОМВД. За номер-соту платишь сроком эксплуатации. За обед, ужин и новые носки — собственной жизнью. У тебя по определению не может быть денег. Ты же запчасть. Да, гордость нации, честь тебе и хвала. Но — запчасть.

Ты проводишь в образе меха почти всё время. И свободное тоже. Меха не тратит минуты на проезд в метро, не покупает бензин для моноцикла. А потом... как бы вдруг... ты понимаешь, что без брони некомфортно. Холодно, что ли. Ты — обнажённая плоть. Надо прикрыть себя. И ты прикрываешь: тратишься на шмотки, на тряпье, давно вышедшее из моды и потому дешёвое. Закутываешься по самые уши. И мечтаешь вернуться на дежурство, уйти в Топь, отражать атаки врага, нависнув нитиновой мощью над сфагновыми мхами. Но однажды начальство, этот мерзкий, отвратительный краб по прозвищу Планктон говорит тебе:

– Вы позорите наши ряды, вы — как прыщ. Я гарантирую, что избавлюсь от вас. И усы вам не помогут. Не помогут вам усы. Подумаешь, усы. Угадайте, кто в этом году будет принимать экзамен у курсантов?

А что тут гадать. Ясно: ты будешь. А после экзамена тебя не будет. Вообще. Так уж устроен мир. Меха, принимающий экзамен у выпускников, обречён. Меха ВСЕГДА погибает. Да, он утаскивает в могилу не менее половины желторотиков, но... О, великая мать Аматаэрасу, как же это мерзко, когда нет шансов. Там, в Топи, когда подземки прут, будто черви после дождя, шанс есть. Есть шанс погибнуть с честью. Но быть мишенью для юнцов...

– И ещё... поступают сообщения, что вы завели себе привычку расплачиваться деньгами. Прямых доказательств у меня нет. Но я их добуду. Правда, мы можем решить проблему полюбовно...

Надо понимать, босс устроил за тобой слезку. Но посылать модифа-дроконка?! — это уже откровенное неуважение!

* * *

Лет пять было, не больше, когда тебе впервые повстречался настоящий «комбат». Не на экране тиви, не на страницах комикса, а вживую, на стрите. Это была... нет, не любовь, иное что-то, но вроде того. Твой возраст не позволяя произнести клятву, ты прекрасно понимаешь это, но почему тогда память с пугающим постоянством выдаёт один и тот же текст:

– Достигнув совершеннолетия, я приросту костями к экзоскелету! Я пропитаюсь гелем управления! Я стану настоящим буси! Клянусь! Клянусь! Клянусь!

Бред. Не мог ребёнок такого сказать, не мог. Откуда этот пафос?.. Но память...

Присяга — сродни программированию спинного мозга.

И вот ты — в РОМВД, районном отделе меха вспомогательного действия. Проще говоря, ты — вспомогатель. Или «комбат». Или вонючка. Да-да, вас, героев, лучших из лучших, частенько называют вонючками. И есть за что.

Мечты мечтами. Но далеко не всем желающим доверяют управление меха. Мечтают-то многие, да почти все мальчишки. И даже девчонки. И если вторым надеяться почти не на что — разве только мадам росту два метра и в плечах себя шире, то у первых есть вполне реальный шанс. Надо... много чего надо. Но и престижней профессии в Цуба-Сити нет. Даже Император на втором месте, а премьер-министр на третьем. На первом вчера, сегодня и послезавтра были и будете вы, симбионты боевых роботов.

Не зря же вы приноравливались к бесшумно-плавной поступи Sony Combat 300IQ. Не зря подписали отказ от гражданства и позволили хай-текхирургам (механикам-наноэлектронщикам?) надругаться над вашими юными телами.

Как это? Что это? Хороший вопрос. Ты просто чувствуешь собственные приводы, пневматика отрегулирована великолепно. У тебя-человека могут быть сломаны руки и ноги, но ты-меха всё равно на ходу и выполняешь поставленную задачу. Это есть первый принцип вспомогательности: робот первичен, человек лишь дополнение, которое можно заменить.

Режь людскую плоть, извлекай наноконтейнер.

И всё.

Кстати, в Цуба-Сити не принято грабить банки безнаказанно. Так уж повелось.

Копы не смогут причинить вред только... кому? Правильно — меха. Значит, надо развернуться на полную катушку, чтоб рога шлема вперёд, руки к животу, прыжок. Энергозащита, следуя вектору потенциальной опасности... Мечты. Рано. Да и не получится при всём желании. На плечах отличные

спортивные сумки, вместительные, крепкие. Три блокпоста — и ни единой проверки. Тишь да гладь. Да и кто вас, героев, остановит? Особенно на моноциклетных желобах, где с «мегусом» тягаться бесполезно.

— Мне надо домой.

— Куда?! — не верит ушам Петюня. — Санька, ты чего, ты в своём вообще?..

— В своём. Надо. Встретимся через полчаса. Ты знаешь где.

Капсула скоростного лифта уносит тебя вверх.

Туда, где ждёт бамбук жалюзи, босс по прозвищу Планктон и...

...крабовидное тело в гавайской рубашке, вышибив ударопрочное стекло, падает вниз.

Ты пожимаешь плечами.

Больше дома делать нечего.

* * *

Надо отдать должное водиле маршрутного пневмо: он успел отреагировать, он даже дёрнул рычаги в правильную сторону, и кар с визгом развернулся, стирая покрышки о бетон. Водила был настолько хорош, что выпустил тормозные парашюты и активировал криогенную систему спасения пассажиров. Салон мгновенно заполнился льдом.

К сожалению, единственно верное решение никого не спасло. Простите, граждане, но вы оказались не в том месте не в то время. Твоя огромная титановая пятка раздавила пневмо в блин из пластика и замороженного людского фарша. Считайте, что у меха это излюбленный способ уничтожения живой силы противника. Случайно получилось, честно. РОМВД выплатит компенсации семьям погибших. Их имена высекут в камне на Алее Героев. И ты — лично ты! — склонишь голову у братской могилы...

Естественно, сразу нарисовалась пробка. От края до края в пределах видимости. Народ, привычный к таким постановкам, выбрался наружу. Рикши плюхнулись ягодицами на проезжую часть — ножкам отдых нужен, любую возможность используй по максимуму. Прочие особо спешащие на деловые встречи уткнулись в ноутбуки, прилепив к ушам мобильники. Кое-кто достал спортивную газету, дабы выяснить, кто вчера победил в заплыве на сто метров в бассейне с касатками. Спорт должен быть практичным: народу — зрелище, пловцам — призы, китам — жратва. Торговцы с переносными лотками шныряют между машинами, предлагают газировку, пирожки с ливером и психодермы с порно. Кстати, вот и гейши — чего сидеть в чайных домиках, медитируя на отсутствие клиентов? Кое-кому спецпредложение со скидками приходится по душе: то тут, то там в салонах авто находятся свободные местечки...

Жизнь идёт своим чередом. Только ты стоишь на месте.

Ты — помеха.

Никто тебе и слова не скажет, но — что есть, то есть.

А вот и Петюня. Ну, наконец-то!

Рухнул из-под потолка уровня, в полёте умножившись с максимальным коэффициентом.

— А я чего?! Я как только, так сразу! — оправдывается он. Знает, мерзавец, что опоздал.

Воздух кишит слепнями, комарами и саранчой. Мерзкий район. И опиум раньше материнского молока, и паразитов выше бронешлема.

Появление Петюни стоит гражданам двух пневмо и одно рикшамобиля. Народ всерьёз задумывается над тем, что один меха — это круто, а два — перебор. Людишки бросают средства передвижения и бегут. Куда? А куда угодно, лишь бы подальше. Компенсация родственникам — слабое утешение ещё живым.

Если верить курсу истории, первые роботы были... прежде всего, громоздкими. Для их хранения и бесперебойной эксплуатации требовались огромные ангары, нереальное количество обслуживающего персонала и энергии. Все эти неприятности давно в прошлом. Кроме энергии. Тут уж ничего не попишешь. Заряжаться надо регулярно и помногу.

Вам нужна энергия — ровно столько, чтоб добраться до электростанции, которая расположена рядом. Это очень правильно: пруды с комарами и электростанция. Одно и другое взаимосвязано и находится в непосредственной близости.

Действуйте быстро — и успех возможен. Вам удалось расковырять перекрытие уровня. Не зря Петюня столько времени проторчал в библиотеке Цуба-Сити, изучая древние планы, не переведённые в цифру. Нет, не зря. Петюня — молодец, нашёл тонкое место. Вне дежурства вспомогатель может активировать меха лишь в двух случаях: если ему грозит опасность и если нарушена неприкосновенность Цуба-Сити. Дыра в перекрытии — сродни вторжению внешнего врага.

Далее дело техники: ты пожимаешь плечами, Петюня чешет затылок.

...а кто-то ускоряет пульс. Методы разные, результат один: вшитый в тело наноконтейнер разворачивается в огромное нечто, в монстра из металла и композитов.

Внизу суетятся совсем уж отбитые фаны боевых меха. Чтобы не выблевать желудок, надобно иметь при себе мощный ароматический фильтр. И не просто иметь, но вовремя воспользоваться. Бедолаги, что скачут меж твоих ног, похоже, в курсе. Их вообще не смущает то, что ты — вонючка ещё та. Твои поры источают смердящую слизь. Петюня в это смысле тоже не пасёт задних.

Вы — нелюди, трансформация завершена: тела цельные, управление в норме. Это вам не шутки с частичной активацией конечностей.

Вы, мехи, обвешаны батареями микробных топливных элементов. Это ваши рты и желудки. Слизь привлекает живность, батареи преобразуют биомассу в электроэнергию. Мухи и комары, шершни и бабочки — ваш корм, ваше топливо. Чтобы зарядиться по максимуму надобно «съесть» очень много насекомых, но задача так не стоит. Нужна лишь первичная зарядка, а уж на электростанции вы себя не обидите. Там не придётся торчать посреди проспекта, широко раскинув руки-манипуляторы, ошестинившись антеннами и локаторами, тестируя автоматику гранатомётов и проверяя наличие инже-

нерного оборудования: циркулярок, ломов, отбойников. Здесь вы мешаете движению, вы — потенциальная опасность. Пора сваливать. Градирни электростанции призывно возвышаются над домами. А слизь нужна... э-э... при длительных автономках в Топи энергоресурсы слишком далеко, приходится переходить на подножный корм...

Кстати, некоторым это нравится.

Петюне, к примеру.

— Чего завис?! Вперёд! — орёшь ты.

Сначала через парк аттракционов: колесо обозрения, десяток каруселей с лошадками и слониками, русские горки и, конечно, кабинки, имитирующие телепорты дальней транспортировки.

Но особо приятно, конечно, бежать по заброшенным стартовым площадкам. На пару километров они тянутся пустующими площадями — когда-то давно это был верхний уровень Цуба-Сити. Крыша мира. А сам мир был огромным параллелепипедом с конкретно искривлёнными рёбрами. И покоилось одоробло на ржавых плечах роботов-охранителей. Не верите? Напрасно, да-с, напрасно.

Миновав парочку заброшенных кварталов — дома покосились, кое-где рухнули, ты с размаху окунаешься в отстойник. Радиоактивная водица, подумаешь. Работает АЭС, электричество производит, не жалея турбин своих... Ты позволяешь «комбату» коснуться пятками дна. Петюня опускается рядом. Глубина приличная. Вокруг рыбки снуют. И даже парочка рыбищ имеется: чудовища ещё те, эдакие крокодилы, производные от сомов и пираний.

Воду полосуют жёлтые лучи. Бойцы зенитных батарей засекали приводные с последующим погружением, мгновенно приведя прожектора в боеготовность. Стрелять по меха, конечно, не рискнут, но... Подъём на перископную глубину, отдых отменяется. Батарея охраняет электростанцию и оружейные склады. Одним махом два объекта. Экономия должна быть экономной.

Насчёт охраны и уродов. Этот принцип здесь тоже действует.

Бой.

Или лучше назвать это бойней?..

* * *

Цуба-Сити за кромкой горизонта.

Внизу — сверхмалая высота — мелькает однообразный пейзаж.

— Куда мы, что мы? — спрашиваешь ты в сотый раз, хотя прекрасно знаешь ответ. Просто тебе нравится смотреть на Петюню, слушать его и даже на расстоянии вдыхать запах его волос и шестерней. Ваша шутка, только ваша: «Твоё нано мне очень нуна!»

Хентай, яой?.. — любовь! Обычная любовь и ничего кроме любви. Называйте это служебным романом, банальностью или превышением полномочий, тебе без разницы. Вам без разницы.

Броня Петюни сверкает в зареве пятой луны — приходится активировать светофильтры, чтобы не ослепнуть. Петюня специально отключил заливку камуфляжа, дабы солидней выглядеть:

– Сань... Мы щас по Топи двигаем, за нами погоня, без вариантов. Особо ретивых успокоим. Доберёмся до пятого сектора, я там родился. В пятом есть самый-пресамый мощный телепорт на планете, он закинет нас так далеко, что никто не найдёт. Это дорого стоит. Но у нас есть деньги. Вот такой мой план. Наш план. Только, Александра, ты сначала вопрос с усами реши. Целоваться, понимаешь, щёкотно.

Ты счастлива. Закрывая глаза, хихикаешь и представляешь, как телепорт зашвырнёт вас в мир, в котором по ночам светит одна луна, в котором нет трясины, в котором... О, это счастливый мир. Он создан, чтоб забыть тяжесть металла на плечах, сбросить одежды, не стесняясь собственного тела, и...

– Санька, очнись! — орёт Петюня.

Ты разворачиваешься в прыжке, навскидку отпуская на волю пяток ракет. Дымные хвосты спешат к подвижным фигуркам преследователей. Один хвост упирается в центральную фигурку. Вспышка. Хлопок взрыва.

Убивать коллег — вот цена свободы. Дорого, да.

Но мы не будем торговаться.

ДМИТРИЙ САМОХИН

ПОРТРЕТ НА ПАМЯТЬ

1

ГРАФ БЕЛОКУРОВ ЛЮБИЛ ОХОТУ И КОГДА-ТО ДАЖЕ охотился. Но в последние годы то здоровье не позволяло, то служба свое требовала. А служил граф Савелий Сергеевич ни мало ни много начальником канцелярии его императорского величества. Без его участия ни одна бумажка (сиречь приказ, распоряжение, постановление, законопроект) дальше уйти не могла. Так и осталась бы пылиться на полках архива канцелярии, как говорится, «легла бы под сукно».

Нет, конечно, Савелий Сергеевич понимал, что незаменимых людей нет. Временно на посту его может заменить первый заместитель барон Шульц, но граф опасался, что раз уступив барону свой кабинет, он уже не сможет туда вернуться. «Такова се ля ви», как говорят французы, а по-русски значитца «правда жизни». Возраст-то у него, поди, не мальчиковый, давно пора и честь знать. Пенсия солидная выслужена, можно бы и на покой, да вот только как жить без работы, ставшей его вторым домом, граф не знал.

Ясен перец, как говорил приказчик в ювелирной лавке в двух кварталах от дома, барон Шульц давно превзошел учителя. И молод к тому же, всего каких то сорок с половиной годков. Расторопен, усерден, дело свое знает по высшему разряду. Куда ни плюнь, где не копни, один высший коленкор. Однако графа давно жаба душила.

Вот и познавал он охоту в теории. По книжкам, атласам и магошарам со специальными программами для охотников и всех увлеченных охотой. На большее у него времени не хватало. Хочешь быть на коне, приходится чем-то жертвовать.

Сначала Савелий Сергеевич расстраивался, что на охоту выбраться не может. Даже в родное имение Белокуровку дорогу позабыл. В то время как соседи помещики регулярно в леса на охоту выезжают. Только регулярные сообщения через инфосферу от управляющего Белокуровкой получал, да хозяйственные и экономические сводки о состоянии дел поступали.

Граф печалился, а потом с головой в теорию ушел. Даже пару статей написал да опубликовал в «Охотничьем вестнике», спрятавшись под псевдонимом И. И. Иванов.

Увлечись книжками, Савелий Сергеевич и позабыл, каково это с ружьем зверя выслеживать. А тут приснилось. И на следующую ночь сон повторился. За исключением пары деталей...

По обыкновению граф Белокуров спал мало, каких-то часов пять-шесть, предпочитая сну деятельное бодрствование. Спать граф ложился к полуночи, namного позже своих домашних. И вставал в районе пяти-шести утра. Пока домашние смотрели сны, граф уединялся в кабинете с документами и книгами и работал, пока не проснется дом.

Но в тот день, когда ему приснился охотничий сон, граф проснулся очень поздно. Намного позднее своих домочадцев, которые к тому времени уже вовсю погрузились в будничные дела. Как водится, на службу он опоздал. Позвонил по магосвязи в канцелярию и, сославшись на разыгравшуюся мигрень, сказал, чтобы сегодня его не ждали.

Никто из родных ничего ему по этому случаю не сказал. Жена только осведомилась о самочувствии. Савелий Сергеевич помянул об удачно придуманной мигрени, сказал, что будет у себя в кабинете, завтракать не хочет, и попросил его не беспокоить.

По дороге в кабинет он услышал, как дворецкий Ибрагим сказал кухарке Глаше: «Болен барин наш, чего-то не того». Но сделал вид, что ничего не слышал.

На следующее утро он вновь проснулся в районе полудня с сильной головной болью. И почти ничего не мог вспомнить о снувшемся. Только какие-то обрывки видений, не складывающиеся в общую картину. И сны его связаны были с охотой. В этом он был уверен, как в том, что утром на рабочем столе в канцелярии его ждет чашка ароматного кофе. Привычки вещь неизменная.

Этот день он тоже провел дома. Книги по охоте отложил в сторону, подсоединился к инфосфере, вышел в пространство столичной императорской библиотеки и приступил к изучению книг, связанных с вопросами и проблемами сна.

Савелий Сергеевич весь день провел за книгами. От завтрака отказался, обед попросил принести в кабинет, на ужин не вышел.

Граф не мог ответить на вопрос, что же его так взволновало во сне. Но то, что ночью с ним происходило что-то странное и пугающее, он помнил. Это ощущение не покидало его и образ розы, большого распутившегося алого цветка, преследовал повсюду. А сегодня утром он проснулся с розой в руке.

К вечеру граф Савелий Сергеевич сдался. Инфосфера не помогла. В императорской библиотеке он не нашел ничего, что могло бы объяснить, как он смог вытащить из сна розу. И что бы это могло значить.

Вечером он отправился в постель с чувством исследователя. Быть может, сегодня ему откроются тайны снов.

Сон настиг его быстро. Поразил в самое сердце, околдовал разум. Только что он лежал на огромной постели в подушках и под балдахином. И вот он оказался в незнакомом лесу, на поляне. Ни день и ни ночь, а молочные сумерки, какие только бывают ранним утром. Вокруг беззвучная тишина. Мир вокруг погружен в сон. А тишина такая идеальная, что кажется, будто ты лишился слуха.

И запах. Пахло мокрой листвой и свежестью. Недавно прошел дождь, и трава блестела от похищенных капель. С веток деревьев то и дело капало вниз. Порыв ветра обдал прохладным душем влаги, скопившейся на дереве.

Граф не мог поверить в то, что он сейчас спит. Мир вокруг него выглядел так реалистично, что ему начало казаться, будто этот мир настоящий. И в этом мире он не граф Савелий Сергеевич Белокуров, а благородное живот-

ное — олень. Свободное и счастливое существо, пышущее молодостью и жадной жизни. А тот серый и скучный город Невская Александрия, где он жил и работал, не более чем иллюзия, глупая игра разума. Быть может, он сошел с ума и навоображал себе иную жизнь. И ведь придумал же — он человек, и не простой человек, а высокопоставленный. Особа, приближенная к императору. Выдумщик еще тот. Неужели его не устраивал этот мир, вечный пьянящий лес, пропитанный запахом свободы, что он придумал для себя другую жизнь, другую судьбу?

Прошло всего несколько минут, как он очутился в лесу, а городская жизнь начала выветриваться из его памяти. Он уже и забыл, что совсем недавно был человеком, страдающим от странных сновидений.

Олень с человеческой памятью копнул землю и наклонил голову, высматривая вкусный корешок, когда увидел вдалеке человека. Он стоял, укрывшись за деревом, и целился в него из большой длинной палки. Что хочет от него человек, зачем прячется от него и подглядывает, словно измыслил что-то недоброе. Олень качнул головой, приглашая присоединиться к прогулке, и вернулся к увлекательному занятию — выкапыванию вкусных корешков. И в этот момент, хоть на небе не было ни облачка, грянул гром, и бок обожгло болью. Олень дернулся, скакнул в сторону. Бок сильно болел. А человек вновь целился в него из громобойной палки. И намеревался снова плюнуть огнем, причинить ему боль.

Прыжок в сторону. Новый прыжок. И снова в сторону. Путать следы, сбить с толку, унести ноги. Остаться живым. Не дать себя убить, чтобы повиснуть чучелом на стене кабинета охотника.

Громыхнул выстрел. Боль ударила в спину и сломала его. Олень покатился кубарем, ломая стройные ноги.

Жизнь покидала его, а память возвращалась. Человеческая память. И хотя последние минуты он прожил оленем, но умер человек.

Охотник приближался.

Этого просто не могло быть. Как можно уснуть и быть убитым во сне? Ведь он, граф Савелий Сергеевич Белокуров, сейчас спит в своей постели, и все это ему снится. И мокрый от дождя лес, и поляна с вкусными спрятанными в земле корешками, и его животное воплощение, и убийца-охотник.

Охотник склоняется над ним. Граф-олень видит его искаженное злобой и злорадством лицо. Как же, удача улыбнулась ему, и он приобрел отличный трофей. Коим не стыдно перед друзьями хвастануть вечером на привале.

Только не охотник это вовсе, внезапно понял граф. Кто угодно, только не охотник. Для него образ охотника — такая же маска, как для графа образ оленя. И ему тоже снятся сны, и в этих снах он охотится на оленя. Только одно их отличало. Граф, ощущая себя оленем, позабыл о своей человеческой сущности, а охотник знал, что его окружает мир сновидения. И что охотится он вовсе не на животное, а на человека в оленьем облике. Охотник целенаправленно пришел за его жизнью. Он целился убить его во сне, единственном месте, где граф Савелий Сергеевич Белокуров был уязвим.

И у него это получилось.

2

Барон Иван Шульц чувствовал себя на распутье. Внезапная смерть его начальника открывала путь наверх. Кресло старого маразматика опустело, а, как известно, свято место пусто не бывает. И единственная подходящая кандидатура на эту должность — заместитель покойного графа. Он в курсе всех дел, знает механику работы канцелярии изнутри, для него несложно сразу возглавить аппарат и продолжить работать в прежнем режиме. Так что как ни крути, а у барона Шульца открывались радужные перспективы.

С другой стороны, Ивана Шульца встревожила необычная смерть шефа. А чего бы ему тревожиться? Старый граф доживал свой век. Как-никак во семьдесят один год от роду. В канцелярии старожил. Как в таком преклонном возрасте он смог управлять большим аппаратом чиновников без скидок на возраст, загадка до сих пор. Но не только смог, а еще всем пример подавал, как нужно служить любимому делу. Как говорится, днем и ночью, в холод и в зной, в рабочие часы и вместо отдыха. Целиком и полностью граф Белокуров был предан работе.

Так что же так встревожило Ивана Шульца, что он не мог найти себе места? Граф, прямо сказать, далеко не юноша, и если он ни на что не жаловался и работал с энергией динамо-машины, давая фору всем остальным куда более молодым сотрудникам, это вовсе не значило, что внутри старика все было в полном ажуре.

Иван Шульц и не переживал бы, и не думал об этом так много, если бы за несколько дней до скорбного события он не встретился с одним странным, показавшимся ему о ту пору сумасшедшим человеком.

Каждую вторую пятницу барон Иван Шульц имел привычку ужинать в ресторане «Ивения», что на Малом Посадском проспекте. Если быть точнее, на его пересечении с Пушкарской улицей. Уютное тихое местечко — зеленый скверик в кармане, образуемом двумя старыми домами с недавно перекрашенными фасадами. В скверике росли высокие деревья с пышными кронами и стояли скамейки. На них в особенности в знойный июльский полдень любили посидеть пожилые дамы (чьи-то бабушки) с пожилыми кавалерами (чьими-то дедушками). Здесь любили прогуливаться мамочки с няньками и колясками. Деревья надежно укрывали младенцев от солнечных нещадных лучей, дарили прохладу и заглушали шум пробежавших по проспекту магомобилей.

За этим сквером и прятался ресторанчик «Ивения», названный так в честь маленькой земли в Черногории, откуда, по слухам, был родом хозяин ресторана. И барон Шульц никогда бы в жизни не нашел это тихое место, если бы ему его не показали.

Из имени Шульцев, родового, так сказать, гнезда, в столицу приехал дядюшка Гавриил. От рождения его звали Гансом, но то было домашнее имя, вот уже лет двадцать как не упоминавшееся всуе, с тех пор, как скончалась его старая матушка Элизия. Дядюшка хоть и был стариком, но таким бойким и охочим до развлечений, что любому молодому дон жуану или денис давидову сто очков форы смело давал. Он-то и показал «Ивению» племяннику. Загащил, можно сказать, против воли да приохотил.

Дядюшка вернулся в имение, где через несколько дней скончался во сне от остановки сердца. Тихая смерть в своей постели. Неосознанная и непрочувствованная. Так что получалось, дядюшка проститься к племяннику приезжал и покутить по-черному напоследок. И у него, наверное, получилось. Кроме первого дня, который они провели вместе, всю оставшуюся неделю дядюшка пропадал неизвестно где, возвращался домой посреди ночи в изрядно набравшемся состоянии, а наутро чуть свет пропадал.

С тех пор Иван Шульц стал завсегдатаем ресторана. Посещал его редко, но регулярно. Барон снимал апартаменты из пяти комнат на Владимирском проспекте и, хотя на него работала кухарка Глаша, старался столоваться где-нибудь на стороне. Домашние борщи да разносолы ему изрядно набраться сухим красным итальянским, когда к нему за столик подсел мужчина в черном грязном плаще, залепанном грязью по самый воротник. Такое ощущение, что он долго бежал по какой-то проселочной дороге, высоко закидывая ноги, отчего грязь с ботинок оседала на плаще, словно раздавленные бабочки. Грязные длинные волосы с проседью падали на лицо, скрывая безумный взгляд обитателя Пряжки.

В тот вечер барон ужинал в «Ивении» и уже успел изрядно набраться сухим красным итальянским, когда к нему за столик подсел мужчина в черном грязном плаще, залепанном грязью по самый воротник. Такое ощущение, что он долго бежал по какой-то проселочной дороге, высоко закидывая ноги, отчего грязь с ботинок оседала на плаще, словно раздавленные бабочки. Грязные длинные волосы с проседью падали на лицо, скрывая безумный взгляд обитателя Пряжки.

Если бы Иван Шульц был трезв, он бы прогнал проходимца или пересел бы за свободный столик. Но барон вряд ли смог бы отличить в таком состоянии купеческого приказчика из суконной лавки от ночного удальца, промышлявшего в темное время суток по глухим городским закоулкам, коих в Невской Александрии было превеликое множество.

От незнакомца подозрительно пахло. Болотным спертым запахом да свежими грибами, точно он только что из леса выбрался, где по болотам не один день на брюхе ползал. Но и это не насторожило молодого барона.

— Мечты становятся ближе, если их высеять во снах, — прошептал незнакомец.

— Что вы с-с-сказали?

— Я вижу, вы успешный человек. Судьба вам улыбается на протяжении всей жизни. В детстве вы страдали. Много страдали. Вас мучили ночные кошмары и недержание. За это вас много ругала ваша матушка. Человек в сущности добрый, но сухарь. Хлебная корка, которая когда-то была теплой краюшкой.

Речи странного человека не понравились барону, но он был в изрядном хмелю, поэтому прислушался к человеку, а не прогнал его прочь, как это следовало бы сделать.

— Что вы себе такое напридумывали, господин курьезник. Вам бы рождественские пасквилы писать в бульварные листки, а не к пор-р-рядочным господам приставать. Время драгоценное кушать.

— Что вы, что вы, я только из благих побуждений, — улынулся редкими и хлипкими зубами незнакомец, — я лишь бы вам хорошо. А там не важно. Вы всегда во всем преуспевали. Всегда на гребне волны, всегда на коне. В гимназии первый ученик. Вы особо по гуманитарным наукам дока. В истории да правоведении преуспели. Поэтому на правовой факультет поступи-

ли. Вам протекцию предложили, но она лишней оказалась. И без нее вас с руками и ногами да под белы ручки. В университете многие ваши студенты квартировались по трущобам да закоулкам. Еле-еле на лекциях да практиках высидивали. От голодного желудка бледные ходили аки смерть на выданье. Вы же в то время по балам да барышням. Завсегда везде первый гость. К тому же желанный. И в учебе как на балу первое лицо и жених...

— К чему все это? Что вы хотите этим сказать, сударь? Мой покойный, царствие ему небесное, батюшка на содержание скуп не был. Потому я со всякими нищелюдами не учительствовал за гроши. А себя продвигал, да знакомства полезные заводил, да учился в меру таланта и сил.

Барон чувствовал, что оправдывается, но ничего с собой поделывать не мог.

— Все так. Все так. Вы и после университета резко в гору пошли. Сразу по ступенькам вверх и вверх. Вы со ступеньки на ступеньку за год перебирались, в то время как другим людям на это лет пять-десять требовалось. И вот вы уже в одном шаге от вершины, а тут валун, старый пердун, и не сдвинуть его и не убрать с дороги. За жизнь держится, словно летучая мышь за потолок своей пещеры. Вот тут-то вы и заскучали. Закручинились.

— Да кто вы, черт побери, такой? И откуда все это взяли? — возмутился барон и треснул кулаком по столу.

Бокал с красным вином опрокинулся, и струйка вина побежала к краю. Обогнула локоть незваного гостя и закапала со стола на пол.

— Из ваших снов.

— Снов? Что за бред? Что можно узнать из снов? Вы, гадалка базарная, цыганка сифиличная, пошли прочь отсюда, — запоздало увидел верное решение барон, но слишком поздно.

— Вы не можете меня прогнать, — сыто улыбнулся незнакомец.

— Это отчего же? — удивился Иван Шульц.

— Да потому что я вам снюсь.

— Вот так, так. Экая неприятность, — не поверил незнакомцу Шульц и налил себе новый бокал вина.

— К тому же это вы заинтересованы в том, чтобы я не уходил, — учтиво с интонациями прожженного афериста, убаюкивающего жертву на авантюру, сказал незнакомец.

— Отчего же так?

— У меня к вам деловое предложение. Предложение, от которого вы вряд ли сможете отказаться.

— Но у меня есть шанс. Вы не уверены, что я соглашусь.

Постепенно барон начал трезветь, чувствуя, что дело намечается серьезное, а праздная болтовня с незнакомцем как бы не довела его до тюремной крепости.

— Ни в чем нельзя быть уверенным в этом меняющемся мире. Даже в том, что мне удастся проснуться сегодня, — уклончиво ответил незнакомец.

— Отлично, — согласился барон и пригубил из бокала.

— На вашем пути находится камень. Вы уже пять лет надеетесь, что он

скатится с дороги. Но все никак. Не получается. Старик не желает с должностью расставаться. Я могу помочь вам.

— Вы объясните графу, что ему пора на покой? Или убьете его?

— Ни то и ни другое. Я освобожу его.

— И что вы хотите за услугу?

— Сущую безделицу. Ваши сны. Разумеется, плату я возьму только после того как с работой справлюсь.

— Ну, конечно, — гордо согласился барон.

Они ударили по рукам. И в ту же минуту незнакомец исчез, будто и не было его. Или он приснился барону наяву.

Иван Шульц и думать забыл об этой встрече, пока не приключилась беда в доме Белокуровых. А у него внезапно пропал сон.

В первый день он одно с другим не увязывал. Ну, мало ли бессонница приключилась, с кем не бывает. Но когда и на третью ночь сон не вернулся, барон Шульц изрядно встревожился. Стал мыслить, как ему дальше жить. Тут-то и вспомнил о встрече с незнакомцем. Получается, он ему добровольно сон свой отдал, за услугу расплатился. Не по себе стало Ивану Шульцу. Тут уж не до освободившейся должности стало. Какая должность, когда заснуть никак не можешь. До смерти недалеко, если сон не вернется.

К счастью, Иван Шульц вспомнил о бароне Карле Мюнхе, с которым познакомился прошлым летом на водах в Баден-Бадене. Барон Мюнх проводил на курорте отпуск. Видно, работа сильно вымотала молодого человека, поскольку выглядел он, прямо-таки сказать, неважнецки. И сначала показался Ивану Шульцу чиновником средней руки из департамента юстиции или путей сообщения. Почему именно эти два департамента пришли на ум Шульцу, он и сам не мог сказать. Барон Мюнх был сух, лаконичен и чертовски логичен, поэтому показала голову Фемида. К тому же он все знал о железных дорогах и современных тенденциях в науке и технике — реверанс в сторону крылатых башмаков Гермеса.

Однако Шульц ошибся. Совершенно случайно стало известно, что барон Мюнх служил до недавнего времени в Тайной канцелярии, пока не вышел в отставку. И носил Карл Мюнх не кровный дворянский титул, а магический, передаваемый от учителя к ученику. Во всех этих сложных колдовских связях Иван Шульц не разбирался, да и забивать голову лишней для себя информацией не хотел.

Одно для себя уяснил: барон Карл Мюнх птица высокого полета. Абы кто в Тайной канцелярии не служит, а уж тем более добровольно не выходит в отставку. К тому же Карл Мюнх колдун, а других колдунов Иван Шульц не знал. Поэтому все оставшееся время на курорте старался проводить в компании барона Мюнха, да и по возвращении в Невскую Александрию контакта не терял. Время от времени встречались в ресторанах, закрытых клубах, театрах.

Ни о чем Иван Шульц и прочие отдыхающие никогда бы не догадались, если бы не трагическая смерть релеванта. До этой поездки в Баден-Баден Иван Шульц никогда не видел релевантов. Люди-птицы старались держать-

ся подальше от своих бескрылых собратьев. В памяти их народа еще не успело потухнуть воспоминание о крылином бунте, когда сотни релевантов, живших среди людей в городах и селах, вырезали за одну ночь. Подстрекаемые религиозными фанатиками из Лиги Истинной Веры горожане Праги, Лондиниума, Лютеции и ряда других городов словно сошли с ума. К рассвету ни одного живого релеванта в этих городах не осталось. Тогда люди-птицы ушли от своих бескрылых собратьев и поселились где-то в горах Тибета, основав свое крохотное независимое государство — град Солнца. С тех пор минуло не одно столетие, а релеванты редко появлялись среди людей. И надо же так случиться, что один из релевантов умер.

Назревал скандал. Полиция подозревала, что смерть релеванта носила насильственный характер. Но с какой стороны ни бралась за дело, все не подкопаешься. Тогда официальные власти и обратились к барону Карлу Мюнху, рассекретили его инкогнито.

Барон Мюнх разобрался в смерти релеванта. Нашел убийцу. Им оказался молодой студент из Гамбурга, лечивший на водах туберкулез. Жить ему оставалось считанные месяцы, лечение не помогало, а тут крылатый, полный сил и здоровья, красующийся на публике. Студент не стал дожидаться суда, покончил с собой в камере. Но в это время Иван Шульц уже пересекал границу России.

Если кто и мог помочь Ивану Шульцу, то это был барон Карл Мюнх. После недолгих колебаний Иван Шульц отправил Карлу Мюнху уведомление о предстоящем деловом визите и отправился в гости. Он тешил себя надеждой, что когда вернется домой, сон вернется к нему.

3

Выйдя в вынужденную отставку и поправив здоровье на водах, барон Карл Мюнх вернулся в Невскую Александрию, где зажил праздною жизнью столичного богача. После оперативной деятельности в Тайной Канцелярии ничегонеделанье давалось с трудом. Многие столичные снобы жили в свое удовольствие, но Карл Мюнх под «жизнью в свое удовольствие» понимал совершенно иное. Его не прельщали ни балы, ни банкеты, ни званые вечера. Его мало интересовали джентльменские клубы, театры и кабаре. Он посещал их с удовольствием и в компании, но жить ради этого... Нет уж, увольте.

Для барона Карла Мюнха «жить в свое удовольствие» значило жить, балансируя на лезвии ножа. Без оперативной работы боевого мага он постепенно сошел с ума, и сошел бы, если бы не князь Драгомысл, подсказавший ему гениальную идею. Бывший начальник, вынужденный расстаться с лучшим своим сотрудником после провала операции «Сердце Мира», предложил заняться барону частной консультационной деятельностью. Человек с таким опытом мог сильно помочь как сотрудникам Тайной Канцелярии, так и частным лицам, попавшим в затруднительное положение, сопряженное с использованием магии.

«Разумеется, все негласно, в порядке, так сказать, доброй воли».

Предложение князя Драгомысла показалось очень заманчивым. Карл с радостью принял его.

Клиентов, обращавшихся к нему за помощью, было не так много. Ровно столько, чтобы не закиснуть от скуки светской жизни. Каждый из них после оказанной услуги предлагал ему деньги, иногда барон их брал. В исключительных случаях.

Барон Мюнх как раз страдал от безделья, когда Миконя Питерский, камердинер, секретарь и телохранитель барона в одном бородатом лице, доложил ему о готовящемся визите барона Шульца в свойственной ему манере:

— Тот хлыщ с курорта хочет заглянуть к вам на огонек, барон.

— Твои манеры, Миконя, когда-нибудь тебя погубят, — сделал замечание своему камердинеру барон.

— С вами, Карл Иеронимыч, мне ничего не страшно.

— Во-первых, не хлыщ, а молодой господин. При этом в отличие от тебя с хорошими манерами...

— Так и норовит свою выгоду из всего выжать. А глазки-то так и бегают, так и бегают...

— Во-вторых, этот учтивый господин служит в Императорской Канцелярии, так что потенциально может быть нам полезен. Негоже такими связями разбрасываться.

— Это еще кто кому полезен. Он-то к вам не за добрым словом и не почавничать придет. Стряслось, стало быть, что-то, если вспомнил, что у него колдун знакомый есть.

Карл знал, что Миконя прав. Не станет Иван Ильич Шульц просто так визиты наносить. Интерес у него есть. Да судя по той срочности, на коей настаивал курортный знакомец, интерес кровный, отлагательств не терпящий.

Выглядел Иван Шульц подавленным, усталым. Не человек, а серая тень прежнего жизнерадостного человека, с которым был некогда знаком Карл.

История, рассказанная Шульцем, показалась барону занимательной, но не более того. Он догадывался, что за незнакомец привязался к Ивану Ильичу. Понимал, что смерть графа Белокурова не была случайной. И считал, что барон Шульц сам во всем виноват. Он заключил соглашение, настала пора платить по счетам, а молодой человек струхнул да забился в угол. Спрятаться не удалось, тогда он стал искать специалиста, чтобы тот помог ему наказания избежать.

Только одно настораживало Карла, зачем сновидцу потребовались чужие сны? Оно, конечно, понятно — жизненная энергия и все такое. Но только добыть ее можно было и с куда менее рискованными затратами. Стоило ли ради пицци в осиное гнездо соваться? Какой прок? Императорская Канцелярия место весьма заметное. Куда проще выкрасть сны какого-нибудь крестьянина, рабочего, купчишки или мелкопоместного, а оттого и незаметного дворянчика. Эффект тот же, а риска минимум.

В этом вопросе стоило разобраться. Барон знал, с какого конца дернуть за ниточку, чтобы распутать клубочек.

— Миконя, запрягай! — приказал барон.

Если где и искать Мастера Иллюзий и Снов, то только на Дне. Об этой части города александрийцы ежели даже и слышали что-то, то мельком и какую-то сплетню. Далекую от истины настолько, насколько солнце далеко от земли.

Дно приютило в себе всех темных личностей, от воров всех возможных мастей до профессиональных убийц. Публичные дома, опиумные притоны и многочисленные кабаки могли удовлетворить каждого, кто мечтал пуститься во все тяжкие. Где бы еще мог так искусно затеряться Мастер Снов, как не здесь. Так затеряться, чтобы все окружающие считали его мертвым.

Управлять снами – искусство редкое. Не каждый маг способен этому научиться. К тому же до сегодняшнего дня Карл считал это искусство утерянным. Ведь последний мастер снов – Велимир – умер несколько столетий назад на инквизиторском костре. Они тогда полыхали по всей Европе. Питаясь чужими снами, Мастер Снов мог жить сколь угодно долго, пока не надоест. Однако ни один маг не защищен от вмешательства рока, пускай и в виде костра для еретиков и прислужников нечистого, к коим по скудоумию часто пытались причислить магов. Пока в позапрошлом веке Светлейшим Папой не был издан эдикт «О магии». Суть эдикта сводилась к простой мысли: *«Магия одно из чудес Творца, пока ее носитель не обратит свою силу против Творца и творений его»*.

Мастер Снов стал одной из жертв костра, так думал Карл. Кажется, он заблуждался.

Если где и искать Велимира, ткача иллюзий, то только на Дне. В этом городе в городе был даже свой король. Он распоряжался здесь всем, и все ему подчинялись. Его слово на территории Дна значило больше, чем божи заповеди и законы императора России.

Если ты кого-то хочешь на Дне найти, то тебе стоит обратиться к Яну Кабатчику. Он держал корчму «Попутчик» и кормился как от клиентов корчмы, так и служа посредником между народом Дна и заказчиками, прибегавшими то и дело к их услугам. Если же ты не жандарм, то Ян мог помочь за весомое вознаграждение найти нужного человека. А вот жандармов и прочих сыскарей Ян Кабатчик на дух не переносил. Если у Яна появлялись какие-либо подозрения, то шансы покинуть Дно живым у подозреваемого тут же сдувались, точно воздушный шарик, напоротившийся на острый сук.

Карла Ян давно знал. Он имел репутацию человека странного, опасного, но полезного. Несколько раз Карл обращался к Кабатчику за помощью и получал ее незамедлительно. В лучшем виде и относительно недорого. Ломить цену Кабатчик побаивался, чуял, что тут это не пройдет.

Снаружи корчма выглядела неказисто. Серое обшарпанное здание с обвалившейся штукатуркой и щербатым кирпичом. А вот внутри очень даже уютно. Дубовые столы, притушенное освещение и тишина.

В корчме народу немного. Две компании, заглянувшие на огонек, покупать сытно, выпить чуть, да дела обсудить, чтобы никто не мешал. В «Попутчике» никто никому не мешал. Здесь заключали сделки, нанимали людей, как на разовые поручения, так и на постоянную работу. И все в тишине да спокойствии. Лишний шум никому нужен. Наоборот, чем тише,

тем душевнее. За этой тишиной присматривали да блюли. Нарушители тут же сполна получали свое. Им культурно (пара выбитых зубов не в счет) объясняли, где можно шуметь, а где нежелательно. Инциденты случались, но все больше по неопытности, незнанию дела да по пьяной лавочке.

— Следите за карманом, барин, — шепотом посоветовал Миконя, — нравится же вам по таким скотомогильникам шляться.

— Не нравится, но дело есть дело.

Карл с порога направился через весь зал на закрытую половину корчмы, где можно было хозяина застать да переговорить по душам.

У него на пути вырос вышибала, здоровый мужик с окладистой бородой, медвежьими руками, щербатым ртом и взглядом таты. Но тут Миконя подсуетился. Вынырнул из-за спины барона, да объяснил по-хорошему, кто есть кто, и почему березы качаются. Упражнение с березами вышибале особенно пришлось по вкусу. Под чутким руководством Микони он пару раз склонился до земли, судорожно хватая воздух ртом. После чего никаких возражений от него больше не поступало.

Они застали хозяина за работой. Ян Корчмарь восседал на большом стуле с высокой резной спинкой. На большом мясистом носу сидели круглые очки. По сравнению с носом и головой очки выглядели игрушечными, снятыми с какой-то куклы.

Корчмарь с умным и подслеповатым видом изучал большую амбарную книгу и делал в ней пером пометки.

— Давно не виделась, Корчмарь. Как дела идут? Как кормишься? Сытно?

Корчмарь оторвал глаза от амбарной книги и стряхнул очки на кончик носа. Они мешали ему разглядеть визитера.

— И тебе, Карл Иеронимыч, здравствовать. Думаю, ты ко мне не здороваться пришел. А дело у тебя важное, нужное, — пронизательно заметил Корчмарь.

Что делать, профессия. К нему за просто так никто не приходил. Все по делу или с просьбой. Такая уж репутация.

Карл не стал ходить вокруг да около, а все как есть изложил. Нужен ему человек такой внешности (подробное десятиминутное описание, взятое из книги «Маги и колдуны древности» авторство князя Драгомьсла), предположительный образ жизни и род деятельности (основано на информации, почерпнутой из вышеуказанной книги плюс собственные размышления), возможное имя Велимир.

Корчмарь надолго задумался. То ли размышлял, кто подходил под это описание, то ли думал, стоит ли сдавать вышеозначенную особу.

Наконец он разродился:

— Кажется, я знаю, кто вам нужен.

Корчмарь отправил их на самую окраину Дна. Это место называли Изнанкой. И здесь проживали люди не только сомнительной репутации, но и сомнительных способностей. Недоучившиеся колдуны, стихийно проявившиеся, не огранные учителями. Такие люди обладали силой, но почти не умели ей управлять. Шарлатаны всех мастей и видов нашли здесь свой приют. Отсюда они поутру расплозились в город на заработки, здесь укрывались на

ночь. Прибежище неудачников и лентяев. Где, если не здесь, мог укрыться Мастер Снов и Иллюзий, так, чтобы долгие годы оставаться незамеченным.

— Раз.

Карл закрыл глаза, сосредоточился и потянулся мысленно к зданию, где, по словам Корчмаря, прятался Велимир Ткач. Общаться лично им не приходилось, Ткач никого никогда не искал, никто ему не был нужен, да и горячительные напитки его не интересовали, но о нем Корчмарь много раз слышал от разных людей, приходивших к нему кто за услугой, а кто и наоборот работу найти.

Словно рыбак, закинувший сотни удочек с целью изловить рыбу, Карл раскинул ментальные нити сквозь все здание. Стоит одну нить задеть, и цель поймана. Останется ее только подсесть и скрутить, чтобы не трепыхалась, сопротивления не оказывала.

— Два.

Миконя достал из заплечного рюкзака треногу штатива, развернул ее, установил, закрепил на земле плотно, чтобы ни порывом ветра, ни случайно задев, не опрокинуть драгоценный прибор. Из недр того же рюкзака он извлек продолговатую массивную коробку из окрашенного черным металла. Водрузил коробку на треногу, прикрутил тремя зажимами на резьбе и раскрыл, разломил по центру, обнажив нутро — шестеренки, зубчатые колеса и прочие механизмы. Из рюкзака Миконя извлек две бобины — пустую и с намотанной черной перфорированной пленкой. Пустую бобину он установил на одну шестеренку, полную на другую. Отмотал пленку, пропустил сквозь механизм и закрепил на пустой бобине. Из рюкзака Миконя извлек последнюю деталь — большую ручку, похожую на ручку мясорубки.

— Готово, батюшка. Сейчас мы его, суку, захомутаем.

— Три.

Карл представил, как наматывает невидимые ментальные нити на руку. Рука дрожит, будто удерживает неподъемный груз, поворачивается, точно вывинчивает невидимую деталь. Рука дрожит все сильнее. Точным выверенным движением рыбака, подсекающим клюнувшую рыбку, Карл дернул, намотанные на кулак нити, на себя. Тысячи ментальных нитей рванулись наружу, возвращаясь к хозяину.

Есть контакт. Несколько нитей задели разных людей, считывая их ментальный образ и отсылая его Карлу.

Не то.

Не тот.

Не этот.

Есть контакт. Нужный образ найден. Он мог принадлежать только сильному магу с хорошей и старой школой. Такие здесь не водятся.

Карл пробудил Велимира. Показал, что за ним пришли. Раззадорил. Осталось подождать, пока Мастер Снов проявит себя. Выглянет на зов посмотреть, кто к нему в гости пожаловал.

— Будь готов, Миконя. Сейчас полезет. Надеюсь, пленки хватит.

— Не извольте беспокоиться, Карл Иеронимыч. Сделаем все в лучшем виде.

— Четыре.

Миконя профессионально сощурил глаз. Прильнул к окуляру аппарата и положил ладонь на рукоять, приготовившись ее вращать.

Внезапно исчез дом, словно в воздухе растворился. На его месте проклюнулся фонтан. Из него забил белый дым. Пульсирующими толчками он вырывался изнутри и расползался в разные стороны. Постепенно белый туман заполнил небо, скрыл собой окружающие предметы, соседние дома, мостовую, фонарные столбы. Вокруг ничего не осталось, кроме тумана. Мир перестал существовать.

Карлу начало казаться, что ему все это снится. Он не сомневался, что Миконя испытывает те же чувства. Но им нельзя поддаваться, иначе они окажутся во власти Велимира. Но и сопротивляться нельзя, чтобы не спугнуть. Надо позволить себя опутать иллюзиями, сделать вид, что они поддались. Тогда удастся выманить Мастера Снов. Он уже долгое время не общался ни с кем равным себе. А тут к нему гости припожаловали. Он не сможет удержаться от общения, и тогда...

Карл оказался прав. Снежный занавес раздвинулся и из него вырос человек неопределенного возраста, среднего роста, сутулый, с горящими алым светом глазами из-под грязных спутанных волос.

— Что вам надо? Зачем вы пришли?

Карл молчал. Хранил молчание Миконя. Если они находятся во власти Мастера Снов, то без его приказа они не могли говорить. Ведь их воля подчинена власти Мастера.

— Я разрешаю.

— Мы пришли за тобой, — тут же ответил Карл.

— Зачем я вам потребовался? — удивился Велимир.

— Ты забрал сон у одного человека.

— И что в этом такого? Мы заключили соглашение. Я исполнил свое слово, он заплатил.

— Зачем тебе сны?

Все идет как надо. Истосковавшийся по общению Велимир потерял осторожность. Он убежден, что у него все под контролем. Тем неожиданнее будет удар.

— Сон это моя пища. Он дает мне силы.

— Зачем тебе нужны сны именно этого человека? Зачем ты его преследовал? Глаза Велимира полыхнули безумием.

— Когда-то Ложа Сновидцев славилась своим могуществом. Мастера Снов царили над умами простых людей. Мы управляли историей. Верующие люди были настолько доверчивы и управляемы. Жалкое стадо. Достаточно присниться деревенской дурочке раз, другой. Нашептать ей нужное. И вот она уже во главе преданной ей армии освобождает страну от захватчиков. О! Это воистину потрясающее чувство власти. Но они уничтожили нас. Я последний. Они считают, что я мертв. Как же, не дождутся. Я восстаню! Былое могущество Ложи. Но для этого мне нужен ученик.

— Барон Шульц?

— Удачливый барон Шульц. Я исполнил его мечту, но забрал сон. Скоро, очень скоро он почувствует, что не может жить дальше. И тогда в минуту сильного отчаянья он украдет чужой сон. Один, другой. И он придет ко мне. Потому что захочет учиться. А не захочет, я умею убеждать. Похитив его сон, я инициировал его. У меня скоро будет ученик.

Пора.

— Пять. Крути! Крути! Крути! — закричал Карл.

Ментальные нити, все еще находящиеся у него в руке, барон набросил на шею Велимира и затянул потуже, чтобы он не смог сбежать.

Миконю дважды просить не пришлось. Он яростно закрутил ручку аппарата. Закрутились бобины с пленкой. Штуковина на треноге завибрировала и стала втягивать в себя белый туман, капля за каплей, клочок за клочком. Сползая, белый туман обнажал дома, развалюхи, мостовую, фонарные столбы и корчащегося, пытающегося вырваться колдуна.

Велимир не понимал, как это могло произойти. Его изловили, нейтрализовали его ворожбу, а теперь при помощи какой-то странной штуковины капля за каплей выпивают его силу. Он взвыл от отчаянья. Он ничего не мог сделать. Его поймали.

Втянув в себя весь белый туман, странный аппарат нацелился на Мастера Снов. И через секунду он пропал.

Миконя перестал вращать ручку. Утер пот со лба.

— Да уж. Теперь я понимаю, зачем вы заставили нацепить на меня те стекляшки.

Он протянул руку к лицу. Невидимые очки проявились, и он снял их за ненадобностью. Точно такие же очки снял барон Мюнх.

— Если бы ты это не сделал, своими иллюзиями он превратил бы тебя в какую-нибудь бабочку. Вернее, заставил бы поверить, что ты бабочка. А дальше как в притче. Ты бы не смог отличить истину от иллюзии. Очки истинного зрения, отличное изобретение.

— Слава Спасителю, мы изловили эту тварь.

Миконя рьяно перекрестился.

— Мы изготовили его портрет на память, — улыбнулся Карл, похлопывая по жестяной коробке с отснятой пленкой.

— Пойдемте домой, барин. Здесь как-то не по себе. Вонючее место.

Миконя поспешно разобрал аппарат и прятал его в рюкзак.

— Карл Иеронимыч, а как же с прощельгой нашим? У него теперь все в порядке?

— Не думаю.

— Почему, барин?

— Он заключил договор. И этот договор исполнен надлежащим образом. Я не в силах разорвать договор. Так что боюсь, Иван Шульц должен сполна расплатиться. Скоро он сам придет сюда. Изнанка его примет. Без мастера подмастерье обречен на забвение.

ЮРИЙ ЛУЗАН

ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ

(ГОРОДСКАЯ СКАЗКА)

Е СЛИ БЫТЬ СОВЕРШЕННО ТОЧНЫМ, НАЧАЛОСЬ ВСЕ летом, а не весной следующего года, как многие думают. В начале июня умер Лидерман, и я узнал об этом, когда ко мне в квартиру позвонили две пожилые женщины и сообщили, что собирают на похороны. К тому времени я уже больше трёх лет прожил в «пьяных дворах» и был прекрасно осведомлён об этом обычае. Собирали всегда две женщины, имён которых я, к сожалению, не знал.

Время от времени они врываются в мою жизнь с напоминанием, что она, эта жизнь, без сомнения конечна. На лицах их, когда они собирали деньги, застывала скорбь, а я не мог отделаться от мысли, что обязанность эта их не столько тяготит, сколько доставляет истинное удовольствие. Сумма была необременительна для почти любого кармана — десять рублей, и не менялась никогда, вне зависимости от заслуг человека, ушедшего из жизни.

Протягивая в тот раз мятую десятирублёвую купюру и размышляя о том, придет ли кто-нибудь на замену старушкам, если их обоих вдруг выкосит бубонная чума, я спросил о том, кто на этот раз умер. Фамилия Лидерман ни о чём мне не сказала, и пожилая женщина, та, что стояла слева и прятала мою купюру в целлофановый пакетик к другим таким же денежкам, пояснила:

— Старик с первого подъезда, у него ещё была собака, вся такая в белых кучеряшках.

Старушка, стоящая справа и отмечающая крестиком мою квартиру в самодельном списке, пояснила:

— Пудель. Откликался на кличку Рексик.

Теперь я понял. Старик был самым старым жильцом нашего дома. Он медленно ходил, опираясь на трость, или сидел на лавке, а белый пудель с чёрным ошейником — кстати, тоже весьма и весьма пожилой пёс, бегал по двору, деловито обнюхивая и описывая все неподвижные предметы.

Позже я узнал, что деда хватились только на четвёртый день и когда взломали дверь, увидели, что пёс обглодал руку и частично лицо. Бедное животное винить не в чем, в конце концов, оно просто хотело есть.

В квартиру Чеха старушки звонить не стали, справедливо полагая, что сумма в десять рублей для него как раз очень обременительна. Они вежливо попрощались со мной и стали подниматься по лестнице на четвёртый этаж, а я закрыл дверь и пошёл продолжать прерванную появлением вестниц смерти работу — натюрморт, который надо было закончить к среде. Я даже не представлял себе, ареной каких необычно-

венных событий вскоре станет наш небольшой райончик, ставший мне почти родным.

Не то чтобы я сильно об этом задумывался, но мысли такие всё же мелькали в моей голове. Кому достанется квартира Лидермана? Старик производил впечатление человека, пережившего всех своих родственников, но у него вполне мог остаться сын, или дочь, или же внук.

Сам я именно так и попал в «пьяные дворы». Моя бабушка умерла, оставив мне по завещанию квартиру. Я благодарен старушке, хотя и с ужасом вспоминаю всё то время перед её смертью, когда выносил «утку» и подтирал ей задницу. Можно сказать, что я заработал право на квартиру. А вот внучок, если бы он объявился у деда, такого права, по моему мнению, не имел. Ни разу не видел, что бы кто-нибудь вообще его навещал.

Детей и внуков у деда не оказалось. Только двоюродная сестра, появившаяся на похоронах. Про неё мне рассказала тётя Алла, как-то вечером за кружкой чая:

— Зовут Екатерина Николаевна. Немолодая, но выглядит хорошо. Очень неплохо, я бы сказала. Нашим не понравилась.

— Почему? — спросил я.

— Очень бойкая тётушка. Деревенская, но выглядит лучше городских ровесниц. Пробивная. Наглая. Собирается остаться жить у нас. На похоронах, она так и заявила прямым текстом: братик, мол, вовремя умер, я как раз собиралась перебраться жить в большой город.

Тётя Алла хихикнула:

— Кумушки во дворе до сих пор вспоминают это изречение и перемывают её толстые кости.

Было видно, что тётя Алле если и не понравилась двоюродная сестра Лидермана, то, по крайней мере, произвела впечатление. Это значило, что нечто интересное в этой особе было. Тут мнению тётушки можно было доверять.

Разбиралась она в людях неплохо и была из того типа женщин, которые предпочитают общество мужчин обществу женщин. В основном потому, что с мужчинами ей интересней общаться. Конечно, золотые годы тётушки давно уже позади, и я единственный мужчина, переступающий порог её жилища. Я люблю заглянуть к ней в гости, попить чаю и послушать последние дворовые сплетни, так как тётя Алла — мой лучший источник информации. А ещё у нее очень вкусное варенье из крыжовника и самодельное печенье. Мне она не родная тётя, просто просила меня называть её именно так.

Екатерину Николаевну я увидел на следующей неделе, сразу поняв, что это именно она — так точно было данное мне описание. Почему-то сразу вспомнились тётушкины «толстые кости». Наследница жилья в нашем доме была крупной женщиной. Именно крупной, а не толстой. Мясо пропорционально было распределено по крупному скелету. Я, как художник, сразу обратил на это внимание.

Было заметно, что она немолода, но кожа на лице была удивительно гладкой и чистой. Волосы были выкрашены в рыжий цвет, а чёрные глаза смот-

рели нагло, как будто только и искали, с кем бы сцепиться их хозяйке. Шла она по двору так, словно прожила здесь всю жизнь, а не переехала только что из глубинки. Как-то сразу бросалось в глаза, что кумушкам со двора эта баба не по зубам.

Не знаю, какая у неё была фамилия, но месяц спустя, когда она всюю уже торговала самогонкой, к ней приклеилась кличка Барсучиха.

Наши «пьяные дворы» – это маленький райончик большого микрорайона. На карте города вы его не найдёте, но любой житель города знает, где он находится. Это райончик пятиэтажных хрущёвок, где один двор переходит в другой двор, не прерываясь на автодорогу. Это пародия на элитные районы больших городов, возводимые там в последние годы. У нас тут всё есть. Почта. Школа. Магазины. Парикмахерская. Можно прожить всю жизнь, не высовывая носа из «пьяных дворов», и поверьте мне, некоторые именно так и поступают.

Говорят, раньше здесь была деревня под названием «Пьяные дворы». Мол, именно оттуда и название. Точно я не знаю, может оно и так, но поверьте – если бы этот райончик не соответствовал названию, название отвалилось и забылось бы, погребённое пылью веков.

У нас много пьющих людей, сильно пьющих и тех, кто пьёт всегда. Последних не так много, как первых и вторых, но, по моему мнению, они гораздо честнее сами с собой и с окружающими. Своими жизнями они как будто заявляют – да, мы алкоголики, ну и что?!

Три группы описанных мною людей – группы разные. Люди, относящиеся к первой группе, пьют водку, пиво, вино. Вторая группа употребляет водку и самогонку. Третья одну лишь самогонку. Первая и вторая группы презирают третью, тем не менее, время от времени предоставляют ей новых людей.

Третья группа элитная. Это как клуб, членство в котором не одобрит ваша жена. Это общество людей, объединённых одинаковыми интересами. Не хочу сказать, что люди эти дружны между собой, но общение между собой они поддерживают. Знаете, какой самый известный человек в деревне? Это деревенский алкоголик. Так и наши алкаши – все они знаменитости в своём роде.

Разумеется, при подобном положении вещей торговля самогонкой у нас процветала. Было пять точек, о которых все знали, даже те, кто эту отраву не употреблял. Четыре точки были не слишком надёжны. Иногда там не было самогонки, хотя чаще была. Пятая точка была открыта всегда – и днём, и утром, и ночью. Торговала там Петровна, личность в те времена известная всем «пьяным дворам». Это была крепкая тётка, выпуска пятидесятих годов. Чем-то она напоминала Барсучиху, хотя и была исконно городской жительницей.

В самом начале своей карьеры, Петровна честно гнала самогонку, разбавляя её димедролом. Однако довольно быстро это ей надоело. Она связалась с молодыми парнями явно бандитской наружности и принялась торговать средством для мытья окон, разбавленным водой из-под крана.

Смертельный коктейль отпускался по бросовой цене, имелся в наличии всегда и бог весть скольких людей преждевременно свёл в могилу. Петровна сделала себе на заказ металлическую входную дверь с небольшим окошечком, через которое и отпускался продукт. Засов лязгал на двери круглые сутки, и деньги текли рекой — большая часть, разумеется, молодчикам, поставляющим средство для мытья окон, но кое-что оседало и у Петровны. На это «кое-что» она купила своим детям квартиры в центре города, а сыну — поддержанную иномарку с четырьмя кольцами на радиаторной решётке.

Казалось, безраздельному властвованию Петровны на рынке доступно спиртного не будет конца, однако тем летом, неожиданно для всех, Петровна была втянута в конкурентную борьбу, печально для неё кончившуюся. В игру вступила Барсучиха. Конечно, все подробности мне неизвестны, но на взгляд стороннего наблюдателя вся эта борьба выглядела следующим образом.

Недели две Барсучиха обходила всех районных алкашей, рекламируя собственную самогонку, по её словам выгнанную на чистом деревенском воздухе. Цена была меньше, чем у Петровны, к тому же, как я слышал, она первое время частенько отпускала в долг, списывая его потом. Ещё проводились различные рекламные акции, вроде бесплатной стопки каждому десятому посетителю. В общем, Барсучиха вышла на рынок по всем правилам маркетинга. Разумеется, Петровна стала терять клиентуру и была вынуждена снизить цену, неся при этом колоссальные убытки.

В ответ Барсучиха выпустила на рынок новый товар — бюджетную самогонку. Бог весть из чего она делала этот продукт, но полторалитровая бутылка «вонючей» стоила десять рублей.

Стоит сказать, что к Барсучихе ходили разные люди. Тут тебе и вечно нищие студенты, и мужики, рано утром едущие на рыбалку и видящие, что единственный круглосуточный магазин закрыт на переучёт. Всем им «бюджетку», насколько я знаю, не предлагали. Пить её могли только люди, пережившие моющее средство Петровны. Была она, насколько я знаю, зелёного цвета и разлила за версту. Чех говорил, что дрянь редкостная, но с ног валит хорошо.

Последние клиенты бросили Петровну и переметнулись к Барсучихе. Ходили слухи, что в дело пытались вступить компаньоны Петровны, но у них ничего не вышло. Почему не вышло, да и пытались ли они — этого я точно не знаю. А осенью Петровна умерла — то ли сердце не выдержало проигрыша, то ли она сама по ошибке хлебнула своего зелья.

Опять же, ходили слухи, что компаньоны умершей Петровны подъезжали к Барсучихе с выгодным предложением, но получили от ворот поворот. Торговала она не моющим средством, это точно. Каждую неделю на красной Ниве с мятым крылом приезжал мужик Барсучихи и привозил металлические фляги, забирая пустые.

Однажды Чех пытался объяснить мне причину успеха Барсучихи. Слова мне его запомнились.

— Тут дело не только в цене, — сказал тогда он. — Важно отношение. Петровна, она на нас как на людей не смотрела, а Барсучиха приветлива.

Тогда-то всё и началось. Тогда, а не год спустя, когда весной случилось нашествие лягушек, и все бабки в нашем дворе, да и за его пределами тоже, заговорили о чертовщине. Впрочем, в самом явлении лягушек никакой мистики не было. Мне всё Чех рассказал.

Как-то раз он зашёл ко мне в гости попросить немного соли, и мы разговорились. Мы с Чехом иногда по-соседски общаемся. Мне он нравится. Алкаш, конечно, первостатейный, но бывают иногда и у него просветления, когда с ним интересно поговорить. По всему видно, что в прошлой своей жизни Чех был интеллигентным человеком. И эту его интеллигентность никакой скотский образ жизни не смог стереть.

В том разговоре я упоминал про явление лягушек, и Чех, рассмеявшись, мне всё рассказал. Оказывается, над ним с Карабасом пошутил Витька Малыгин с третьего подъезда. Витьку Малыгина время от времени кодирует жена, после чего он несколько месяцев не пьёт, отчего страшно дерёт нос перед алкашами третьей группы. А Карабас — это алкаш, о котором в двух словах можно сказать, что просветлений у него вообще не бывает.

Так вот, у Карабаса и Чеха не было денег на спиртное, и Витька посоветовал им наловить лягушек в болоте за «пьяными дворами» и загнать их шеф-повару ресторана, живущему в тридцать седьмом доме. По его словам, ресторан был французский и там подавались лягушачьи лапки. Сам он якобы так уже делал и получал за лягушек неплохие деньги.

Весна была жаркая, лягушки в болоте водились в изобилии, и Чех с Карабасом, недолго думая, наловили целый пакет деликатесов.

— Ну и лицо было у того шеф-повара, когда он открыл дверь рано утром и пытался понять, что нам от него нужно. Когда он понял, то сполз по дверному косяку на пол, от смеха. Мы тоже всё поняли и уже собирались уходить, когда он предложил нам десять рублей, за то, что мы выпустим наш улов в тамбур этажом ниже. Дверь в тамбур не закрывалось, и мы конечно согласились.

Я улыбнулся. Поступок шеф-повара мне был понятен. Прямо под ним жила вредная старуха, с которой он был на ножах. Я об этом от тёти Аллы узнал. Именно старуха и растрезвонила на весь район о том, что на неё наслали порчу — полчища лягушек, выскакивающих прямо из стены.

— А повторение на следующий день тоже ваша работа? — отсмеявшись, спросил я.

— Самое забавное в этой истории, что нас с бутылкой увидел Витька, подумал, что мы и впрямь умудрились продать лягушек, и решил повторить наш подвиг.

Когда я переехал в «пьяные дворы», Чех уже был Чехом — настоящим дворовым алкоголиком. Жил он один, и из всей его родни, если она у не-

го ещё была, навещал его только брат. Я думал, что младший, и очень удивился, когда узнал, что старший. Чех, оказывается выглядел лет на десять старше своего возраста.

Брат у него был крутышка, ездил на новом БМВ и одевался не в самых дешёвых магазинах. Думаю если бы не брат, Чех уже давно бы склеил ласты. Он нигде не работал и, скорее всего, умер бы с голоду или был бы выселен из квартиры. Брат оплачивал счета, привозил еду и подкидывал денег. Немного, но на самогонку Чеху хватало.

Ещё Чеху помогали женщины нашего дома. Я заметил, что по сравнению с другими алкоголиками, к Чеху они относились с некоторой симпатией. Как-то раз, я спросил об этом у тётки Аллы.

— Понимаешь, — сказала она. — Чех не всегда был Чехом.

Я кивнул головой. До этого было не сложно додуматься и самому.

— Раньше его звали Костя, и это был самый красивый парень из тех, что я видела.

Тетя Алла работала актрисой в городском театре, и все стены её однокомнатной были завешаны старыми фотографиями — тётя Алла на сцене и вне её. По этим фрагментам прошлого было видно, что в молодости моя хорошая знакомая была красивой женщиной. Очень красивой. Она ни разу не была замужем, но думаю, в поклонниках недостатка не испытывала. Если она говорит, что Чех был красивым парнем, и при этом её взгляд затуманивается, так оно и есть.

— У него была жена. Очень красивая девушка. Они были прелестной парой, и люди на улицах частенько оглядывались им вслед. Перед свадьбой у них был бурный и красивый роман. Видно было, что они души друг в друге не чают. А потом её сбила машина. Её, а также их семимесячного малыша, которого она носила в животе.

Костя бросил работу, у них с братом была своя фирма на двоих, и стал пить. Понимаешь, он... как бы это сказать... Он, как Ромео, который видит, что его Джульетта мертва и принимает яд. Только такой яд, что убивает не сразу. Убивает медленно, но верно. Такой вот, русский Ромео.

Кажется, у Шекспира всё было по-другому, но я не поправляю тетю Аллу, в конце концов, ей виднее, она ведь двести пятьдесят раз играла Джульетту на сцене нашего городского театра. Причем последний раз, когда ей было сорок два года.

После нашего разговора о лягушках трезвым Чеха я в апреле больше не видел. Он ушёл в такой крутой запой, что мне стало за него страшно. Однажды я затаскивал Чеха в его квартиру (он лежал в луже воды ночью, и я испугался, что он просто захлебнётся), и он сказал одну очень странную вещь:

— Скажи Макс, а у всех людей есть хвосты?

Он это неразборчиво прошептал, и я решил, что просто ослышался. От Чеха несло, он был мокрый и едва стоял на вибрирующих ногах. Я распахнул дверь его квартиры, которая никогда не закрывалась, и сгрузил Чеха на пол коридора. Я был зол на него, и мне было противно даже думать о том,

как я вёл по лестнице это вонючее, грязное тело — растерявшее последнее сходство с человеком.

— У тебя он точно есть, чёрт пьяный! — крикнул я, захлопывая дверь.

На следующий вечер, Чех как нарочно лежал в той же самой луже. Подбирать я его больше не стал.

В запой ушёл не один только Чех. Такое впечатление, что все его друзья также сорвались с последних рубежей. Они валялись по всему району, в самых неожиданных местах. Трезвыми я их вообще не видел, даже когда рано утром шёл на работу.

А ещё в нашем райончике забурлили самые неожиданные слухи, которые здесь отродясь не водились. Передавали их не одни только старушки на скамейках, эстафету подхватили сначала школьники, потом студенты и учащиеся. А после и все остальные.

Началось всё это с лягушек, разумеется, о которых теперь никто и не вспоминал. Говорили о большом чёрном коте, в полночь качающемся на качелях нашего двора. Говорили о насмешливом хохоте, несущемся ночью с неба. Говорили о тени, поздно вечером пугающей одиноких прохожих. Говорили о том, что однажды ночью всё молоко, привезённое в местный магазинчик накануне, разом прокисло. Говорили о многом таком, чего уже я и не припомню. Было такое чувство, что на наши «пьяные дворы» что-то стремительно надвигается. Что-то не очень хорошее.

А потом апрель кончился, и... Впрочем, мне не хочется рассказывать эту историю по порядку. Я не слишком хороший рассказчик. Я художник. Если мне дать лист бумаги и ручку, я нарисую рисунок, а не напишу рассказ. Но сейчас мне кажется, будет правильнее перенестись во времени и привести один разговор, случившийся два года спустя между мной и Чехом.

— Закуришь? — Чех протянул мне открытую пачку. У меня были свои, но сигареты Чеха были дороже раза в четыре, так что я взял одну.

Мы сидели у меня на кухне за столом и пили коньяк. Коньяк был Чеха, так что, я думаю, он был тоже дорогой. Сам я в таких вещах не разбираюсь и вообще предпочитаю светлое пиво всем другим алкогольным напиткам. Мы обмывали какую-то успешную сделку, проведённую фирмой Чеха. Насколько я знал, после возвращения в неё моего соседа, дела у фирмы резко пошли в гору. Впрочем, обмывали — это громко сказано, мы выпили две стопки коньяка, и Чех уже собирался идти домой. Больше он никогда не пил. Странно, что он вообще употреблял спиртное, не боясь снова сорваться.

Я поднялся с табуретки, поставил на стол пепельницу и открыл форточку. Вытяжки у меня не было, сколько уж лет, как я переехал в бабушкину квартиру, а купить её и сделать ремонт так и не собрался. За окном был вечер. Весенний вечер. Может быть, именно поэтому Чех и решил выговориться?

— Та картина в мастерской, как ты говоришь, она будет называться?

Я не люблю показывать свои работы до того, как их закончу. Но Чех — исключение, обычно он вообще ничего не говорит. И уж во всяком случае, никогда не критикует.

— «Сон». Картина будет называться «Сон».

Чех кивнул. Взгляд его был устремлён в окно.

— Хочешь, я расскажу тебе один свой сон? Очень ммм... необычный сон. Скажем так, последний сон алкоголика.

Отчего-то я сразу понял, что меня ждёт интересный рассказ. Не раздумывая, я кивнул.

— Помнишь Барсучиху?

— Да.

— Она продавала дешёвую самогонку.

— «Бюджетка», кажется, так вы её называли.

— Точно. «Бюджетка». Той весной она сбросила цену ещё, но и сама «бюджетка» стала другой. Я пил разные вещи, для питья вовсе не предназначенные. Жидкость для мытья стёкол, спирт технический, спирт медицинский, настойку боярышника, одеколон, духи. Но такой странной самогонки, как её «бюджетка» той весной, я не пил никогда. Она воняла так, что одним только запахом сбивала с ног. Цвет был жёлтый, как у мочи. Похмелье было убийственным, а ещё этот её напиток окрашивал мочу в зелёный цвет. Ещё из-за неё снились странные сны. Я видел разные вещи. Я летал над ночными полями и дотрагивался рукой до серебряного серпа луны. Игрался звёздами, как детишки играют мячиками. Это были хорошие сны, но были ещё кошмары — длинные и вязкие, вырваться из которых было трудно.

Весь апрель для меня был чередой разных снов. Я потерял связь с реальностью, порвалось та тонкая ниточка, привязывающая меня к миру живых. Границы между миром снов и реальным миром стёрлись. Я не мог отличить одно от другого. Я каждый день шёл к Барсучихе, покупал её зелье и вливал в себя столько, сколько в меня могло влезть. Влезало обычно много.

В определённый момент у меня кончились деньги, но Барсучиха продолжала меня снабжать своей самогонкой. Я этому даже не удивился. Кажется, весь апрель я вообще ничего не ел. Было такое чувство, что я падаю и земля всё ближе и ближе. Мне кажется, я понимал, что это конец. Настолько, насколько вообще мог что-нибудь понимать в таком состоянии. Из таких запоев путь лишь один — на кладбище.

Вот тогда мне и приснился тот кошмар. Когда я был уже в метре от земли.

В том месяце мне часто снились кошмары. Пересказывать их не хочу, да это почти и невозможно, слишком уж специфические видения. Скажу лишь, что мне часто мерещилось, будто у меня вырос хвост, а руки мои и грудь покрывает шерсть.

Я вспомнил, как тащил в тот раз Чеха в его квартиру. В подъезде было темно, но не показалось ли мне, что у него были уж слишком волосатые руки?

— Этот сон был из той же серии, только на порядок реальней предыдущих. Приснился мне он в ночь с тридцатого апреля на первое мая. Тебя это о чём-то говорит?

Я кивнул головой.

— Вальпургиева ночь.

— Точно. Мне приснилось, что я проснулся у себя дома и сел в постели. Всё тело чесалось, и когда я стал его расчёсывать, то почувствовал под когтями грубую шерсть. От окна до моего ложа протянулась лунная дорожка, и я всунул руку под бледный свет луны. Это была не моя рука. Скорее это можно было назвать лапой монстра — она была вся покрыта чёрной шерстью, и каждый палец заканчивался жёлтым загнутым когтем. Пахло мокрой псиной, и внезапно я понял, что запах этот издаю я.

Особенно сильно чесалось там, где тело моё прикрывали трусы. Нелогично думая, я сорвал их, и зуд немедленно прекратился. К моему удивлению, я увидел, что трусы скрывали эрекцию, которой у меня уже лет пять не было. Я вскочил на ноги, и услышал стук копыт ударившихся о деревянный пол. Хвост обвился вокруг левой ноги, потом приподнялся и почесал за левым ухом. Хвост был узкий, длинный и заканчивался расширением в форме карточной пики. Было непохоже, что он меня слушается.

В коридоре висело треснувшее зеркало, в которое я не смотрелся года два. Не было у меня желания смотреться в него и сейчас. Страха не было, но я чувствовал сильный зов, идущий от окна.

Я открыл оконную раму, и вспрыгнул на подоконник. Зов шёл от нашего «Привала», да и откуда скажи на милость, ему ещё было идти? «Привал» в последние годы стал мне настоящим домом. Бывал я там, во всяком случае, не в пример чаще, чем в своей квартире.

Я оттолкнулся от подоконника и прыгнул в окно, ни секунды не сомневаясь в том, что вместо того чтобы упасть, я полечу. Я действительно полетел — взмыл выше крыш домов и с высоты увидел «Привал». Деревья там светились зелёным светом, и между ними мелькали чёрные фигуры.

Когда я уже подлетал к «Привалу», меня обогнала чья-то толстая фигура. Кажется, я узнал Спикера — алкоголика из соседнего двора. Он весь был покрыт шерстью, кроме абсолютно лысого и свисающего вниз брюха. На голове я успел заметить рожки.

Я не рассчитал скорость приземления и чуть было не переломал себе ноги. Пожалуй, я обязательно бы их себе переломал, если бы не раздвоенные копытца. Помнится, я ещё подумал, что всё это не так уж и глупо придумано. Хвост, кстати, во время полёта выполнял функции стабилизатора.

Большинство моих друзей уже были здесь. Узнать их, впрочем, было нелегко. Все они подверглись такой же метаморфозе, как и я. Яблоня, нависающая над нашей полянкой, испускала жутковатый зелёный свет, и я рассмотрел, что под ней не было ни стола, ни скамеек. На их месте зияла яма, в которой копошились черти. На холме свежерытой земли стояла Барсучиха. Я несмело приблизился, и Барсучиха посмотрела на меня.

Как-то сразу было понятно, что передо мной ведьма. Маска продавщицы самогонки отвалилась, и я видел истинное лицо Барсучихи. Немного злое, очень красивое и высокомерное. Красные волосы развивались на манер змей медузы Горгоны. По корням волос прыгали искры. Бюст. Живот. Плечи. Руки. Всё это было обнажено, и являло собой крайне соблазнительное зрелище, даже в этом мистическом зелёном освещении.

Ниже была юбка с разрезом до бедра. В разрез была выставлена нога, которая вполне могла бы принадлежать двадцатилетней пышной девушке. Икры лобызал Карабас, которого я узнал по полосатым носкам, которые он не менял лет десять. Карабас был возбуждён, и хвост его колотил по земле, как плеть.

Ведьма поманила меня пальцем, и я, встав на четвереньки, подполз к ней. — Константин, — сказала она. — Принеси мне то, что ты обронил здесь.

Она показала мне на яму, и я увидел, что черти в ней роют землю когтями. Я тут же присоединился к ним, не совсем понимая, что я ищу.

Вот один чёрт, с поросычьим пяточком вместо носа, радостно захрюкал и вырыл из земли святящийся зелёный шар. Он прижал шар к груди, вылез из ямы и, протянув находку Барсучихе, распластался по земле. Ведьма взяла в руку шар, размерами напоминающий шар для боулинга, посмотрела на него, благосклонно кивнула и бросила шар в мешок у своих ног. Судя по всему, там уже было много таких шаров.

Ещё один чёрт, опознать которого я так и не смог, вырыл из земли светящийся шар и тут же полез наверх. Я принялся остервенело рыть землю когтями. В течение десяти минут я вырыл пустую бутылку, консервную банку и ржавый гвоздь. Тем временем сразу двое чертей вырыли зелёные шары и, толкаясь локтями, полезли к Барсучихе. Я остался в яме один, в каком-то остервенении выкидывая целые комья земли наверх.

— Быстрее Константин, — раздался в моей голове голос. — Поторопись.

Я и торопился. Я очень торопился. Мне хотелось угодить ведьме, и я боялся накликать на себя её гнев.

Наконец мой коготь царапнул по зелёному стеклу, и, разгребая когтями землю, я вынул шар. Он был тяжёлый, и я, бережно прижав его к груди, полез наверх.

Ведьма мне благосклонно улыбнулась, и мой хвост вытянулся, как струна от счастья.

Надо мной пролетел чёрт, благоухая перегаром. Ещё несколько чертят покачивались на зелёных ветках яблони. Трое чертей резвились на краю ямы, пытаясь поймать друг друга за хвосты. Слышался смех. Выглядели все они радостными и нисколько не грустили по утраченному человеческому облику. Как и я в тот момент.

Барсучиха протянула руку, а я бросил взгляд на свой зелёный шар. По его поверхности пробежал золотой сполох, и я вдруг увидел в его глубине Кристину. Мою Кристину. Это было не как фотография и не как видеозапись. Это было яркое и сочное воспоминание. Я будто на миг провалился в тот

день, когда мы гуляли с ней по парку. Я даже запах её почувствовал и услышал звонкий смех. Всего на мгновение, но этого было достаточно.

— Дай мне.

Ведьма тянула руку.

Я покачал головой и прижал шар к груди. Он был таким тяжёлым от воспоминаний, которыми был полон. Я не мог их отдать Барсучихе, не мог и всё.

Ведьма нахмурилась, и внезапно смех и возня смолкли. Все сейчас смотрели на нас.

— Если ты ценишь эти воспоминания, то почему тщательно закапывал их на этом месте многие годы?

Я не знал, что ответить ей, только ещё крепче прижимал к груди зелёный шар. Лицо её смягчилось. Чем-то оно стало напоминать лица моих соседок, когда они давали мне денег в долг или подкидывали немного картошки, когда мне совсем нечего было есть.

— Ты любил её?

Я кивнул головой. Слеза скатилось по моему лицу, и там, где она проходила шерсть отваливалась.

— И сейчас любишь?

Я снова кивнул.

— И поэтому ты дважды закапал её в землю? Один раз на кладбище, другой раз здесь?

Я вдруг подумал о том, какую ошибку совершал все эти годы. У меня не хватило смелости повеситься, но хватило смелости залезть на дно бутылки. Я вдруг подумал о том, что если мы после смерти встретимся с Кристиной, она не узнает меня, в существе, потерявшем всякий человеческий облик.

Вторая слеза, скатилась по лицу, прокладывая себе дорожку в шерсти. Теперь я не сомневался в том, что на лице Барсучихи — сочувствие. Я так часто видел это выражение в последние годы.

— Ты можешь идти, если хочешь. Сегодня я отпускаю тебя.

Я отступал, не выпуская из рук шар. Барсучиха нагнулась, взвалила на плечо мешок и гаркнула.

— А вы все, летите со мной!

Порыв ветра пригнул к земле яблоню, скинув с веток чертей и закружился столбом. Тучи в одно мгновение закрыли звёздное небо, а я, развернувшись, побежал. На той стороне оврага я бросил единственный взгляд назад. На месте «Привала» стояла воронка смерча. Наверху клубились тучи, мелькали молнии. Ветер донёс до меня голос Барсучихи:

— Вперёд на гору Броккен!!

Основание воронки оторвалось от земли и втянулось в тучу. Туча, сверкающая десятками молний — причём грома не было, — понеслась по небу на запад, а я побежал в противоположную сторону, домой.

Чех замолчал. Некоторая время молчал и я, поражённый рассказом. Минуту спустя, я спросил:

— Это был сон?

— Разумеется. Чем ещё это могло быть. Сон, после которого я бросил пить.

Он засобирился домой, затушил сигарету в пепельнице и взял бутылку со стола. Я пошёл его провожать. Возле незаконченной картины, под названием «Сон» мой сосед задержался. На картине была изображена девушка. Я рисовал её не с натуры. Да и не видел я нигде такой натуры. Такое совершенное создание может явиться только во сне. Во всяком случае, такому человеку, как я.

Я не видел ни одной фотографии покойной жены Чеха, но сейчас, когда он задумчиво смотрел на незаконченную картину маслом, подумал — уж не напомнила ли она ему Кристину? Может быть, именно поэтому он сегодня рассказал мне этот сон. А может быть, ему давно хотелось выговориться.

— Почему ты не женат? — спросил у меня он.

Этот вопрос мне множество раз задавала мать, но сейчас я не захотел отшучиваться, как делал это обычно. Я ответил честно.

— У меня будет несчастливый брак. Я не готов пожертвовать этим, — я показал на свои картины. — Ради семейного благополучия. Женившись, у меня не останется времени на моё творчество, а оно много для меня значит.

— Ты не прав. Просто ты её не встретил.

Он кивнул на картину.

— Тогда исчезнет весь мир, кроме неё. И творчество в том числе.

Я чувствовал, что он прав, и чувствовал, как никогда остро, что я никогда ее не встречу.

Позже, когда Чех ушёл, я стоял на балконе, курил и наслаждался весенним вечером. Было тепло, и, несмотря на темноту, во дворе гуляли родители с детишками. На лавочке возле подъезда сидела влюблённая парочка, шепчущаяся о чём-то своём. Нигде не было видно пьяных людей, которые несколько лет назад были такой же приметой «пьяных дворов», как и тополя.

Конечно, два года назад, когда все наши алкоголики в одну не самую прекрасную ночь исчезли, было много шума. Об этом даже написали в газете. Местной. И бабушки на скамейках долго мусолили эту загадочную историю. Из всех алкоголиков нашего района остался только Чех, да и тот бросил пить. Говорили, что брат возил его в Москву на кодировку, но я не верил этому тогда, не верю и теперь.

Я помню ту ночь. Ветер стонал в небе, и стекло в оконных рамах дребезжало. Низкие чёрные облака волокло по небу, и в глубине их сверкали молнии. Грома не было. Дождя тоже.

Рассказывали много историй про ту ночь. Будто бы один мужчина поздно ночью возвращавшийся домой, слышал в небе крики, песни и сатанинский хохот. А потом из туч, нависших над домами, как низкий прокопчённый потолок, упала пустая бутылка. Будто бы продавщица круглосуточного павильончика, расположенного на остановке, слышала в полночь

топот ног по крыше и жуткий смех. Будто бы наутро хозяин павильончика, приставивший к стене стремянку и залезший на крышу, обнаружил, что на ней, крыше то есть, нагажено. Причём, по его словам, помёт был очень странным, больше всего похожий на помёт козы или козла.

Постепенно истории эти сходили на нет, тем более что более ничего странного у нас не происходило. Самогонный бизнес хоть и не заглох, но таких размахов, как раньше, больше не принимал. Да и Барсучиха куда-то тоже исчезла.

В непонятные и мистические истории той весны перестали верить. Хотя одно является непреложным фактом, — алкоголики так и не вернулись.

На следующий день я прогулялся до знаменитого в прошлом «Привала». Никогда не был там раньше, но местоположение я его знал. Не знаю, что я хотел там увидеть, но ямы там точно не было. И яблоня не светилась зелёным светом.

Я спустился в овраг и по доскам перешёл болото, где однажды мой сосед вместе с товарищем ловили лягушек. Поднялся по хорошо утопанной тропинке и очутился в остатках деревенского сада. Под яблоней стоял деревянный столик и две лавки. Людей на «Привале» не было, но я видел пустые пивные бутылки, окурки, пачки из под чипсов и одну пустую бутылку из-под водки, с надетым на горлышко пластиковым стаканчиком. Видимо, место облюбовала молодёжь. Скоро они вырастут, станут ходить в рестораны и бары или пить дома — некоторые дорогие виски и мартини. Но не все. В этом я был уверен: для кого-то из них «Привал» станет домом, как он стал домом для Чеха и его сверстников. Они станут сидеть здесь дни напролёт, постепенно переходя с пива и водки на более дешёвые алкогольные напитки. Каждый из них закопает в землю под столом, что-то своё. И кто знает, может быть, однажды в «пьяных дворах» вновь объявится Барсучиха?

Я подёргал стол, крепко вкопанный в землю. Ничто не указывало на то, что два года назад на его месте была яма.

— Сон, — прошептал я. — Он просто рассказал тебе сон.

Ветка за моей спиной хрустнула. Я медленно оглянулся, чувствуя на себе чей-то взгляд. В кустах кто-то был, ветки зашевелились, и на полянку выбрался старый грязный пудель. На нём был ошейник — кожаный чёрный ошейник, на котором ножом был вырезан номер телефона. Я знал, чей это был телефон. Человека, который вот уже три года был среди мёртвых.

Всё это началось тем летом, когда умер Лидерман. Лидерман, который умер от старости в своей квартире, вместе со старым верным псом. Я и раньше видел этого пуделя в нашем районе. Но никогда раньше, так близко.

Пёс как пёс, если не знать, то никогда и не подумаешь, что он знает вкус человеческого мяса. Пёс внимательно оглядел меня с ног до головы, а потом зарысил мимо меня, к столу. Когда я покидал «Привал», он обнюхи-

вал пустую пачку из-под чипсов. Вот уж не думал никогда, что смогу так испугаться столь маленькой собачки.

Иногда, когда я вечером возвращаюсь домой, то вижу в окне квартиры Чеха зеленоватый свет. Может быть, он смотрит телевизор. А может быть, смотрит в зеленый светящийся шар, размерами с шар для боулинга, но предназначенный для совсем других целей.

В такие вечера кисть валится у меня из рук и непонятная тоска сжимает моё сердце.

Апрель 2008 г.

СТАНИСЛАВ БЕСКАРАВАЙНЫЙ

ОБРАЩЕНИЕ С ПРИДВОРНЫМИ КОММЕРЧЕСКИЙ ПЕРЕСКАЗ

Зох Тюссен

*О придворных людях,
причинах их размножения, а также о выгодах и
опасностях, протекающих от поселения оных
среди вольных людей.*

Марс.

2134г.

ЕЩЕ ПО СЕБЕ КНИГА ЗОХА ТЮССЕНА — ЭТО ПЛОД СКОРЕЕ хорошей рекламной акции, чем душевных поисков или глубоких озарений. Вычурный стиль нигде кроме как на первой странице не встречается, дальше материал излагается доступным, иногда суховатым языком.

Исходник текста, та песчинка, вокруг которой выросли авторские словеса — стандартная программа «Холь». Та самая, что позволяет диагностировать придворного и определить его дальнейшую судьбу. Занимает какое-то место в памяти общинного компьютера, и редко возникает повод для её активации. Пришел в посёлок новый человек, с ним поговорили, проверили и отвели новое место для жизни. Или не отвели, а побыстрее ликвидировали. Подобная практика держится уже сколько-то лет, и Зох Тюссен решил освежить в памяти вольных людей сам алгоритм их поведения, наново объяснить, почему они так поступают.

Так и появилась книга. Тираж на бумаге (это, конечно, пластик, но подделка первосортная) — с тысячу экземпляров, что для наших колоний в новинку. Книга ведь редко становится предметом роскоши. В сети текст тоже читают, и к моменту написания этих строк его осилили уже больше восьми тысяч человек. Видно, затронули рассуждения Тюссена в душе колонистов струны гордости — каждому хочется почувствовать себя вершителем судеб новичков.

Книга делится на три большие части — Тюссен не стал точно копировать алгоритм рассуждения программы, а вытащил из её памяти самые интересные факты и попытался представить их в понятной системе. Тут, разумеется, не обошлось без домыслов и рассуждений, которые и превращают машинный текст в оригинальное произведение.

Первая — «Догадки об элементарном».

В общих чертах ситуация известна любому ребенку. Искусственные ин-

теллекты и преобразенные — люди, чье сознание перенесено в машины и растет там, откуда хватает мощностей — они истинные хозяева обитаемых миров. Натуралы (или те, кто желает ими казаться) сохранили видимость настоящих государств, городов и вообще призрака самостоятельности. Заседают парламенты и суды, проводятся полковые учения и карнавалы. Только всё это не имеет никакой силы. Законы принимаются исключительно по согласию преобразенных. Вернее, депутаты постоянно голосуют за те проекты, которые высвечиваются у них на дисплеях. Ввиду того, что юридическая жизнь бьёт ключом и проектов много — кнопку приходится нажимать по пять часов в сутки и работа законодателя сейчас малопрестижна. Настоящей войны люди не вели уже четыре десятилетия, нас просто отстранили от серьезных вооружений, да и в последних войнах неизвестно кто командовал.

Жить приходится на пособия и в резервациях — тех участках, которые еще не взяты под новую промышленность. Правда, резервации эти понемногу расползаются по Солнечной системе. Ходят слухи, что в ближайшие годы откроют оазис на Европе, спутнике Юпитера.

Тюссен с самого начала пытается ответить на вопрос — зачем люди еще требуются машинам? Он отменяет иллюзии кичливых «экспертов», рассуждения которых так часто можно услышать на политических сайтах. Дескать, мы даём дух творчества, производим некую витальную энергию или просто — на просто мы все дети божьи, и по такому случаю машины вечно будут должны нам. Зох откровенно смеётся над вымыслами, и насмешки свои подкрепляет данными статистики. Ни как источник сырья, ни как энергоносители, ни как рабочая сила — люди теперь машинам совершенно не нужны. Всё, что бы ни создавал человек, техносфера может произвести лучше, быстрее, даже артистичнее. «Мы всегда были плохим *средством*, и даже сами для себя редко становились *целью*. С какой стати машинам тратить на нас ресурсы?» — спрашивает Зох.

Никаких значительных, коренных причин Тюссен не находит.

Лишь два фактора пока держат человечество на плаву. Во-первых, люди всё ещё поставляют материал для преобразования. Много проще и дешевле создать искусственный интеллект с нуля, снабдить его всеми необходимыми качествами. Но люди как источник свежих «субъектов» — все ещё используются.

Во-вторых, человечество — это старый каприз преобразенных, который, по сути — инертность их мышления. Подобно тому как люди заводят домашних животных, ублажая свои эмоции, так и homo novus терпят людей ради своего эволюционного прошлого.

Аналогия нынешнего человека с домашними животными, и вообще с видами живых существ, возникшими раньше человека, — одна из любимых у Тюссена. На любой случай из нынешнего положения общества он приводит соответствующую биологическую коллизию. Поселения вольных людей — это заповедник и резервуар всяческого анахронизма. Люди, которые живут у преобразенных — придворные.

Зох на сорока страницах анализирует различные лингвистические тонкости. Среди прочего рекомендует не называть придворных людей «ручными». Диких, или хотя бы по-настоящему суверенных личностей сейчас нигде не сыщешь, и называть кого-то ручным — обыкновенное чванство.

Однако, расчистив первые, чисто терминологические, завалы, Тюссен задаётся простым вопросом — чего конкретно хотят преобразенные от людей-придворных, ради чего их создают и почему иногда отпускают?

Аналогично — он не получает никакого ответа. Спаниель, если живет в квартире и не ходит на охоту, совершенно не может понять, зачем он хозяину. Пёс лишь может чувствовать хозяйские эмоции, ластиться в ответ, смотреть преданными глазами. Придворный, пусть обладающий умом и незаурядной интуицией, априори не может понять, что именно в его поведении привлекает машину. Из всех рассказов, которые хранятся у вольных людей, можно сделать только один вывод — придворный должен быть самим собой. Не прикидываться, не стараться быть лучше или хуже, чем есть на самом деле. Надо просто гореть на тот накал, который установлен в душе.

Вся литература (а создано её много, Зох дает ссылки только на полтораста штук самых известных трактатов) так же бессильна дать нам действительно верный, всамделишный ответ, как дрессировщик бессилён объяснить медведю рост цен на мясо из-за инфляции.

Правда, в отличие от домашних животных люди могут записывать свои наблюдения, создавать архивы и вообще выдвигать теории, отдаленно похожие на реальность.

«Пусть мы не найдем верных ответов, но гипотезы не будут вести нас к очевидной глупости», — такой вывод Зох делает по результатам общих рассуждений, и трудно с ним не согласиться.

Вторая часть книги — «Первопричины типажей».

Возможности преобразенных принято считать близкими к неограниченным. Во всяком случае, разницу людям уже трудно уловить. Потому ширина диапазона воздействий, пределы возможностей по управлению человеком задаются не качествами каждого отдельного «жестяного мозга», но всего лишь противоречиями между преобразенными.

Величайший двор (из достоверно зафиксированных) сейчас находится на острове Ибица. Открыт доступ для всех посторонних, можно приехать по туристической визе, провести несколько дней. Внешне там ничто не отличается от обычного общества и, по уверениям человеческих аналитиков, через несколько лет хозяин — преобразенный просто отойдет в сторону. Люди из марионеток, поведение которых определяется и обыгрывается столь тонко, что они сами этого в упор не замечают, станут обычными свободомыслящими гражданами.

Число индивидуальных «приживалок», когда машина обеспечивает жизнь единственного человеческого индивида, сейчас учету не поддаёт-

ся. По косвенным оценкам¹ возможно существование до 112 миллионов таких людей. Хотя называть их людьми в полном смысле этого слова — тоже проблематично. Они существуют в собственных виртуальных вселенных (или просто спят) до тех пор, пока хозяин не пожелает извлечь их из нафталина.

Но типичный двор — это несколько десятков человек. Семьи, друзья, враги, хобби, забытые вещи, случайные вспышки вдохновения, интриги, долгие зимние вечера и короткие мгновения убийства. Всё это есть при дворах. Подобно тому как немудреный крестьянский быт оставался самым распространенным образом жизни тысячи и тысячи лет, так и мелодрама стала типичным образом существования *человека придворного*. Плюс разумная доза детективных интриг и ужасов.

Возникает вопрос — какие же специфические отличия есть у дворов, какие качества делают их совершенно несопоставимыми с поселениями вольных людей? Тюссен ищет и находит ответы.

Двор может быть создан за один день. Человеческую личность можно целиком вырастить в зазеркалье, прогнать через все стадии развития в виртуальном пространстве, которое индивид будет принимать за единственную реальность. В принципе, любой состоятельный «вольняга» может позволить себе создать нового человека², что уж говорить о преобразенных.

Интрига в зазеркалье развивается столетиями, даже тысячелетиями — по внутреннему времени процесса. И вот наступает несколько лет предельной красоты интриг, полноты чувств и остроты ощущений. Как если бы путешественник во времени выбирал самую лучшую осень за последнюю тысячу лет, как если бы дегустатор мог сотворить любой вкус вина — так и преобразенные ставят пьесы. Человек, при всей своей сложности и непредсказуемости, работает почти на уровне шахматной фигуры. Все свойства его характера заданы, эмоции определены.

Двор — это большой кукольный театр. Однако люди в нём, при всей своей изученности, остаются людьми, и для самих себя, субъективно, они совершенно свободны. Зоx приводит только четыре случая на всю известную статистику, когда программирование окончательно подавляло личности придворных. Во всех остальных ситуациях человеческий мозг остаётся неизменным, натуральным, практически как у нас с вами.

Это и есть главный парадокс придворной жизни. Свобода есть, только её нет. Тюссен пересказывает слова некоего Полифора, придворного у Матвея 36с64/54: «Мы все знали о предрешенности своей судьбы, но могли надеяться на случай, который неподвластен преобразенному. Только этим мы и жили, каждое колебание пылинки были готовы объяснить благоприятным для себя образом».

Печальные нотки в речи Полифора совершенно оправданы. Преобразенные могут ликвидировать свой двор так же быстро, как и со-

¹ Данные предоставлены статистическим бюро «Смерть Шерлока Холмса».

² См. «Инструкцию по обретению человечности»

здать. В одну бедственную ночь. Разумеется, принято множество законов, по которым человека нельзя так вот запросто пустить под циркулярную пилу. Машины людей не убивают. Предоставляют самим людям все возможности для убийства ближних — это ведь свобода воли. Смертоубийственные мотивы закладываются в психику, да так искусно, что до сих пор не удалось на юридическом уровне доказать ни одного такого случая.

Но катастрофы происходят регулярно: придворные начинают истреблять друг друга с крайним остервенением. Основания — любые. Ревность, расхождение в богословских вопросах, желание добыть органы, стремление получить наследство преобразенного.

Двор в городе Синельниково самоистребился от стандартной фантазии — каждый из его обитателей хотел остаться последним человеком на Земле. Самый удачливый стрелок безмерно удивился, когда через две недели туда заехал цыганский табор.

И в подобных случаях Тюссен разглядел основание для классификации дворов.

Каждый раз противоречие между свободой и манипуляцией решается поновому, и способ этого решения определяет суть двора.

Степень свободы придворного — вот основной признак, по которому можно классифицировать дворы.

И Зох методично исследует возможные ступеньки этой свободы.

В самом низу живут особи с упрощенной ДНК. Будет ошибкой называть их неандертальцами, скорее это просто тени обычных людей. Иногда ограничено развитие умственных способностей, иногда — отсутствуют отдельные органы. Понятно, что ни о какой свободе тут и речи быть не может. Особи даже теоретически не могут понять, что значит выбор.

В чистом виде такие дворы-муравейники — большая редкость. Они просто неинтересны машинам. Самый из них известный — «Иеродул-сарай», но посторонние люди там не живут, а только посещают это краснофонарное заведение.

Хотя преобразенные любят играть с генетическим кодом, и на всех ступенях развития придворного можно встретить «подправленного» человека. Порой всё ограничивается эльфийскими ушами, а бывают и сложнейшие трансформации, с оригинальными железами внешней секреции, суперчувствами и совершенно нечеловеческими качествами, вроде электрошокера в пальцах.

Второй уровень Тюссен отводит личностям, у которых был модифицирован порядок мышления. В какой-то степени он изменяется у всех, но соорудить в виртуальном зазеркалье шизофреника и выпустить его в большой мир — для преобразенных самое обычное дело. Мании и психозы — настолько распространены у придворных, что совершенно нормальный человек, ушедший со двора, воспринимается как подозрительная диковинка. Распространено изменение законов логики, выращивание «потайных личностей» и развитие «всплывающих навыков».

И опять-таки, людей, откровенно убогих психически, сравнительно мало. Зох разделяет гипотезу, выдвинутую еще Шаротреном: преобразенные используют культурный пласт, накопленный человечеством за время суверенного развития. Большая часть их игр — это классическая игра в бисер, пережевывание рассказанных людьми историй. Можно, при нужде, обойтись вообще без культуры или сочинить принципиально новую, но аутентичность человека будет утрачена. А культура создавалась под относительно единый стандарт биологического вида *homo sapiens*.

Вот и не балуются сверх меры с генетикой и мозгодавкой.

Престиж? Тяга к древностям? Желание увидеть свои прошлые воплощения?

Неизвестно.

Следующая, третья степень свободы — у людей, которые существуют с измененными целями. Пока человек в зазеркалье, его личность, пусть и вполне гармоничную, можно направить только к одной, ему даже неведомой точке приложения усилий.

А цели эти могут быть самыми экзотическими. Некто Джонсон, придворный анонимного интеллекта, с невероятным упорством стремился выкрасть тюбик зубной пасты с витрины технического музея Ньюарка. Ему хотелось почистить зубы, встречая рассвет на побережье Атлантического океана. Почему именно этот тюбик — он сам не мог сказать. Схема личности была расшифрована психиатром 3654/оп Алеф. Ничего сложного или опасного в личности не было. Но изобретательность Джонсона, его умение выкручиваться из самых неожиданных ситуаций и находить решения сложных задач — могли сделать честь любому суперагенту прошлых веков.

Считается, что Джонсон был предметом спора между преобразенными, Иовом нашего времени. Это похоже на правду. Кстати, в реальности у него не получилось, а когда ему с терапевтическими целями дали совершить задуманное в зазеркалье — он впал в кому.

Выполнил предназначение.

Кроме зубной пасты людей могут интересовать грабеж, убийство, создание экзотических силовых структур, служение неизвестным богам, полет в космос на метле, сохранение жизни всех ныне сущих тараканов и всё остальное, что в состоянии вообразить читатели этих строк.

Степень опасности оценить тяжело, тем более что настоящая цель может быть спрятана в наборе фальшивых, как самая маленькая матрёшка. Но, к счастью, самые страшные и коварные столкновения происходят тоже при дворах, редко становясь достоянием вольных поселений.

Если человек внутренне свободен как в образе своего мышления, так и в задании целей жизни, то следующая ступень — это искажение картины мира. Тотальный обман. Зох объединяет в одну группу тех, кого обманывают больше голограммами, и тех, кого попросту дураят нейроронтами — контролируя ту информацию, которую глаз передаёт мозгу.

О, это самая любимая и обширная из категорий придворных. Люди, которые ничем не отличаются от нас, соответствуют всем генетическим

и психическим ограничениям и одновременно живут в совершенно другом мире.

Самый крайний вариант изменения — в этом мире другие законы. Не Ньютон и не Эйнштейн, а что-то совсем постороннее.

Виртуальность может дать индивидам железобетонную уверенность, что вселенная построена по законам магии. Они могут ощущать себя сынами божьими. Помнить свои прошлые реинкарнации. Разговаривать с атомами.

Классическим принято считать случай Леха Падалки. Он воспринимал себя как пироника (зажигающего взглядом), мага третьей категории, совершившего не один десяток подвигов на службе у вольного города Будейовицы. Даже когда преобразенный воплотил человека в реальности, уверенность подерживалась фокусами — мысли «мага» были для преобразенного открытой книгой и устроить подходящую иллюзию ничего не стоило. Двор, из которого пришел Лех, готовился узнать подлинное имя бога, но как-то так получилось, что они понасылали друг на друга заклятье смертельной чесотки.

Когда Леху дали учебник физики — он долго смеялся.

Пришлось бить его током. Вольт тридцать, только чтобы почувствовал, насколько неправ.

Довольно оригинальная разновидность подобных иллюзий — власть над машинами. Она может быть как мистической, так и строго научной. Встречаются и сочетания — маги-программисты. Ребята и девчата с хорошими математическими способностями, уверенные, что человечество до сих пор управляет машинами, а не наоборот. Как правило, эти дворы — подобие старых «почтовых ящиков», «шарашек» или просто армейских частей кибер-атаки. Напряженная атмосфера производственного романа, много каждодневных усилий, нечаянные озарения и виртуальные победы.

Люди оттуда выходят сравнительно редко.

Еще более мягким вариантом изменения мира есть альтернативная история. Одному миллионеру, лет за восемьдесят до компьютеров, кажется, Рокфеллеру, обеспечили комфортную старость. Печатали газеты только с хорошими новостями, он не знал, что идет мировая война, и жизнь его была спокойной. Уж если это смогли сделать с человеком при помощи пера, чернил, печатного станка и каждодневной устной лжи, то что могут сотворить преобразенные со всей современной техникой?

Вариантов тут не счесть. Зох приводит только некоторые самые известные, его интересует только потенциал неожиданности — та разница между постановочной действительностью двора и нашими миром.

Наконец, самое скромное, незначительное изменение, которое позволяют себе преобразенные (после этого остаётся только полное невмешательство) — это баловство со временем.

При дворе Суя/29 люди живут, получая все сведения из всемирной сети с опозданием на одну неделю. Календарное отставание ровно на семь дней. Жители могут общаться со знакомыми, посылать запросы политикам (тут

преображенный фальсифицирует очень много и очень искусно). Словом, они ничем не отличаются от какой-нибудь уцелевшей высокогорной деревни. С той только разницей, что остальное человечество не может их просветить по поводу точной даты.

Перечислив основные степени свободы, Тюссен спрашивает сам себя, достаточно ли подробна эта классификация. Нет. Слишком уж много разных явлений попадают в одни группы.

Необходим еще один признак, другая линия шкалы, которая позволит нарисовать большую таблицу со всеми вариантами. Зоx выбирает такое качество.

Если свойство дворов — это кукольность людей, то без сюжета никакое разыгрываемое представление обойтись не может. Повороты сюжета надо просто классифицировать, и всё будет готово.

Каталог сюжетов — мысль не первой свежести. Этим занимался Петров, это же делали в группе Олема, да и у многих других.

Тюссен свою классификацию сопровождает притчами, новеллами, чуть ли не маленькими повестями. Ему удаётся показать, что каждый двор — это своя уникальная трагедия, собственный мирок, за границами которого люди зачастую ничего не знают. В этом сочувствии и есть лучшее достижение книги, а главы с описание сюжетов — читаются безотрывно.

Первый сюжет — во всех смыслах — это сотворение мира. Райский сад и золотой век. Почти не упоминая статистику (все таблицы — в приложениях), Зоx рассказывает историю первопары, очередного варианта Адама и Евы, которые испугались рожать второго ребенка. Тогда ведь людей станет много, а это шум и склоки. И только когда их дочь выросла, они поняли, что одиночество бывает страшнее ссор.

Случается, по сюжету единственный человек приходит в новый мир, и ему надо либо стать преобразенным, либо познать тайну жизни и создать себе половину. Тюссен пересказывает жизнь некоей Тользы, которой удалось пройти все стадии меньше чем за полстолетия.

Сейчас она в Эдеме.

Вообще Эдем — один из самых расхожих подсюжетов сотворения мира. Семья, которая живет в своём микрокосме и не желает видеть ничего за его пределами. Здесь особенного течения событий нет, всё может продолжаться до бесконечности, вернее, до того момента, когда преобразенный не пожелает сыграть роль премудрого змия. И дело тут не только в том, чтобы заменить яблоко фиником или бананом. Потеря себя, своей первородной чистоты, может быть самой причудливой.

Зоx рассказывает о Филиппе, который и до сих пор ходит от одного вольного поселения к другому и пытается найти своё сердце — он проиграл его, и с тех пор эмоции обходят его стороной.

Только потерей сердца сюжет может не ограничиться. Если забрать у человека всё, то это будет уже не изгнание из рая, а конец света.

Это ещё один популярный сюжет.

Львиная доля гибели дворов разыгрывается преобразенными именно

как апокалипсис. Может погибнуть остальное человечество. Могут начать исчезать воздух или вода. Капризы машин здесь мало чем ограничены. Тяжело пришлось Чжу Цзы — при том дворе просто закончился календарь. Маленькая община сверяла свою жизнь с неким сложным, запутанным порядком. Всё было по расписанию — еда, сон, свадьбы, похороны. Календарь выглядел как сложная установка, которая показывала, сколько времени кому осталось до очередного действия.

Когда в окошечках стали появляться горизонтальные восьмерки — община развалилась. Чжу Цзы буквально спасли — он не ел две недели. Зох впечатляюще описывает танталовы муки, которые пришлось перенести несчащливцу.

Сотворение и конец мира — сюжеты всё-таки ограниченные. Двор может появиться и начать монотонную жизнь, а может сгинуть. И то, и другое редко продолжается дольше нескольких месяцев.

А вот цивилизация — эта такой сюжет, который может разворачиваться годами.

Тут, впрочем, уже возникают ограничения для самих преобразенных. Воссоздать большую войну, да так, чтобы линия фронта на десятки километров — это слишком дорого. Наверняка, уже возможно, но просто накладно и бессмысленно. Все истории можно организовать в камерной обстановке, выезжая разве что на пикник.

Для спокойной, невоенной цивилизации можно выделить две базовые схемы.

Квартал, в котором иллюзии заменяют окружающий мегаполис и вообще всё остальное человечество. Внутри квартала может пройти не одно десятилетие. Вполне реальные люди будут рождаться, учиться, делать открытия, вступать в брак, давать жизнь новому поколению. И всё это не выходя за границу квартала. Не переступая тротуара. Просто снаружи нечего делать: все друзья, вся работа и все семьи — они внутри.

Для любопытных детей, которым непременно надо исследовать мир вокруг, существуют нейрошунты, специальные электронные схемы в голове, которые растут вместе с человеком. Детишки зайдут в соседний квартал, может быть, даже выйдут к набережной, полюбуются морем, но всё это будет наведенной иллюзией. И, главное, дети не найдут в других местах ничего такого, чего не могли бы взять в собственном квартале. Даже небо им покажется скучным.

Тюссен рассказывает «Дюжину занимательных историй Западного Куркино». Чем-то эта подборка миниатюр напоминает итальянские новеллы эпохи Возрождения, но повороты историй там вполне современные. Лучшая миниатюра — «Торговля», о том, как три мальчишки смастерили хороший комнатный радиотелескоп и вступили в контакт с пришельцами. Только вот пришельцы смертельно боятся любого человека. Если поймут, с кем имеют дело — уничтожат Землю. И мальчишки (уже давно взрослые люди) всё прикидываются в радиопередачах представителями третьей, никому неизвестной расы пульзавриков.

Сами виноваты, что придумали такое слово.

Вторая схема — город. Это много дороже. Кроме Ибицы только семнадцать поселений на Земле могут считаться придворными городами. Они открывают путь не просто к имитации открытий и прогресса, но и к настоящим большим техническим изделиям. К водяным и ветряным мельницами. К паровым машинам и пушкам. Словом, открывается путь для технической революции, хотя и в пределах отдельно взятого анклава. Здесь преобразенный может позволить себе и маленькую революцию, и процессы инквизиции, и много чего еще.

Историю Лаунтино наверняка слышали многие. Оттуда идет прямое вещание в стиле «реалити-шоу», а жители еще разбираются между собой — они за гвельфов или за гибеллинов.

Для города, как для самостоятельной большой истории, война — это внутренний сюжетный ход, а порой и отдельная история. Не просто внутренний конфликт, с десятком повешенных или с баррикадой на главной улице, не разборки между своими, но противостояние внешнему противнику. Желательно коварному и агрессивному.

Зох раскопал одну из первых, но весьма впечатляющих историй — «Подвиг сержанта Пигги». Город Тинбург воевал с ящерами — двуногими полутораметровыми рептилиями, будто только сбежавшими из юрского периода. На деле это были генетически перепрограммированные курицы, которых производил специнкубатор в соседнем, уже безлюдном, поселке. Курицы эти были хищные, сообразительные и весьма предприимчивые. У горожан на вооружении не состояло даже пулеметов, а только допотопные мушкеты и холодное оружие.

Посевная и уборочная становились битвами за урожай в прямом смысле слова — сытыми горожане бывали только по большим праздникам. Пигги, мать троих детей и, по сути, не склонная к драке женщина, попала на дальних выпасах в критическую ситуацию. Надо было увести заготовщиков и спасти коз. И она, имея пицаль, две пороховницы, саблю и алебарду с надломанным древком, умудрилась положить одиннадцать «казарок».

Правда, её тело потом расклевали до костей.

Нелегкой бывает жизнь придворного человека, и тяжелой смерть.

Но самым захватывающим сюжетом, при развитии которого вскрывается вся глубина человеческих возможностей, считается «побег от машин».

Его можно раскрутить практически на любом уровне свободы индивида, но самые возвышенные трагедии получаются, когда люди сами могут задавать себе цели и сознательно пытаются уйти от господства компьютеров. Только у них в головах подправленная картина мира и побег кажется им вполне реальным предприятием. Некоторые преобразенные пользуются накалом страстей и, бывает, устраивают что-то вроде экзамена на право перевести своё мышление в программу.

Тюссен пересказывает историю, известную под кодовым названием «Пустая порода». Преобразенный Лу несколько раз пытался создать и протес-

тировать человека, который будет его любить. По непроверенным данным — любовь программировалась хорошо, но Лу задавал слишком жесткие условия тестов, он хотел чудес, которые бы совершались от искреннего чувства. Он менял сценарии, устранял внешние воздействия, только это не помогало. Законы природы не менялись.

И раз за разом заботливо выращенный розовый бутон не мог распуститься — судьба сминала его.

Вольным людям достаются обломки и человеческий мусор, — завершает вторую часть книги Зоx. — И если понятно, каковы источники этих переговоров, расплющенных индивидуумов, то как же с ними обращаться?

Третья часть — «Сличение персон».

Зоx Тюссен в качестве преамбулы опровергает старый, но очень устойчивый предрассудок — если за пришедшим человеком гонятся механизмы, то лучше этого чужака отдать. Если преобразенные желают убить человека, то спасти его невозможно. Внезапная смерть, несчастные случаи, просто удар маленькой управляемой ракетой.

Люди слишком плохо вооружены, чтобы давать отпор на достойном уровне.

Однако в рамках сюжета преследование человека — вполне оправдано. До последней секунды за несчастливцем гонятся эринии, не отпускает его рука двора. Преобразенный наносит окончательные штрихи на портрет личности подопытного, будто мазки крема на праздничный торт. В данном конкретном случае судьба человека — чистый фатум. Пытаться спасти его необходимо (а вдруг?), считать, что от вольных что-то действительно зависит — смешно.

В опознающей программе зафиксирован более или менее известный набор опасных качеств — психических маний, заложенных в организм взрывных устройств, вредоносных бактерий. Обновляется этот набор как и всякая антивирусная программа, предупреждает вольных, с кем имеют дело.

Но если отвлекаться от частных моментов (пусть весьма многочисленных), то основа классификации новичков — это сочетание двух факторов. Насколько человек в своей свободе может подражать хозяину-преобразенному и стремится ли он это делать.

Ведь путь остается открытым — каждый человек может захотеть и стать компьютером. Для этого, разумеется, нужны деньги, и немалые. Тюссен доходчиво объясняет, что взять их можно в общине. Продать землю, доли в патентах, остатки акций. У людей осталось мало по-настоящему ценного имущества — тех предметов и прав, которые обеспечивают выживание рода.

Придворному может быть на всё это плевать с высокой башни.

Как наркоману необходима очередная инъекция или серия гипноролика, так и человеку бывает необходимо совершить очередной шаг на пути саморазвития. Подрасти.

Возможность подражать преобразенному обеспечивает все те качества,

которые позволяют манипулировать людьми против их воли и желания. Настоящий телепат — чрезвычайно опасен. Эмпатик, который только и может, что ощущать эмоции, много безобидней. Если, конечно, он не прошёл дипломатическую подготовку. Мастер боевых искусств — средний уровень опасности, опять-таки, если не дрался со всеми демонами ада. Простой атлет — вообще никаких проблем. Будет ходить за плугом и вышибать зубы в кабацких драках.

А желание определяется «тягой к эгоцентричности», которую иногда называют монистической склонностью. Если придворный по сюжету остался один в мире или ему больше не нужны другие люди — он неизбежно придет к мысли о преображении. Это только вопрос времени. Тюссен приводит довольно мудреный график — когда программа выдает новичку «черную метку со 100 % вероятностью».

Община может попытаться вытащить новичка. Показать ему, что вокруг тоже люди, и он — один из нас. Но Зох предупреждает, что это всегда очень опасное мероприятие. Дух любого придворного поражен, как дуб жучками-древоточцами, разными трансцендентными и экзистенциальными вопросами. Хлеб, молоко, чистая постель и мирный труд на время могут отбить жажду знания, но однажды ночью этот человек выйдет на двор и захочет понять, почему звёздное небо над головой должно соответствовать нормам поведения в общине.

Жена, дети, хозяйство — это ведь просто скучно.

Значит, надо затеять интригу, добыть денег и получить ответы на сложные вопросы.

Но и выгода от новичка бывает значительной. Придворный может быть обладателем патентных прав или даже натуральных акций. Таким был друз ан-Зоммер, который смог прикупить общине Дубльланда целых семнадцать квадратных километров природного парка. Правда, потом друз всё равно преобразился, но чужих денег так и не взял.

Это, конечно, уникальный случай. Бывают попроще. Скажем, телепат Волосевич. Тюссен подробно описывает, как он, этот пронизательный субъект, взял власть в общине Новогеоргиевска и управлял ею около четырех лет. Навел образцовый порядок, разжился несколькими новыми технологиями, которые позволили общинникам путешествовать — проще говоря, добыл коды доступа на грузовые поезда категории «Q» и на год оплатил там проезд для пяти людей в каждом рейсе. Однако же когда уходил — три человека почему-то сами положили головы на рельсы перед теми самыми поездами.

Был врач У-Цзы — тот смог снять часть ограничений на регенерацию тканей и практически обессмертил своих родственников и друзей. Правда, он в прошлом году пошел на повышение — в преобразенные — и смерть вернулась в ту общину.

Таких выигравшей насчитывается много. Люди-артефакты бывают значительно ценнее любых вещей, которые сейчас вольные могут добыть в зонах обитания машин.

В финале третьей части Зох пишет о еще одном мотиве, который может в целом нормального придворного превратить в опасного террориста. Месть машинам. Придворный, который вышел к вольным, — всегда несет обожженную душу. Порой ему хочется вернуться. Его зовет война, погибшие родственники, просто унижения, которые невозможно забыть. Он ведь мог думать, что управляет машинами, будто он великий математик и основоположник вычислительной техники не хуже Тьюринга. А ему объяснили, что человек — это атавизм. И весь мир, всё самое для него дорогое в жизни — это меньше чем тень на стене, это просто сны новой жизни.

Община может стать инструментом для мести. Армии не выйдут, даже диверсионную группу готовить дело безнадежное, а вот продать всё на корню, чтобы преобразиться и когда-нибудь получить шанс для мести — реальный и сравнительно простой вариант. Только жалостливым общинникам, которые приютят такого вот борца за справедливость, хуже будет в любом случае.

Но если «монистическую склонность» программа при обследовании вычисляет быстро и практически безошибочно, то жажда мести может быть скрыта очень глубоко, похоронена в боли, в отчаянии, даже в надежде.

Тут уж следить приходится людям.

Финал книги прост. Зох пишет, что мы теперь живем в другом мире, и жизнь наших прадедов не имеет к сегодняшней обстановке никакого отношения. Даже сто лет назад как было представить нынешнее положение человечества? Правда, иронизирует Тюссен, на столетие вперед стало очень тяжело загадывать года с 1600-го, но сейчас голова кружится особенно сильно. И где найти меру, чтобы осознать, понять, прочувствовать разницу? Как провести черту — пятьдесят семь лет назад люди еще сами себе хозяева, а вот если отмотать пятьдесят шесть в прошлое, то увидим картинку полного подчинения?

Зох утверждает, что мы пережили апокалипсис. Конец света состоялся.

Может быть, мы избранные? Малое стадо, чистые агнцы? Не смешно. Каждый может сравнить своё положение с могуществом преображенных, с их фактическим бессмертием и творческой свободой. Ответ понятен. Но и надежду терять не следует. Финал не окончателен, ведь преображенные идут дальше в своем развитии, рано или поздно люди, планета Земля и даже Солнечная система станут для них неинтересны.

И надо строить такие самогонные аппараты, чтобы нынешние кровь и польнь снова становились водой. А когда мы начнем получать на выходе мед и молоко — можно будет сказать, что зажглась заря нового мира.

Апрель 2008

ДАРЬЯ БУЛАТНИКОВА

ОСТРЫЕ УШКИ

В

СЁ НАЧАЛОСЬ С ДУРАЦКОГО ОБЪЯВЛЕНИЯ. «СФОТОграфирую вашу ауру» — было написано на размокшем от дождя клочке бумаги, приклеенном пластилином к стене дома. Вернее, не написано, а напечатано на принтере, да ещё и какая-то загогулина пририсована сбоку — должно быть, призванная олицетворять эту самую ауру. Гжесь никогда бы не обратил внимания на такое шарлатанское предложение, если бы не Лизетта. Она безбожно опаздывала, он ждал её и жался к стене, где узкий козырек хоть как-то укрывал от противных холодных капель. А заодно и читал всякую муть про потерявшихся собачек, репетиторов по математике и продажу квартир. Лизетта так и не пришла, мобильник её отвечал: «Абонент временно недоступен», Гжесь разозлился, сорвал со стены объявление и решил отправить коварной девице фотографию своей ауры в траурной рамочке. На большее его фантазии в данный момент просто не хватило.

Домишко оказался ещё тот... Нет, сносить его, возможно, было ещё рановато, но капитального ремонта он точно требовал. Гжесь поднялся по загаженной деревянной лестнице на третий этаж и нажал на кнопку звонка. Впустила его женщина с необъятным бюстом, рвущимся из ситцевого халата, ткнула пальцем в облупленную дверь и молча ушаркала невероятных размеров тапками.

За дверью оказалась довольно просторная комната, обставленная дешевой мебелью образца семидесятых годов. Одна стена была начисто лишена обоев и представляла собой относительно белую поверхность с нарисованной на ней окружностью. Напротив стоял нелепый симбиоз из штатива с прикрепленными к нему серебряным зонтиком, двумя лампами на длинных ножках и дешевым цифровым фотоаппаратом. Как-то Гжесь рассматривал такой в магазине и решил, что это — редкая дрянь. Увлёкшись рассматриванием аппаратуры, Гжесь не заметил хозяина комнаты, и только шебуршание и покашливание заставило его повернуть голову. Из-за стола, на котором стоял подслеповатый монитор, выбрался худосочный очкастый субъект. Был он лысоват, сутул и облачен в шорты и грязноватую футболку.

— Марат, — представился субъект. — Ауру заснять хотите?

— Да, хотелось бы, — пробормотал Гжесь, соображая, нужно ли ему в ответ называть себя. Потом все же добавил: — Григорий.

Очкастый пожал ему руку. На этом китайские церемонии завершились.

— Сто пятьдесят рублей. За каждую копию ещё двадцать, — деловито сообщил Марат и указал на плинтус у белой стены. — Сюда вставайте, в круг. Ноги на ширину плеч, руки вверх и разведите.

Гжесь, ощущая себя полным идиотом, принял требуемую позу. Вспыхнули лампочки, ослепляя и заставляя жмуриться, и почти тут же погасли.

— Всё, — Марат плюхнулся на стул перед компьютером и бросил через плечо: — Присядьте. Пять минут, сейчас распечатаю. Сколько штук?

— Одну. — Гжесь уселся на жалобно застонавший под ним диван и подумал: «За каким хреном я сюда приперся?»

— Ну, одну, так одну...

Загудел, зашуршал принтер, из него появился листок бумаги. Марат ухватил его, взглянул и присвистнул. Гжесь насторожился:

— Что-то не так?

— Слушай, — внезапно перешел на ты Марат, — у тебя в жизни всё нормально? Ну там с работой, бабками, девками?

— Да, в общем... — Гжесь замялся. — У кого сейчас нормально? Олигархов, и тех в тюрьму сажают...

Ему не хотелось распинаться перед первым встречным о том, что жизнь у него, особенно в последнее время, складывалась на редкость отвратно. Машину, престарелую «восьмерку», разбил, на работе всё вкривь и вкось — надо что-то другое подыскивать, Лизетта опять-таки... то врет, то мобильник отключает. Васька говорил, что видел её в белой «ауди» с каким-то хмырем. За квартиру надо платить, но тогда машину ремонтировать на что?

Гжесь перебирал в уме свои неприятности и мрачнел все больше. Раньше он любил и сам приколоться над собственной хронической невезучестью: если в институте перед экзаменом не успевал выучить всего один билет, то его именно и умудрялся вытащить, если ехал в трамвае зайцем, то непременно попадался контролерам, а надкушенное эскимо обязательно слетало с палочки, и обязательно на брюки. Теперь же черная полоса просто удручала, никаких просветов и перспектив...

— Сам посмотри. — Марат протянул ему распечатанный снимок. На нем Гжесь выглядел бледным силуэтом в круге и был похож на «Витрувианского человека», знаменитый рисунок Леонардо да Винчи. Только у того были пышные волосы, а Гжесь стригся коротко. Поверх же силуэта виднелись несколько размытых контуров разных цветов. И самый большой, голубоватый, пузырился какими-то выпуклостями, некоторые из которых выглядели лопнувшими, похожими на лунные кратеры.

— Что это за фигня? — Гжесь ткнул пальцем в самый большой пузырь, расположившийся прямо напротив головы.

— Понятия не имею, — пожал плечами Марат. — Впервые вижу такую штуку. У всех ауры как ауры, а у тебя просто дрянь какая-то. Правда, была у меня одна дама, у неё пятна черные проявились. Померла скоро. Но у тебя пятна нет. Вот я и подумал... Тебе бы проконсультироваться не мешало.

— А может, у тебя фотик глючит? — хмыкнул Гжесь.

— Да нет, вот, перед тобой девица была, нормально всё. — Он взял со стола другой снимок. Женский силуэт на нем тоже обрамлялся разноцветными разводами, но без всяких пузырей.

— Проконсультироваться? — Гжесь задумался. — А сам? Ты разве не спец по таким штукам?

— Нет, — Марат помотал головой. — Я только снимаю. И распечатку даю, где указано, что какой цвет означает. Так вот, голубой — это как раз общее течение жизни, гармония, так сказать, с миром. А у тебя с этой гармонией что-то не то. Но вот что?

— Что?

— Фиг знает...

— Ну вот что, фотограф, — разозлился Гжесь, — если сам не знаешь, скажи, кто может знать. Не поверю, что у тебя не заныкана пара телефончиков спецов по аурам, кармам и прочим чакрам!

— Ну, есть такие. — Марат порылся на столе. Вот — София её зовут. Скажешь, что от меня, без очереди примет.

Гжесь сунул в карман потертую визитку с изображением какой-то угловатой раскоряки в обрамлении кровавых буковок и направился к выходу. Да, расплатиться забыл. Он достал бумажник.

— Нет, не возьму, — замахал руками Марат. — Мало ли что за хрень там у тебя... — тихо добавил он. — Плохая аура — вещь опасная.

Пожав плечами, Гжесь вышел. Конечно, всё это ерунда, полная и дурацкая ерунда! Картинка в его руке слегка подрагивала. Чтобы не видеть изображенной на ней гадости, он свернул листок и тоже сунул его в карман.

***

— Интересно... — Дама в черном бархатном платье расправила смятую бумагу, потом встала, подошла к шкафу и достала из него большую лупу в медной оправе. — Надо взглянуть поподробнее.

Гжесь маялся. Был уже вечер, не поздний, но холодный и дождливый, и чувство тревоги и неприкаянности становилось все более гнетущим. Да ещё эта обстановка: завешенные черными шторами окна, удушливый запах благовоний, мерцание свечей. Правда, сейчас София включила свет, чтобы лучше видеть то, что было изображено на фотографии. И Гжесь мог как следует рассмотреть «колдунью», как он её мысленно назвал, хотя табличка на двери гласила «Магистр экстрасенсорики и доктор эзотерических наук». Колдунья, она колдунья и есть, хоть как назови. И внешность у неё подходящая — знойная, восточная. Предбальзаковский возраст, но фигура хороша... Ему нравились такие крепко сбитые брюнетки с темными глубокими глазами и низким голосом. А волосы... В свете ламп они сверкали вороненым отливом почти так же, как нить крупного черного жемчуга на смуглой шее.

А ещё она чем-то была похожа на Янку, веселую польскую девчонку, в которую Гжесь без ума был влюблен на первом курсе. Собственно, она и стала называть его Гжесем, до этого он был просто Гришкой. Хотя Янка была не такой жгучей брюнеткой, но тоже черноглазой.

Он поймал себя на том, что засмотрелся на Софию и почти забыл, зачем

пришел. Перевел взгляд на обитую темной парчой кушетку, на которой в царственной позе возлежала кошка. Конечно же, черная. Черная и сверкающая, как волосы её хозяйки, как черный жемчуг. Острые ушки, длинный хвост. Кошка, чувствуя его взгляд, томно изогнулась, беззвучно спрыгнула на пол и исчезла за креслами.

— Как, вы сказали, вас зовут? — подняла голову София. — Григорий?

— Да, — едва не закашлялся Гжесь.

— Так вот, Григорий, случай у вас, конечно, необычный. — Она помолчала. — И сложный. Венец неудачника называется. Встречается очень редко, примерно один раз на десять тысяч человек.

— А... отчего это может быть?

— Ну, причину установить сейчас сложно. — София встала и выключила свет. В комнате вновь воцарилось сияние десятков свечей. В их колеблющемся свете промелькнуло грациозное кошачье тело и вновь исчезло.

— Возможно, кто-то из родственников, — продолжила колдунья, — очень не хотел вашего рождения... Или в детстве вы были очень неприятны какому-то человеку, принесли ему много горя. Говорю именно о рождении и детстве, потому что такие венцы в зрелом возрасте редко зарабатывают. Вы же взрослый современный человек и понимаете, что каждый живой организм — носитель определенного и довольно стабильного энергетического поля. И чтобы исказить его, нужно очень сильное воздействие именно тогда, когда оно максимально уязвимо. В детстве, например.

Говоря это, она внимательно наблюдала за Гжесем. А тот сразу вспомнил то, что узнал не так давно. Что родился он вне брака, и отец только потом развелся с первой женой, чтобы жениться на его матери. И что жена эта грозила покончить с собой, устраивала дикие сцены и проклинала разлучницу и её отродье. А бабушка с отцовской стороны всегда его не любила и попрекала мать, что та не сделала аборт и увела её сына из той семьи. Всё это недавно выложила ему тетушка, заехавшая навестить племянника по пути на юг. То-то веселые воспоминания были... Отца и бабки уже нет в живых, так что можно было и не узнавать этих семейных тайн.

— Ну что, было похожее? — с заметным торжеством спросила София.

— Было, — вздохнул Гжесь. — И что теперь делать? Это навсегда или можете помочь?

— Помочь-то можно, — голос колдуньи стал бархатен и проникновенен. — Вот только есть один щекотливый момент...

— Говорите! Я что могу взамен обрести какой-то другой венец? Или у меня чакры раскрутятся и отвалятся? Что?

— Нет, другой не обретете, наоборот, можете стать очень везучим человеком. В порядке компенсации, так сказать. — София помолчала. — Но тут дело вот в чем. Одна я с такой аномалией не справлюсь, требуется работа трех, а ещё лучше четырех сенсов. В контакте, с полной отдачей. Усилитель полей подключать нужно... А плату я от вас, Григорий, извините, с вашей нынешней дефектной энергетикой принять не могу. Деньги — один из наиболее

сильных аккумуляторов негатива, так что ещё и их чистить... — она брезгливо повела крутым плечом и поморщилась.

— Да, это проблема... — Гжесь опустил глаза, вспоминая, сколько у него денег с собой и сколько дома. Выходило — мало. Зарплата была давно, Лизетту как раз перед аварией по магазинам прогулял. Паршиво. — А сколько это будет стоить?

— Я бы с вас ничего не взяла, Григорий. — София улыбнулась, показав белоснежные зубки. — Но неоплаченная работа — это работа впустую. Результата не даст. Вот что, давайте сделаем так: я заплачу своим коллегам из собственного кармана по пятьсот долларов. А вы мне потом, когда всё будет в порядке, вернете. Согласны?

— А если не получится?

— Небольшая вероятность есть, — кивнула колдунья. — Но тогда я сама у вас денег не возьму — зачем мне лишний заряд негатива? Поверьте, я его и так больше чем достаточно получаю. Порчи снимаю, привороты...

Гжесь задумался. Вроде бы, всё логично, и он ничем не рискует. Если этой магистерше удастся сделать что-то с его фатальной невезучестью, то пару тысяч баксов он как-нибудь найдет. Сменит работу, избавится от рухляди на четырех колесах, заведет семью. А если не выйдет, то и черт с ним, будет жить по-прежнему, неудачником, хоть и грустно все это.

София смотрела на него по-матерински добрым взглядом. Клиент почти созрел. Сашка, Петрович и Мерзлякин были предупреждены и ждали только её звонка.

— Согласен, — кивнул Гжесь. — Когда мне прийти?

— Сейчас вечер, коллеги должны быть дома. Если согласятся приехать, то сегодня всё и сделаем, зачем откладывать? — её рука потянулась к молчащему на антикварном бюро телефону. Сверкнуло массивное серебряное кольцо-печатка.

— Прямо сейчас? Но я как-то не готов...

— А зачем готовиться? — белые зубки вновь показались между тщательно подкрашенными рубиновой помадой губами. — Наша аура всегда с нами, как бы мы к этому не относились. — И уже в трубку: — Роман Петрович, добрый вечер.

Пока София разговаривала по телефону, Гжесь сам себя уговаривал относиться ко всему спокойно. Повода для сомнений просто нет, да и не волнуется он. Мысли текли плавно, запах курящихся в подставке ароматных палочек дарил вечеру привкус романтического приключения, которое не может не быть вехой для каких-то важных перемен. И от этого слегка кружилась голова.

— Григорий! — окликнула его колдунья, и Гжесь очнулся. — Пора расписку писать! Или вы передумали?

— Расписку? Ах да... Нет, не передумал.

Он написал всё, что продиктовала колдунья, вывел внизу свою фамилию. И только потом осознал, что в комнате появились ещё какие-то люди. Кто

это был, Гжесь так и не понял, ему было всё равно, они что-то двигали, чем-то звякали и переговаривались вполголоса.

У кресла, куда его посадили, была жесткая высокая спинка. Очень неудобно, хотелось расслабиться, лечь и закрыть глаза. К коленям подкатили какой-то металлический ящик на колесиках, в его боках отражался блеск огней и слепящие вспышки. И рядом слышалось негромкое бормотание. Голос был её, колдуньи, а слова непонятные.

Гжесю вдруг стало смешно: колдуны и чародеи, пользуются какими-то приборами, шаманят, твердят заклятия, чтобы в его ауре раздавить пузырьки. Не сумев сдержаться, он захихикал, но кто-то стоящий позади, сердито шикнул в ухо.

Вдруг перед глазами опять сверкнуло, запахло разогретым металлом и что-то больно цапнуло плечо. А потом затрещало, хлопнуло, и огни исчезли. Гжесю показалось, что его вывернуло наизнанку, сознание совершило бешеный кульбит, от которого из ушей словно выпали затычки, а с глаз слетели запотевшие очки. И он снова мог нормально видеть и слышать.

Что это было, черт возьми?!

— Туши! — орал кто-то визгливым фальцетом. — Туши, мать её!

— Сколько раз говорил, убирай ты эту тварь полоумную! Психопатка, а не кошка! — вторил ему другой. — Да не водой, тряпками накрывай!

— Она ещё и шандал свалила, туши скорее!

Гжесю накрыло волной удушливого дыма, он закашлялся, вскочил и отбежал к окну. Путаясь в шторах, искал защелки, а за спиной продолжали ругаться и суетиться. Голова кружилась, словно он только что соскочил с безумно вращавшейся карусели. Наконец он щелкнул последним шпингалетом, и рама распахнулась, больно ударив по лбу. Влажный ночной ветер ворвался в комнату, задувая свечи и разгоняя дым.

— Нора, бедная киска, — печально произнес голос Софии.

— Что это было? — спустя пару минут смог, отдышавшись, спросить Гжесь.

— Кошка запуталась в проводах и устроила себе маленький электрический стул, — ответили ему из темноты. — Прикройте окно, пробки выбило, а свечи на таком ветру не зажечь.

— Я, пожалуй, пойду. — Гжесь захлопнул раму и обернулся. — В другой раз как-нибудь.

— Идите. Я вам позвоню, — устало отозвалась колдунья.

Высокий толстяк суетливо чиркал зажигалкой. Протискиваясь между мебелью и какими-то железяками, Гжесь увидел на хромированной поверхности скрюченное черное тельце и отвернулся. Бедная кошка. Пахло отвратительно, и продолжавшие куриться благовония не могли перебить вонь горелой изоляции и ещё чего-то.

Выскочив во двор, он уткнулся в мокрый ствол первого попавшегося дерева. Потом его вырвало. Гжесь вытер лицо рукавом свитера, тот пах ужасно: кислым и паленым. Снова скрутило...

Свитер пришлось снять и зашвырнуть в темноту и грязь. Под рубашкой

что-то болезненно ныло. Сунув руку под неё, нащупал припухлость, боль стала резкой. Это отвлекло, и Гжесь смог, наконец, выпрямиться. Потом в чахоточном свете фонаря рассмотрел асфальтовую дорожку и побрел к ней. Дождь то усиливался, то переходил в тихую морось. Зонт он утром забыл взять. А если бы взял, то не прочитал бы дурацкое объявление и не поперся бы к Марату... Черт, как всё паршиво!

Автобус подъехал к остановке, когда Гжесь был от неё метрах в пятидесяти. Бежать было бесполезно — с его-то везучестью. Но пока он шел, освещенная туша смиренно стояла, словно в ожидании. Хотя какое там ожидание, просто переднюю дверь заклинило. Минуты через три поехали, после того как водитель попросил кого-нибудь посильнее пнуть створку.

А Лизетта так и не позвонила, подумалось вдруг с отрешенным сожалением. Зато в автобусе были свободные сидения, и можно было подремать, прижавшись плечом к холодному стеклу.

Дома, сняв с себя всю одежду и затолкав её в стиральную машину, Гжесь встал под душ. Под горячими струями болезненная припухлость опять дала о себе знать. В зеркале он рассмотрел на ключице след, словно от ожога. Похоже на полукружие с двумя точками внутри. Но ожогом это быть не могло, на рубашке не осталось никаких следов. Он смазал странную ранку йодом и отправился спать. Наплевать и забыть. Не было ничего. И никогда больше он не будет верить в эту ерунду. Только бы унялась боль, пульсирующая в висках...

***

Гжесь едва не проспал, потому что забыл включить будильник. Но сработал рефлекс, и удалось не опоздать на работу.

К обеду прошел слух, что Марецкий уходит. Ненавистный начальник решил сменить в другую фирму. Сотрудники, а вернее, сотрудницы, потому что коллектив был почти исключительно женским, кроме Гжеся и Толика-компьютерщика, принялись решать, кого директор назначит им в шефы. Выходило, что либо Мизину, либо найдут кого-то со стороны.

Злясь на весь белый свет, Гжесь вышел покурить. Курил он редко и исключительно на работе, храня для этой цели пачку сигарет в ящике стола.

Стоя у окна на лестничной площадке, он опять подумал о том, что вчера был полным идиотом. И расписку ещё написал. На две штуки баксов. А ведь могут требовать. Свидетелей не было, а расписка — вот она. Чтоб вы провалились, колдуны хреновы! Заморочили голову, одурманили. Похоже на гипноз или что-то подобное. А Марат эти свои ауры и пузыри наверняка «фотошопом» каким-нибудь рисует, жулик.

Преследуемый нехорошими воспоминаниями, Гжесь отправился обедать в блинную. По пути привычно купил пару билетиков «Спринта». Торговала ими бывшая одноклассница, и каждый раз приходилось покупать эти чертёвы билетики, просто так проходить мимо было как-то неловко. И хоть бы раз выиграл! Поставив тарелки на пластиковый столик, Гжесь привычно со-

скоблил покрытие с билетика и хотел уже отшвырнуть, как вдруг заметил шесть семерок. Не веря глазам, прочитал на обороте, что выиграл. И, кажется, немало.

Дожевав котлету, вернулся к будочке, изукрашенной рекламой всевозможных лото и бинго.

— Ого! — сказала бывшая одноклассница, поправляя очки. — Неплохо. Придется тебе ехать в наш центральный офис, у меня таких денег нет.

— А это не жульничество? — всё ещё не веря в удачу, поинтересовался Гжесь.

— Заплатят, куда денутся... Хотя редко такие выигрыши случаются, очень редко. Обычно только новые билетики и выигрывают.

— Ну ладно, тогда с меня цветы и коробка конфет, а ещё лучше — поход в ресторан!

— Хорошо, — засмеялась одноклассница, становясь похожей на ту девочку с белесыми косицами, у которой Гжесь списывал контрольные по алгебре.

Он пошел дальше, привычно обходя прутье буром компании молодежи, детские коляски и семенящих с кошелками старушек. У входа в магазин дорогу заступила молодая цыганка, что-то начала говорить, но осеклась, уставилась черными глазами. Потом испуганно пискнула и отскочила, взметнув вихрь шифоновых юбок. Ишь, коза...

Захотелось пива. В ближайшем киоске почти без всякой надежды спросил «Пилснер». Продавец покосился, полез куда-то, достал бутылку. Странно, раньше тут только отечественное водилось. Повезло.

На ходу выпил, бутылку швырнул в урну у дверей родной конторы. И сразу наткнулся на директора. Интересно, заметил или нет? Хотя обеденный перерыв, имеет право. Но директор поманил пальцем, повлек за собой. Дал пару дней, чтобы Григорий Петрович (ага, директор и отчество его знает!) решил, согласен ли он занять кресло увольняющегося Марецкого. И это после того, что ему вкатили выговор за ошибку в расчетах?! Нечто несообразное, но приятное. Гжесь обещал подумать.

Сегодняшний день словно искупал вчерашние глупости и неприятности. В подсознании промелькнуло что-то, но нужно было ещё зайти к курьерам за почтой. Да и мобильный зазвонил. Приятель из ГАИ сообщил, что вроде бы нашли тех, кто зацепил его «восьмерку». Фантастика! Если повезет, то хотя бы часть денег за ремонт с них можно стянуть.

В лифте Гжесь полюбовался на свое отражение в зеркале. Высокий, широкоплечий, не красавец, но отнюдь не урод. И что же ему так не везет с девушками, скоро тридцатник, а он все никак не встретит ту самую...

Та самая (или все же не та?) ждала, сидя в кресле под развесистым фикусом в холле. Жанна, секретарша Марецкого. Гжесь отвернулся, чтобы не прожечь взглядом соблазнительные колени. И чего она тут сидит? А ведь скоро она может стать его секретаршей. От этой мысли Гжесь остановился,

поднял глаза и как следует рассмотрел эти самые коленки. Жанна улыбнулась, словно прочитала его мысли. Многообещающе так улыбнулась. Или показалось?

— Гришенька, ты в эти выходные свободен? — а сама язычком по губам цвета клубники со сливками.

— Свободен, а что?

— А то, что у меня день рождения, вечеринка намечается. Придешь? Познакомимся поближе. — И ноготки у неё розовые, словно внутренности морских раковин.

— Приду, — буркнул Гжесь, чувствуя себя карасем, плавающим вокруг крючка с червячком. Розовым, аппетитным червячком.

— Адрес не забудь узнать, — промурлыкала, вставая, Жанна.

Гжесь ввалился в комнату, и остаток дня просидел в какой-то эйфории. Исключительный, просто уникальный день сегодня. Непрístupная Жанна фактически назначила ему свидание! Хотя... Рано радоваться, возможно, это действительно, обычная вечеринка с кучей нетрезвого народа. Да и Жанна, говорят, не такая уж непрístupная. Кое для кого.

Вот она, вечная подозрительность и готовность к неприятностям! Стоило лишь раз попасть в полосу удач, как сразу же начали появляться сомнения. Что там говорила София о венце неудачника?

Странно, что колдунья так и не позвонила.

После работы он решил пойти домой пешком, погода была отличная, не то что вчера. Сентябрь, а тепло. В сумерках город выглядел безмятежным и уютным. В подворотне мелькнула черная тень, острые ушки, длинный хвост. Нора. Кошку Софии звали Норой. Можно ли поймать кошку за хвост, как удачу? Не стоит и пробовать. А может, стоит? На глаза попалась сверкающая реклама: «Казино «Шанс». Ну, казино, так казино!

***

Ночной город пах совершенно не так, как вечерний. Это Гжесь понял, выйдя из стеклянных дверей, за которыми провел несколько часов. Увядаящая на газонах трава, арбузы и почему-то ваниль. Или запахи остались прежними, просто он их раньше не замечал? Охранник казино дождался, пока он уселся в специально вызванное такси и остался стоять на ступенях, глядя вслед.

Сколько он выиграл, считать было лень. Много. Вначале в блэк-джек, немножко, можно сказать, копейки. Потом перешел к рулетке. На красное, на нечет, на дюжину. Рискнул на восемь, счастливое число. И понеслось... Говорят, так бывает со всеми новичками — выигрывают, на что бы не ставили. Но Гжесь был уверен, что дело не в этом. Пару раз он ставил мелочь, а желал выигрыша кому-нибудь другому. И тот выигрывал. Хотя бы та женщина с серыми глазами.

Что же получается? Вчера, а вернее, уже позавчера с него таки сняли пресловутый венец? Или он бредит, и всё происходящее лишь цепь случайностей и продукт его собственной наглой самоуверенности? Что будет, если он

пожелает встретить у своего подъезда кого-нибудь? Жанну, к примеру... Гжесь поморщился: нет, в два часа ночи это чересчур. Лучше соседа Митьку. Да, Митьку!

Почему-то он совершенно не удивился, когда, выйдя из такси, заметил топчущуюся около подъезда пузатую Митькину фигуру. Сосед нервно курил и вполголоса ругался. Заметив Гжесь, сплюнул и пожаловался:

— Видишь, что творится? Понос у Сердючки. Валька ей сосисок каких-то дала, вот и скрутило собаку. А гулять кто должен? Кто, я спрашиваю?! Я, что ли, её этой пакостью кормил?

Из кустов выкатилась хвостатая колбаса на коротких лапах — Митькина такса. Завидев Гжесь, собака попыталась цапнуть его за штаны. Держа повыше пакет, в который ему сложили выигрыш, и, отбиваясь от агрессивной зверюги, которую когда-то звали не то Франческа, не то Жозефина, он проскочил в подъезд и вздохнул с облегчением. Спать, теперь только спать, хватит на сегодня событий.

Дома, сняв рубашку, он глянул в зеркало на подживающую у плеча ранку. Показалось ему или нет, что она похожа на кошачью мордочку с острыми ушами и глазами? Нет, скорее всего, показалось.

***

Прошло ещё три дня. За это время случилось много приятных для Гжесь вещей и решилось множество проблем, о которых раньше и подумать было страшно. Теперь же ему просто нужно было правильно сформулировать цель, и вот оно... Вначале он испытывал некоторое смущение от свалившихся на него благ, но потом махнул рукой и привык. На удивление быстро.

Единственное, чего не было, это звонка от колдуньи. Что казалось странным. Он хотел позвонить сам, однако визитка с телефоном Софии куда-то заделалась, скорее всего, постиралась вместе с грязной одеждой. Но дом он запомнил хорошо и решил, что съездит и отдаст плату за свалившуюся на него удачу сам.

Держа в руках тщательно выбранные темно-красные розы на длинных упругих стеблях, Гжесь вошел в знакомый подъезд. Кажется, этаж был пятый. Нет, шестой.

На звонок никто не отозвался, и он позвонил ещё раз, потом ещё.

За спиной открылась дверь, и его окликнули:

— Молодой человек, вы к Софии?

Обернувшись, он увидел женщину лет пятидесяти, выглядывающую из квартиры напротив.

— Да, но её, похоже, нет дома.

— Так умерла она. Ещё три дня назад, уже и похоронить успели. Сердце, говорят. — Женщина смотрела на Гжесь, ожидая, что тот что-то спросит, но он молчал. Тогда она добавила: — Наверное, из-за кошки переживала. Ма-

рат сказал, что кошку у неё накануне током убило. Марат – это племянник Софии. Но он тут не живет.

Гжесь снова промолчал. Потом отошел от двери, сунул в руки женщины розы и быстро зашагал вниз по лестнице.

Значит, Марат жив.

Что он им тогда пожелал: пропасть, провалиться или ещё как-то?

Имен остальных троих он не знал, лиц не видел, так что выяснить их нынешнюю судьбу не мог. И не хотел.

Показалось ему или нет, что когда он открывал дверь подъезда, в неё проскользнуло изящное кошачье тельце и метнулось вверх по ступеням? Острые ушки, длинный хвост...

Впрочем, мало ли кошек на свете?

НАТАЛЬЯ ЗЕМЛЯНСКАЯ

ЧЕСТЬ СКРУМЛЕЙ

...В

ТО УТРО МАТУШКА ГРИМЛА ОВСЯНКУ варила. Это у нас обычаем: по утрам всенепременно тарелочка овсяной жижи. Кашка булькает себе в котле, матушка в кухне возится – шуршит по хозяйству, да одним глазком за варевом приглядывает, чтоб не убежало. Не усмотришь, так на улице ловить будешь, а там – соседи да прохожие люди! Ну, соседи, может, еще посовестятся, разве что ложку-другую зачерпнут. Хотя вон у Зюзелей, что через три дома от нас, как-то целый жареный кабанище сбежал вместе с вертелом. Так и не поймали! И никто ведь не признался: все только облизывались, украдкой усы масляные вытирая. С чужого ж человека и подавно, какой спрос?..

Матушка, стало быть, хлопочет себе, каша из-под крышки тоже на неё поглядывает, разговоры светские ведёт: какая, мол, погода на дворе, какие виды на урожай... Чай, скучно ей просто так булькать.

Только они как следует разговорились, напевать чего-то уж стали хором, как дверь входная – бам-с!.. И с петель – долой!

Что такое?..

Вваливаются в дом два дюжих медведя нехорошей наружности. Морды, правда, отдалённо знакомые. Местные, значитца. Уже легче...

Матушка не растерялась: быстренько со стены ружьишко сдёрнула, курки взвела:

– Чего надо?

– Ты, – говорят, – старуха, оружие прибери! Не ровён час, выстрелит, а мы – пугливые: навалим со страху – будешь потом за нами убирать... Гы-гы-гы!

И предъявляют ей нашего Скрупа. Всего как есть избитого. Один из незваных легонько так на весу его держит за шкуру, а тот – никакусенький! Лишь правым глазом живым моргает, а на большее и сил нет.

Тут бабка посуровала:

– Это, – спрашивает, – что ж такое?.. – вежливо пока ещё интересуется. А сама уже когти выпустила.

Тогда второй швыряет ей под ноги початую колоду карт:

– А вот что!

Матушка так и ахнула про себя!.. Вслух, конечно, ничего не сказала. Личико печёное дулечкой сморщила, глазками голубенькими заморгала: дескать, не пойму о чём речь?

– Ты, старая, за отродьем своим получше присматривай! – рявкнули гости. – Ещё раз попадётся – не так отделаем!

Бросили они бедолагу на пол, пнули его по разику для острастки и убралась восвояси.

Ну, что вы думаете? Матушка Гримла — на расправу скорая. Она ж его ещё и хвостом собственным отходила: мол, слушайся вдругорядь бабку, неразумная голова! Сколько же можно талдычить: хуже нет для вора приметы, чем карты украсть!

Что?.. Ну да, мы, Скрумли, испокон веку воровством промышляем. А чего такого? Каждому — своё ремесло. Притом мы, коли ещё не знаете, не какие-нибудь там разбойники с большой дороги! Работаем в основе на заказ, и дела нам поручают, как повелось, деликатные.

Скруп молча наказание вытерпел, только зубами скрипел, да и уполз к себе в угол. Лежит, постанывает...

Старуха-то сердцем отошла, давай суетиться вокруг него! Травы заварила, примочки сделала, заговорной пыли из мешочка достала, — всего обсыпала. Ничего, дней через несколько поправился дурень легкомысленный.

****

Так бы и осталось всё досадным недоразумением: поделом получил братишка Скруп! Да с той поры стал он прихрамывать сильно. А в нашем деле — это ой как неудобно! Сноровка теряется и приметно слишком: так бы тенью безликой — шмыг в какую щелочку! — колченогого же всяк запомнит.

Скрумли, конечно, кровного родственничка без участия не оставили. Скинулись все понемножку, прикупили недотёпе кабачок.

Понятное дело, облагодетельствовали мы его не без заднего умысла. Заведеньице на бойком месте: пиво рекой течет — монетой звонкой оборачивается. Народ за кружечкой расслабляется, беседы затевает. Супружница Скрупа, Мыфиля, вокруг столов прислугой угодливой шныряет, разговорчики слушает, всё полезное — на ус мотает. А в нашем ремесле словечко, порой, золотого стоит!

Скруп — простофиля, да жёнушка у него — умница. Оно, кстати, частенько так бывает.

Проходит какое-то время, Скруп жирком покрываться начал, пузо отрастил. Хорошо ему! Уж и позабыл позор свой... А матушка Гримла, та — нет, она обиду никому не спустит. Для неё репутация важнее прочего. А как же? Мол, раз слабину дашь, потом и вовсе хвост оторвут! « Мы, Скрумли, не из таковских!» Та ещё старушка...

Лис Буглюм, хозяин ребятишек, что нашего недотёпу покалечили, промышлял ворожбаю. Оно хоть и запрещено королевским указом, однако народ к нему все равно потихонечку шастал. Казённые службы на Буглюма ко со посматривали, но связываться боялись: ещё нагадет чего! Платит налоги исправно — и ладно. А кто попроще, — тем и вовсе мериться с ним не с руки. Известно же: у судьбы путей много. Какую карту откроешь, как истолкуешь, так и сбудется. Потому, кстати, Святая Церковь это дело и не поощряет, — гадание, то есть: на всё воля Божья, и всё должно естественным чере-

дом идти! К примеру, малый, что Скрупу заказал Буглюмовы карты украсть, долго не прожил: раскинул ворожей колоду, да и нашептал ему чего-то... Скруп-то ещё легко отделался! Я, правда, думаю, Буглюм, трезво поразмыслив, побоялся с нашим семейством связываться: проучил дурака маленько — и хватит. А может, ему карты отсоветовали. Кто знает, какой там расклад вышел?..

Ну, а матушка Гримла, как потом оказалось, по-своему решила. Без всякого гадания. Скруп ведь у неё сызмальства в любимчиках ходил, поскольку рано сиротой остался и подле ейной юбки вырос.

****

И вот как-то Мыфиля в кабачке услышала, что Буглюм жениться надумал. Была в столице некая девица из богатых на выданье — в самом соку, точно перезревшая груша: сожми и потечёт!.. Да только опасались к ней свататься, потому как непростого она роду-племени. Ворожей почему-то решил, что соперников ему не будет, и с копьём наперевес — вперёд!..

Не тут-то было! Выкинули его сватов за ворота, точно бродяжек пере-хожих.

Раскинул обиженный лис карты. Только смотрит — ничего не выходит: девахина родня такой масти, что подобное колдовство их не берет. Там своя магия. Почистице... (Про то уж потом Мыфиля от его собственной служанки вызнала).

А ещё ему карты сказали, что есть, мол, способ решить затруднения.

И в один прекрасный вечер оказался Буглюм у нас на пороге.

Да-да!.. Припёрся собственной персоной! Мол, кто старое помянет — тому глаз вон! А кто не помнит добра — тому два!.. И мешочек тугой на стол — бряк! Извинение, значитца, за Скрупово увече.

Ладно, выслушали мы его. Дельце-то пустяковое оказалось. Но мы для приличия цену заломили изрядную. Гостя аж перекошило!

Начали торговаться. Часа два, почитай, воду в ступе толкли: Буглюм, он же скупой, страсть! — но и мы не лыком шиты. Да и деваться ему некуда: уж больно девица приглянулась, а приданое её — того пуще. Сговорились, наконец, по рукам ударили. Вытащил Буглюм кошель, отсчитал задаток.

Матушка Гримла и говорит:

— Только мы, сударь, не сразу желаемое тебе добудем, а через какое-то время. Аккурат накануне дня Святого Георгия.

— Как? — ахнул ворожей. — Полгода ждать?!

Старушка трубочку набила, раскурила как следует, пыхнула пару раз, и потом только ответила:

— Подождёшь, коли так приспичило...

Буглюм насупился, колоду из рукава вынул, посоветовался: картишки ему то же самое сказали.

Ушёл женишок незадачливый, а Матушка Гримла трубочку в окно вслед ему выбила да и замурлыкала себе под нос чего-то, довольная.

***

...Долго ли, коротко ли, подошёл оговоренный срок. Стали два моих троюродных брата собираться в столицу. Им, как младшим, жребий выпал, поскольку дельце-то, я уж говорил, пустячное. И тут матушка Гримла вдруг заявляет: мол, пускай детишки дома остаются, а всю работу Гезза сделает... Наши, конечно, глаза от удивления выпучили, кто в тот час дома оказался, а я — больше всех! Потому как Гезза — это я и есть. Прозвище у меня такое.

Спорить с бабкой никто не стал — не принято у нас старшим перечить. Ну, и я промолчал, хоть удивлён был сильно. Верней сказать, раздосадован: как раз свиданьице намечалось с одной сдобной лапонькой, чей муженёк по торговым делам собирался отлучиться. А тут мне вместо сладкого пришлось с ним же ехать! (Нам, Скрумля, нахальства не занимать, гы-гы-гы!.. и напрился я к рогоносу в попутчики, чтоб расходы уменьшить. Но не корысти ради, а больше от огорчения).

Запряг купец в повозку двух тягловых лошадушек, слуги его взгромоздились на тех, что порезвее, и отправились мы в путь. Расстояние до стольного града немалое, но дорога хорошая, королевской дружиной охраняемая, и путешествовали мы скучно — большей частью дрыхли. Бьюсь об заклад, снилось мне и купчине одно и то же... Э-эх, мяконькая моя сдобушка!..

Подъезжать стали — тут веселее пошло: канун же Георгиева дня! В столице палат из пушек, фейерверки разноцветные в темнеющие облака пускают, а на всём этом разноцветье взмывают из-за дальнего леса в небо драконы серебряные — большие и маленькие. Они обычно об эту пору на север улетают — к льдам поближе: известно, кровь у них даже горячая, и летняя наша жара им почти не под силу. А в этот день, кстати, они могут с королевской службы и навсегда уйти — обычай у них такой, и сам король в том перечить не смеет. Правда, я уж давненько не слыхивал, чтобы кто-нибудь из них совсем улетел. Есть, видать, у государя какая-то зацепочка, ввиду которой чудища служат ему верой-правдой до самой смерти. И несладка та служба, поверьте!

Обоз наш приостановился неподалеку от городских ворот, потому как зевак приезжих много собралось, и от того некоторое столпотворение получилось. И вот любовались мы, пока наша очередь продвигалась, как летучие ящеры на крыло становятся и клиньями тянутся на закат. Долгонько любовались, надо сказать, — в городе уже окошки в домах зажигали, когда я запетлял по улочкам в ту сторону, где жила Буглюмова зазноба.

****

Дом той девицы, огромный и высокий, примостился неподалёку от королевского дворца. Окруженный стеною и широким водяным рвом локтей в тридцать, — целая крепость! — смотрел он с усмешкой: ну-ка, мол, что за наглец явился?.. Зря ухмылялся: обернулся я рыбкой блестящей, ров переплыл, принял своё собственное обличье, шустренько на стену вскарабкался... Привирать не стану: не так всё быстро делалось, как сказывается. Однако ещё не пробило полуночи, как уж тенью бесшумной крался я по чужим

коридорам, устланным цветными коврами, украшенным затейливыми светильниками, — видать, и впрямь Буглюму, в случае удачи, светило неплохое приданое!

А нужна была мне маленькая комнатка за хитрой дверью в одной из башенок дома. Не люблю хвастать, как вы уже заметили, но любой замок для меня — пара пустяков. Здесь же пришлось повозиться: вход был запечатан заклинанием. Железной отмычке не справиться! Но недаром у нас в семье, едва малыш становится на ноги, как его головёнку начинают пичкать всевозможными премудростями: нашелся в глубинах моей памяти нужный «ключик», хотя заговор был очень старый.

В заветной же комнатёнке, между всего прочего, находился стеклянный плотно закупоренный сосуд. Он-то мне и надобен был... И, клянусь вам честью Скрумлей, ничего лишнего я оттуда не взял! — только эту стекляшку, где внутри помещалось в прозрачной жидкости нечто, слегка светящееся алым.

И вот, когда я тихим призраком скользнул прочь, — настолько ловко, что даже воздух не дрогнул, — раздался вдруг в тёплом чреве спящего дома мерзкий шепот:

— Кто с-сдес-с-сь?..

Был бы на моем месте простой воришка — тут и сказке конец! От ночнухи-сторожилки еще никто не уходил.

Не успев толком удивиться, откуда у почтенных обывателей в доме такая страсть? — шмыгнул в ближайшую же дверь, которая, на моё счастье, оказалась не заперта. Это была чья-то спальня. Не дыша, на цыпочках подбежал к чужой кровати и невесомым облаком юркнул под одеяло. Легонько дунув спящему в лицо, я обезопасил себя от его неурочного пробуждения.

Между тем, обостренное чутьё ощущало приближение врага. На спасение оставались считанные секунды. Я обнял спящего и мысленно окутал нас прозрачной пеленой, подстраивая своё сердце и дыхание под чужие ритмы. Если б кто заглянул в ту минуту в спальню — я и спящий незнакомец представились бы тому одним целым. Простой фокус этот неплохо бы прошёл даже в яркий день на базарной площади, набитой празднующимися людом. Но купится ли на такой обман страшный монстр, спешащий уничтожить чужака, незваным проникшего в хозяйские хоромы? Ночнухи, они иначе не умеют, — это вам не собаки сторожевые.

...А потом тягучее время капало чёрной слюною медленно-медленно! — так же дьявольски медленно, как эта жуть водила невидимыми усами на расстоянии ногтя от моего лица. Как же она долго принюхивалась, тварь!..

«Вот тебе и пустячное дельце!» — единственная мыслишка, какую я себе позволил, когда чудовище наконец-то убралось прочь. Обо всём случившемся я поразмыслил позже, если сумею унести ноги подобру-поздорову: и о том, как хорошо, что не отравились отработать Буглюмов задаток мои маленькие братцы, — нашли бы они тут свою верную смерть! И о том, как же мне повезло! А главное — почему эта тварь учуяла меня? Меня, заговорённого от неё?..

Не смея дышать, я осторожно приподнялся и осмотрелся. Вроде тихо... Спящий дом мирно посапывал, качаясь на волнах сладкой дрёмы. В высокие окна спальни заглядывали любопытные звездочки, мерцая, они насмешливо подмигивали мне: дескать, испугался, голубчик?.. Да чего уж там! Не то слово! Но только я в том никогда, конечно, не сознаюсь. Разве что в старости, когда, сидя у камина в кресле-качалке со стаканчиком грога в руках, буду сочинять правнукам байки о своей бурной молодости...

И тут вдруг что-то железное обхватило запястье!

Чертыхаясь и шепча заклинания, я пытался освободиться от кандалов, что приковали мою кисть к изголовью кровати, но все потуги привели к тому лишь, что свалился на пол, едва не вывихнув руку. Цепь оков соскользнула прочь и мгновенно оборотилась огромной змеей. Свернувшись тугой пружиной и приподняв верхнюю часть тулова, гадина угрожающе напряглась и зашипела, грациозно раскачиваясь из стороны в сторону. Её чешуйки слюдянисто блестели в лунном свете, отвлекая и завораживая. Извиваясь, она танцевала, неуловимо сокращая расстояние между нами. Я почувствовал, что слабею... Отяжелели веки... Она, видать, тоже это угадала, и, улучив момент, бросилась на меня. Но я сумел схватить её за шею! Клыкастая пасть оказалась прямо у меня перед носом. Пойманная, змея продолжала угрожать: её зев становился всё шире. Не долго думая, я воткнул кинжал прямо поперёк бездонной глотки.

— Bravo, храбрец! — произнес нежный голосок, из-под шёлкового балдахина кровати раздалось хлопанье в ладоши. — Bravo!.. — и на фоне оконного проёма обрисовалась тонкая фигурка.

Выпустив бьющуюся в конвульсиях змеюку, я напрягся: в этом доме вра вряд ли ожидает что-нибудь хорошее...

Ах, судьба моя прихотливая, как же я ошибался! Умирать буду — эту ноченьку вспомню!.. Руки ласковые, кожу нежную, дыханье сладкое, поцелуи жгучие... А ярче всего — глаза девичьи, точно звёзды: как взглянул в них раз — утонул навсегда, и не выбраться мне из того омута, не спастись...

****

Утром, чуть рассвело, хмельной, ошалевший, выскользнул я из чужого дома. Милая моя сторожей приструнила — ласковыми котятками легли мне под ноги страшные звери, а тяжёлые замки сами с ворот упали. Никто не видел, как расставались мы.

И побрел я, оглушённый любовью, по тихим улицам. В голове — пусто, за спиной — точно крылья выросли... Обратной дороги не помню, — как земляков своих отыскал на постоялом дворе, как домой добирался...

Дома легче не стало: только о ней, о милой своей и думаю, только её перед глазами вижу, а в груди — так ноет! Так ноет!.. Ночью того хуже: мнится рядом её тело горячее, руки тепло волос шёлковых вспоминают, губы ласки ищут, нежности щёк её персиковых... Худо!

Буглюм-ворожей приходил, свой товар забрал — тот сосудец стеклянный,

что я для него умыкнул. Довольный ушёл, остаток денег, как уговорено было, отсыпал, — даже не покривился. А мне — всё равно!

Родные ходят вокруг, перешёптываются меж собой... Жалеют!

Девки да молодки на улице подмигивают, а какие и откровенно в гости заывают... Тоска!

Зашел как-то в кабачок к Скрупу. Посидели, поговорили... А только хмель не берет меня. Не лечит душу хмель!..

Женушка его, Мыфиля, из-за стойки вывернулась, прислушалась, поохала да и говорит: мол, Буглюмка в столицу уезжает, жениться. Все у него уж сговорено с невестинной родней.

— Вот те раз! — попытался я удивиться.

— Конечно! — смеется Мыфиля. — В той стекляшке, что ты спёр, её сердце было. Так он его съел! Она теперь по гроб его будет... Просись к нему в товарищи: вот и свою зазнобушку увидишь, а там... Если так не отдадут, то... Может, и не случилось Скрумлям до сей поры себе жён воровать, так ты — первый будешь!

****

...Тем же вечером я уже мчался в столицу. Вперёд счастливого жениха и его челяди летел, охаживая коня плетью, торопя отстающих, и сетуя сквозь зубы, что так медленно ползут под копытами вёрсты. Ох, и долгой же мне показалась дорога!

Лучше б она длилась вечно...

Отчего не сгинул я, сражённый рукою ночного татя? Не пропал, растерзанный хищными зверями?.. Почему конь мой не споткнулся? — сломал бы я себе шею, вылетев из седла, — и пусть бы вороны клевали мёртвые глаза мои! Зато не увидел бы возлюбленную свою в подвенечных одеждах, ведомую в храм другим!

Она оказалась предназначенной Буглюму. Этому жалкому червю!.. Бешеная злоба тьмой застлала мне глаза, когда узнал я правду. Не помню, как и где взял оружие... Не помню, как схватили и били ...

...Любимая, чем же прогневили мы Господа?.. Где милосердие ваше, Небеса? Как жить, как дышать? — ведь ты и жизнь моя, и моё дыхание!..

...Очнулся от холода: подземелье — мрак, сырость, цепи.

Что вору оковы? Что вору решётки?.. Тьфу!..

С помощью заклинаний высвободился из железных пут. Обидчики мои не догадались их заговорить. А вот с решётками — незадача вышла. Не было их там... Ящерицей ползал в темноте, ломая ногти, обдирая в кровь пальцы: обшарил каждый угол, ощупал все щели, все выступы и углубления, но ни окон, ни дверей не нашёл, — всюду камень!

Уныние — великий грех. Думай, думай, разбитая головушка! Ищи выход из западни! Или я не Скрумль?

Перебирал одно заклинание за другим, но холодные стены оставались недвижимы.

Правда, оставалось ещё одно средство...

В ту нашу первую и единственную ночь, любимая доверила мне своё настоящее имя. То самое, что мать даёт дитю при рождении, шепнув его на ухо, и которое до поры до времени знает только она. То имя, что дарят только самым близким. То, чем так рады завладеть духи и демоны, чтобы повелевать смертной душою по своему усмотрению. Ну, да вы сами всё знаете...

«Позови меня, когда станет совсем худо», — сказала она тогда. Но лучше я заживо сгнию в подземелье, чем сделаю это: почём мне знать, что ни одно исчадие зла не нашло себе убежища в этом каменном мешке? Разве могу я подвергнуть её такой опасности?

И едва решил так, — раздался страшный грохот! Тьма раскололась, и в просвет треснувших стен темницы я увидел серебряную махину дракона...

****

— ...Согласен ли ты, любимый, разделить мою судьбу?

Ха! Согласен ли я пройти боль и муки перерождения, и стать уродливым, рогатым чудовищем? Провести во льдах добрую половину жизни, испытывая нечеловеческие муки голода? Рисковать своей головой ради малейшей прихоти короля?

Да... Ибо я люблю тебя!..

****

...В то утро матушка Гримла овсянку варила. Это у Скрумлей обычаем: по утрам всенепременно тарелочка овсяной жижи. Кашка булькает себе в котле, матушка в кухне возится: шуршит по хозяйству да одним глазком за варевом приглядывает, чтоб не убежало. Вдруг дверь входная — бам-с!.. И с петель — долой!

Вбегает запыхавшийся чумазый мышонок:

— Матушка Гримла! Матушка Гримла! Скорее! Они улетают!.. — крикнул, на месте подпрыгнул разов несколько, точно мячик, — и бежать!

Старуха руками всплеснула:

— Охти ж мне! — полы длинной юбки подобрала, и — за ним!

Так и проскакали по сонным улочкам — старый да малый — вплоть до окраины деревеньки. А за околицей ждали их двое...

Прощание было недолгим: длинные проводы — лишние слёзы... Утреннее солнышко ещё сонно жмурилось да позёвывало, выглянув из-за дальних холмов, когда две пары упругих крыльев рассекли свежее голубое небо. Сделав круг над васильковым лугом, драконы взмыли выше и вскоре растаяли в синеве.

— Дела-а! — вздохнул припоздавший Скруп, провожая взглядом улетающих.

— Бывает... — коротко отозвалась матушка Гримла, концами платка вытирая глаза, слезящиеся то ли от солнца, то ли ещё от чего.

И больше ничего не сказала, — слишком долго было бы рассказывать: и про то, как подменила она Бугломовы карты, и как использовала старое заклятье, чтоб свести две судьбы, и много всего другого. Ведь начинать историю

пришлось бы ещё с тех времён, когда девчонкой стянула она у подвыпившего проезжего колдуна мешочек старинных преданий. Среди прочих, было в нём и про то, что служит оковами дракону его собственное сердце: покуда бьётся оно, мучается крылатый в человеческом обличье, уязвимом и недолговечном. Стоит же сердцу пропасть, как обретает он долголетие и свободу, — разве что король может править судьбой его, но про то — отдельная сказка...

***

...Давно ушла уж домой матушка Гримла — некогда ей особо рассусоливать: помимо счастья и оберега близких много и простых забот у хранительницы очага. А Скруп всё лежал в стоге прошлогоднего сена. Грелся на солнышке, почёсывал толстое серое брюшко, щурился, глядя в небо, и лениво размышлял: хорошо ли то, что негаданно выпало его кузену? И каково променять домашний уют на жизнь, полную скитаний и опасностей?

— Впрочем, — чуть погода вымолвил он, — не всякой крысе дано стать драконом... Наверное, это чего-то да стоит...

И после долго ещё всматривался он в бездонную синь, где в такт его мыслям неспешно текли взбитыми сливками облака, и думал, что теперь-то братец Гезза узнает их вкус...

СЕРГЕЙ КАРЛИК

ДРАКОН ДЛЯ ГЕРОЯ

ЖРЕЦ ХРАМА ДРАКОНА БЫЛ ОЧЕНЬ СТАР. ТАК СТАР, что имя его уже забыли и называли просто Жрец. Так стар, что передвигаться самостоятельно он уже не мог, и его тело юные послушники носили в паланкине. Но зрение его было так же остро, как и пятьдесят и сто лет назад. И сейчас его глаза внимательно осматривали нескольких плачущих младенцев, которых в этот вечер отняли от их матерей. Отняли навсегда, чтобы сделать из них Героев.

Впрочем, Жрец был не один. Ещё присутствовали король с министрами и лучшие бойцы из королевской стражи.

— Ну что ж, — сказал, наконец, жрец. — Я вижу, что пророчество сбылось. Герой родился!

— В какой по счёту раз? — Король не скрывал своего сарказма. — Герои рождались в очередной раз, а дракон всё ещё живёт и здравствует.

— Не богохульствуйте Ваше Величество. Наши Герои — это то, что действительно есть на этом свете. Они то, что подтверждает нашу веру. Или вы считаете, что Зарастул-меченосец не был Героем?

— Он был Героем, но пошёл биться с драконом с одним мечом, опираясь на посох, так как его уже ноги не держали. Глупый старец, которого оставили силы, но который всё ещё думал, что он что-то может.

Все министры потупились. «Глупый старец» мог взглядом вышибать кирпичи из городской стены, а меч его обладал силой удара, перед которой ни один дракон бы не устоял, будь этот меч в твёрдой руке. Но Герой был стар и знал, что идёт на верную смерть.

— И, тем не менее, Ваше Величество, — дребезжащий безжизненный голос Жреца эхом отзывался в подземелье. — Среди этих младенцев есть Герой, он совершит много подвигов и, когда придёт время, сразится с Драконом на Чёрной горе. Ибо родился под знаком Дракона в нужный день и час. Поэтому лучшие кузнецы должны выковать для него доспехи, лучшие маги должны научить его своему искусству, лучшие учёные должны дать ему свои знания, и лучшие женщины королевства будут принадлежать ему.

— Да будет так!

***

Не все, кто рождается под знаком Дракона, Герои. Так что нет ничего удивительного в том, что несколько младенцев умерли от самых разных болезней. Лучший менестрель королевства пел свои сказания уже только десяти мальчикам. Сидя в каменном зале, у камина с резным барельефом, он пел им про подвиги тех героев, которые были до них.

Пел им про великого Корисаро, который один вышел против войска вятичей и победил его, хотя были там и тысячи лучников, и тысячи меченосцев, и сотни сильных и опытных рыцарей.

Пел им про великого Моресто, который один вошёл в башню тёмного колдуна Веги и победил его в честном бою. Не мечом, а силой заклятий.

Пел им про великого Молкро, который выиграл у правителя Чандры в шахматы победу в битве и слово, что тот никогда не будет нападать на Королевство.

Недаром лучшие кузнецы ковали для них доспехи, лучшие маги учили их своему искусству, лучшие учёные дали свои знания, и лучшие женщины королевства принадлежали им.

***

— Ну что ж... Вот и осталось нас шестеро. — Сидя на берегу реки, Сантро обратился к Кастеро, который за его спиной безуспешно пытался распутать снасть. — Как ты думаешь, почему Фестокл решил стать жрецом?

— А чего тут думать-то? Мечом махать он не мастер, в шахматы да в карты тоже так себе...

— Но ведь он мог видеть сквозь стены и летать без помощи крыльев. А звери, даже самые дикие, слушались его как Героя.

— Ну что ж. Значит, не хотел он себе судьбу Героя.

— Кстати на счёт героической судьбы. Ты никаких летописей о судьбах Героев из библиотеки не читал?

— Да всё как-то времени не было...

— Да? — Сантро повернулся к собеседнику лицом. — А я читал. Знаешь как погиб Корисаро? Он отправился на бой с Драконом, зная, что всё равно скоро умрёт. У него внутри что-то выросло такое большое, что он не мог дышать как человек. И, конечно, дракон его убил. А Молкро пошёл против дракона только с волшебной палочкой в руке. Причём лет ему уже было очень много, за сотню. Он плохо слышал, почти совсем ничего не видел. И дракон его убил тоже.

— Да? Ну и ладно. — Костеро наконец справился со снастью, — Мы то будем умнее. Недаром лучшие кузнецы ковали для нас доспехи, лучшие маги учат нас своему искусству, лучшие учёные дают нам свои знания, и лучшие женщины королевства будут принадлежать нам.

***

— Ну, теперь иди сюда! — вкрадчивый голос за занавеской манил и угрожал одновременно.

— Сейчас, миледи. — Стоя в одних подштанниках перед громадной, огороженной всякими занавесками, кроватью, Сантро чувствовал себя абсолютно беззащитным. Доспехи вместе с оружием грудой лежали на полу. Одежда вместе с амулетами висела на спинке кресла. А в кровати его ждали. Самая красивая женщина королевства, жена министра финансов. Сейса он де Палиссо. Или просто Сейса. Сантро попытался вспомнить, как он сюда попал, и не смог.

— Я жду! — В требовательном голосе вдруг чётко прозвучала неуверенность, и Сантро решился. Раздвинув занавески, он шагнул внутрь.

От увиденного там у него мгновенно пропал дар речи. Миледи лежала абсолютно голая, широко раздвинув ноги. Между средних размеров груди лежал маленький талисман на золотой цепочке, и это была вся одежда.

— Ну, Герой, — Сейса явно была довольна произведённым эффектом. — Иди сюда, я хочу от тебя чего-нибудь героического.

Он сделал пару неуверенных шагов, и она поднялась ему навстречу. Неожиданно он понял, что даже без высоких каблуков, так модных у женщин в последнее время, она выше него почти на голову. С неожиданной силой и ловкостью женщина быстро спустила с него подштанники, отчего он почувствовал себя совсем беззащитным, и буквально закинула его на пространство кровати.

— Миледи, — каким-то совсем детским и писклявым голосом спросил Сантро, — с чего вы решили, что я Герой? Ведь нас ещё четверо.

— А помнишь как вы с Простеро наткнулись на банду грабителей за пределами городской стены, когда пьяными возвращались с ночной охоты? Кажется, для Просперо это был последний вечер в его жизни. А ты после его смерти справился со всеми. А ведь их было восемь человек... Против тебя одного.

— Это правда. — Сантро ощутил у себя её руку между ног и потерял всякую способность соображать.

— А когда твой друг Кастеро отдыхал в своей деревне, его задрал медведь, против которого он вышел во время охоты один на один. Не этого ли медведя ты сжёг заклинанием прямо в его берлоге, даже не видя его перед собой?

— Это правда. — Воспоминание о недавней гибели друга слегка отрезвила Сантро. — Но просто в этого медведя кто-то вселил демона. Это совсем другое. Обычных медведей Кастеро душил голыми руками... — продолжить он не смог, так как рот ему заткнули поцелуем.

— А знаешь что... — Сейса вдруг одним движением оказалась сверху.

— Что?..

— Неплохо ты сражаешься для своих пятнадцати лет!

— Миледи Сейса! — теряя остатки воли, пролепетал Сантро. — А вот ваш муж. Он не...

Договорить он не смог. На переносице Сейсы мелькнула искра. Амулет на шее загорелся синеватым пламенем, а мощное заклинание сковало руки и ноги Сантро.

— Молчать! — В голосе Сейсы послышались властные нотки. — Прижавшись к его щеке своей, она прошептала ему в ухо: — У меня НИКОГДА не было героев. — И немного просяще добавила: — Молчи, ничего не делай, даже не пытайся. Я всё сделаю сама.

***

— Ваше Величество, — голос Жреца был совсем слаб. — Согласно легенде все они скоро отправятся к Дракону.

— Эту легенду знает каждый. Почему вы все так верите в неё? — Король встал с трона и пошёл вдоль ряда стражников к паланкину Жреца.

— Она сбывается каждый раз. И только одно в нашем мире не соответствует ей.

— Знаю. Дракон всё время остаётся жив.

— Их осталось трое. Скоро мы узнаем имя настоящего Героя.

— Не верю я в этих героев. — Король остановился перед паланкином. — Только то, что народ верит в них, останавливает меня от уничтожения этих ваших дурацких традиций.

***

Дракон смотрел на него немигающим взором рептилии. В его глазах не было ни искры мысли, ни намёка на чувства. В то время как пять голов мирно дремали, шестая сторожила их покой. При приближении Сантро Дракон даже и не подумал подняться. Он не расправил свои крылья и не попытался пламенем сжечь маленького человечка.

Когда Сантро подошёл достаточно близко к пещере для того, чтобы почувствовать в воздухе запах палёной плоти, Дракон открыл пасть, в которой запросто поместился бы человек, и в воздухе заклокотало и зашипело. И вдруг эти звуки как-то стали складываться в слова.

— Ты пришёл драться?

— Нет, — Сантро остановился, снял с себя перевязь с мечом и поднял руки, показывая, что он безоружен. На руках его не было колец, а на шее никаких амулетов.

— Жаль... Я жду молодого Героя. А приходят старые.

— Я хотел поговорить с тобой!

— О чём?

— Я слышал, что драконы мудры, а ты старый дракон. В нашей стране из твоего рода живёшь только ты.

— Драконы мудры, — в голосе чудовища не было никакого выражения. — Подойди поближе и перекуси со мной.

Продравшись сквозь заросли невысокого, высотой по грудь, но колючего, кустарника Сантро увидел, что на поляне лежит прожаренная туша коровы. Сразу стал понятен запах палёного мяса. Видимо, совсем недавно Дракон где-то поймал корову, принёс её сюда и уже здесь опалил её.

— Это животное ты украл у бедного крестьянина! — Сантро сразу понял, что сморозил глупость. Крестьяне в долине дракона не были бедными. Количество скота у каждого здесь было таково, что молодые девушки могли принимать ванны из молока, и в мясе здесь себя не ограничивали. — Неужели ты не мог выследить и поймать дикого зверя? Олена в долине или медведя в своём лесу, что растёт вокруг твоей горы?

— Не мог. — Дракон помолчал, и вдруг разразился целой речью. — Когда я появился здесь много лет назад, этого леса не было. И не было здесь диких зверей. В долине полно было диких зверей, и не было людей. Потому я уничтожил часть диких зверей, и на их место пришли люди. Они построили дома. Я охранял их дома от диких зверей, мне было любопытно. Люди стали разводить скот. Диких зверей мало, а скота много, но я сначала

ла съел всех диких зверей. Теперь остался только скот и люди. А вокруг моей пещеры вырос лес.

— Говорят, ты ешь и людей тоже.

— Ем... Когда из-за гор приходят лазутчики вятичей — я их ловлю и ем. Когда ко мне приходят Герои, чтобы сражаться, — я их побеждаю и ем.

— Надо же! — Сантро не скрывал своего изумления. — Значит, ты охраняешь наши границы, охраняешь наш скот! А нам говорят, что ты наш главный враг.

— Людям нужны Герои. — Дракон выдохнул язык пламени, и в его отблеске на груди Дракона что-то сверкнуло. Сантро, подойдя поближе, с удивлением уставился на нагрудные пластины дракона. На крупных, величиной с рыцарский щит, чешуях явно что-то было.

— Это что? Руны? Кто выбил их на твоей груди?

— Только Герои приходят сюда.

— Надо же. — Сантро растерянно сел возле обгорелой коровьей туши. — У тебя на груди защитные руны. Ничего не понимаю.

— Людям нужны Герои. И людям нужны Драконы. — Дракон помолчал и добавил. — Там внизу тебя ждёт друг, он удивлён твоим поведением. Тебе пора. Приходи, когда будешь готов драться.

***

Хозяин таверны был растерян и огорчён. С потенциальных Героев обычно не велел брать деньги. А сейчас сразу два кандидата сидели за столом в самом тёмном углу. Они с аппетитом ели и пили и ещё о чём-то жарко спорили. Чем дольше они сидели, тем больше от них был убыток. И ведь не скажешь же им ничего.

— Скажи мне, Сантро. — Сатеро отрезал ножом еще один кусок оленины и обмакнул его в чесночный соус. — Зачем нужны Герои? Какова их конечная цель?

— Ну, наверное... — Сантро отхлебнул красного вина из бокала. — Эх! Хорошее вино! Наверное, убить Дракона.

— А я вот думаю, — Сатеро отломил очередной ломоть хлеба, — что мы просто специально обученные профессиональные убийцы. Хранители интересов государства. Кстати, кто из нас настоящий Герой? Как ты думаешь?

— Этого пока никто не знает. Наши линии судьбы скрыты даже от жрецов! Но тот, кто из нас останется в живых, тот и есть Герой. По легенде.

— Это по легенде! Вообще-то, по легенде все Герои — добровольцы. Знаешь откуда я?

— Откуда?

— С северной границы.

— Давно ты там был?

— Вчера... — Сатеро заметил удивление на лице Сантро и добавил. — Скакал всю ночь и весь день. — Он вытащил из кармана маленькое зеркальце. — В этом амулете я увидел, как ты оставил доспехи и идёшь к Дракону.

— Тебе стало любопытно или ты хотел мне помочь?

— Да ну что ты! По легенде мы дерёмся один на один с Драконом. Просто вчера я понял, что не хочу быть Героем.

— Как это? — Сантро никак не ожидал такого услышать от Сатеро. От человека, который и в магии, и во владении мечом превосходил его на порядок.

— А вот так! Два дня назад на северной границе объявился отряд разбойников. Даже не так. Скорее кочевое племя. У них там, в отряде, были женщины и дети. А ещё парочка магов, десяток дезертиров, целая куча беглых каторжников и ещё много всякого сброда. Куда смотрели наблюдатели на погранзаставах, сейчас разбираются. Ночью они перешли границу и вырезали целую деревню. А утром туда прискакал я. Уничтожил всех.

— Ещё один подвиг для наших летописей Героев!

— Ты не понял. Я убил всех. Я сделал это абсолютно спокойно. Сначала наложил заклинание замедления времени на всех и перерезал горло всему взрослому населению. А когда у них остались только женщины и дети, я стал выбирать их по одному и читать у них их линии судьбы. Это было ужасно, даже у грудных младенцев видел только черные линии. Они были обречены стать преступниками. И я убил всех. И вот, когда я, смотрел потом на кучу трупов, то у меня возникло подозрение, что здесь что-то не так. Не должен быть Герой таким безжалостным убийцей.

— Герой должен быть убийцей. Конечной целью является убийство дракона.

— Это правда. — Сатеро отодвинул тарелку и налил себе ещё вина. — Но в тот момент я понял, что не хочу быть таким Героем. Ты в курсе, что нас осталось только двое?

— Как? — выдохнул Сантро.

— А так... На восточной границе у нас ведь тоже есть дракон. Только одноглавый, и живёт он там всего ничего, три года. Так вот, наш доблестный Каризо решил, видимо, потренироваться на маленьком дракончике. До дракона он не добрался. Там рядом есть храм Железных ворот, слышал о таком?

— Да! Храм построили вокруг портала, целиком состоящего из железа.

— Ну, так вот, — Сетеро выбрал на блюде яблоко побольше и, вытащив нож, стал резать его на дольки. — Из храма давно не было никаких вестей, и он решил зайти туда, посмотреть что там. Так, на всякий случай. Никто не знает, что там дальше произошло, только местные жители слышали в горах громкие хлопки и стуки.

— Хлопки и стуки?

— Да! А на утро нашли там нашего общего знакомого. И пару трупов абсолютно не наших людей. У них были клыки как у вампиров, и, судя по найденным телам жрецов, они и были вампирами, но видимо, не из нашего мира. И Каризо умер не от магии или меча. В нём было дырок столько же, сколько в сети у рыбака. И потом из него навывтаскивали свинца столько, что если весь собрать, то вот это блюдо под поросёнком можно было бы выплавить. Угадай, что сделали местные жители. Они решили засыпать это место камнями. Кто бы ни пришёл из этого портала, сделал он это последний раз. Обошлись они без Героев. Просто завалили и все дела!

— Значит, скоро мы узнаем, кто из нас настоящий Герой.

— Нет, Сантро. Скоро я убью дракона, и не будет больше никаких Героев.

— Как это? — Сантро даже наклонился вперёд. — Ты собираешься бросить вызов Дракону? Скоро?

— Ну, сначала я осмотрюсь. Потом подберу доспехи и оружие. А там видно будет. Ты, кстати, задумывался о том, какие усилия приложили некоторые люди к нашему вооружению? Ведь ни у одного барона, и даже у короля нет таких доспехов. Видишь этот меч? — Сатеро вытащил из ножен палаш и положил его на стол. — Я тут почитал в библиотеке некоторые книги по магии. Меч этот по длине как раз в толщину шей Шестиглавого. А видишь эту кольчугу? — Сатеро откинул плащ и выпятил грудь под свет факела. — Каждое колечко исписано рунами. Эту кольчугу ковали десятки мастеров и колдунов в течение ста пятидесяти лет. Твой дед ещё не родился, когда для меня начали ковать эту кольчугу! А видишь этот щит? Он может отражать любую энергию в сторону твоего противника. Пламя дракона вернётся ему прямо в морду.

— Знаешь, это может не помочь. — Сантро откинулся назад и критически осмотрел Сатеро. — Я на груди у Дракона тоже видел руны. Кто-то выбил у него на груди защитные заклинания.

— Хм. Заколдованный дракон! Ну и ладно, всё-таки я считаю, что у меня неплохие шансы. Я уже так устал быть кандидатом в Герои, что лучше попытаюсь и умру, чем буду ждать другой смерти. Сидя в разгромленной деревне, в которой не осталось ни одной живой души, я попытался подсчитать, сколько людей убил за всю свою жизнь. Сбился на пяти тысячах. А ведь мне ещё нет тридцати. Кстати, сколько у тебя детей?

— Не знаю. Ты ж в курсе, как к этому относится местное население, да и вообще все в нашей стране. В какую деревню не придёшь, везде найдутся ретивые мужья, которые за волосы приволокут тебе своих жён, и добрые отцы, которые за руку приведут своих дочерей.

— Знаю, как относятся. Так вот я ещё и точно знаю, сколько у меня детей. У меня десять мальчиков и три девочки. Они знают, что их отец — потенциальный Герой. И твои дети тоже про это знают.

Они немного помолчали.

— Знаешь, — сказал Сантро. — мне, если честно, плевать. Я не хочу быть Героем.

— А я, — ответил Сатеро. — хочу, чтобы не было Героев вообще.

— И когда?

— Не знаю. Сначала осмотрюсь.

— Тогда я поехал отсюда. — Сантро встал. У проходящего мимо хозяина таверны на лице явственно отразилось облегчение. — Надеюсь, что вести о твоей смерти или твоей победе дойдут до меня не скоро.

***

Одинокий путник, одетый в богатые одежды и не держащий при себе никакого серьёзного оружия, показался разбойникам лёгкой добычей. У него не было даже посоха, как у странствующего монаха.

Но, конечно, им не нужен был живой свидетель, и они сразу же попытались его убить.

Однако три стрелы, выпущенные практически в упор, не достигли своей цели. Первый же человек, бросившийся на незнакомца с мечом, упал, превратившись в воющий, катающийся по земле, живой факел. А его меч, непостижимым образом оказавшийся в руке у незнакомца, разрубил второго нападающего пополам. Стрелки, сидящие на деревьях, ничем не могли помочь своим поделщикам, они вдруг разом все ослепли.

Ещё один нападающий бросил нож, который отскочил от незнакомца, точнее, от невидимого щита перед ним. Разбойник попытался убежать, но ему вдруг отказали ноги, и он упал, с размаху стукнувшись головой о толстый корень лесного дерева.

Сантро с некоторым удовлетворением оглядел дело рук своих. Всего несколько защитных заклинаний, а какой эффект! В ближайшее время этот лес будет совсем безопасным. Почти совсем. Нужно ещё учитывать медведя, который, впрочем, собрался уже впадать в спячку, и нескольких волков, но им вполне хватало пока лесной дичи.

Вдруг послышался стук копыт и на поляну выскочил всадник. Одетый в форму жреца молодой человек соскочил с коня и упал перед Сантро на колени.

— Господин! — воскликнул он. — У меня для вас важная весть.

— Какая?

— Вы — Герой! Дракон убил Сатеро этой ночью.

— Значит мой друг погиб. — Сантро горестно вздохнул. — Я вынужден забрать у тебя коня. Отведи этих несчастных разбойников в ближайший населённый пункт и сдай местному старосте как рабов. Скажи ему, что зрение к ним никогда не вернётся. За это он тебе даст другого коня.

***

Прошло сорок лет.

***

— Так что со мной?

Абсолютно голый Сантро стоял посередине каменного зала. За широким каменным столом сидело несколько жрецов и учёных. В воздухе повисло тягостное молчание.

— Я вынужден повторить свой вопрос. Что со мной?

— Мы не сможем это вылечить. — Отвечающий учёный встал. — Кто-то из ваших временных партнёров по постели наградил вас неизлечимой болезнью.

— И сколько мне осталось?

— Мы этого не знаем, но впрочем, магией и прочими средствами мы можем поддерживать в вас жизнь столько, сколько вам будет нужно.

— Нет, — Сантро направился к куче лежащей на полу одежды. — Не надо пока. Свой ответ я сообщу вам завтра.

На выходе из зала он обернулся и спросил:

— Скажите, я хороший Герой для своего времени?

Жрецы и учёные переглянулись. Жрец со знаком дракона на груди встал и, поклонившись, ответил.

— Для своего времени вы — хороший Герой. Все наши соседи знают про вас, и никто не решается объявить нам войну. Люди рады отсутствию разбойников в лесах и опасных диких зверей. Страна с вами стала ещё богаче.

***

Молодой король и такой же молодой верховный жрец храма дракона сидели за одним столом, что было прямым нарушением регламента, и обсуждали последнюю новость.

— Итак! — Король налил себе вина в бокал и сделал жадный глоток. — Наш Герой направился к Чёрной горе. Я думал, что не доживу. А ведь у него никаких шансов!

— Вы правы, Ваше Величество. — Жрец ещё раз взглянул в глубину кристалла, стоящего перед ним на столе. — Абсолютно никаких. Он усыпил оруженосца и ушёл на Чёрную гору тайком и без доспехов. Взял с собой только посох.

— Чёрт! Послать за доспехами людей и отвезти их срочно в сокровищницу. Когда там у нас родятся новые Герои?

— Завтра начинается месяц Дракона. У нас сейчас идёт год Дракона. Звёзды займут свои места очень скоро. Во все концы страны разосланы гонцы. Ночью, в полнолуние, они выйдут и будут смотреть, не загорится ли знак дракона над каким-нибудь домом. И будут спрашивать, если такое случится, не родился в этом доме, в эту ночь, мальчик. Всех мальчиков соберут и привезут во дворец.

— Да! А ведь теперь слава у Шестиглавого станет ещё сильнее.

— Да, Ваше Величество. Всё благодаря нашим Героям. Недаром лучшие кузнецы ковали для них доспехи, лучшие маги учили их своему искусству, лучшие учёные дали свои знания, и лучшие женщины королевства принадлежали им.

ВАДИМ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ДАВАЙ ПООХОТИМСЯ НА МОНСТРА

ТИЛИНЬ. ЗАВАЛИВАЕТСЯ НА БОК, БЬЕТСЯ О ПОВЕРХНОСТЬ стола, тут же выравнивается, колеблется, слегка вращаясь на месте. Радостно улыбается.

Скрипят невидимые шестеренки, серебряный ключ, серебряные валики, стальная лента скручивается в спираль. Жизнь — сжимающаяся пружина.

Тилинь. Пыль, пыль, пыль. Когда-то румяные щеки, когда-то алые губы, когда-то синие глаза. Пластмассовые оборки вокруг пластмассового лица. Крошечная кукла-неваляшка осматривается немигающим взглядом.

Скрежет стихает, мгновение — и пространство наполняет музыка. Механическая мелодия, щербатая из-за сломанных колков или гребенок.

Тилинь. Минуты складываются в часы — часы, дни, пыль, пыль, пыль. Заикающийся мотив.

Тонкие пальцы, грязные когти, кожа-пергамент в разводах-шрамах — уродливая лапа тянется к раскачивающейся игрушке. Печально и грустно.

Только монстры не умеют плакать.

С холма Город кажется нагромождением громадных каменных глыб. Так и есть. Луга с островками леса практически осеяземо сменяются серыми кварталами, и только река продолжает петлять, чуть сверкая, среди бездушных построек. Как живая артерия. А от Города к холму тянется черный метастаз трассы.

— Прошвырнемся до окраин? — Пашка отдал бинокль и с хрустом потянулся.

— А оно нам надо? — зевнул Сергей. — Дотемна вернуться не успеем.

— Приценились бы. Заночуем в Шульгино или в Усово где-нибудь.

Сергей двинул пальцем рукав пальто и посмотрел на часы. Предмет Пашкиной зависти — командирские. Грубые, массивные и неубиваемые — не то что всякие картье и ролексы.

— У меня дружок в Конусе есть — можно приткнуться. По стакану бы дернули.

— Ну?

— Гну. До Конуса десять верст. Поташимся в город — часа два потеряем, пока к поселку — смеркаться начнет. Могут не пустить.

— Так кореш же...

— Дурак ты, Пашка. Ночью все кореша по норам сидят.

— Охота же город глянуть.

— Насмотришься еще. Давай так — сейчас до берега пробежимся, потом

вдоль русла, пока к городу не повернет, а мы дальше на юг, через заросли. Полчаса параллельно границе — осмотримся. И назад.

— В Тайм?

— Ага. В Эрмитаж. Или сразу в Коттон-Вэй, — Сергей оскалился — шутит. — Пока на Конусе определимся, а там посмотрим.

Пашка согласно кивнул — его спутник ходил в город уже раз пять и в их паре заслуженно считался ведущим.

— Может, перекусим сейчас?

Серега цыкнул сквозь зубы:

— У тебя желудок пустой? Вот и не грузи пока. На всякий случай.

Тилинь. Метрономом раскачивается игрушка, отсчитывает такты, мгновения и вечности.

Монстры умеют ждать.

— Тихо! — Сергей отвел в сторону ветку кустарника. — Видишь?

— Что?

— Домина с рогами, — старший указал рукой.

— Ага, — Пашка рассмотрел высокое здание с необычной надстройкой на крыше, напоминающей квадратную голову с торчащими не то ушами, не то рогами-антеннами.

— На одиннадцать часов.

Немного левее от ориентира на границе городской черты копошились шесть фигур. Серега уже настраивал фокус.

— Кто они?

— Не разберу. В масках и без шевронов.

— Значит, люди.

Сергей обернулся и иронично приподнял бровь:

— С чего бы?

— Так... если в масках... — смутился Паша.

— Не факт, — напарник снова прилип к биноклю, — да и люди разные бывают.

Он еще с минуту понаблюдал за действиями группы, потом сплюнул и одернул начинающего скучать Пашку:

— Пошли, все равно мы по шоссе не собирались входить.

— А те?

— Так их же шестеро — могут днем и по проспекту.

— Мы, значит, как крысы...

— Так мы крысы и есть, — Сергей поправил рюкзак и прыгал на месте, проверяя, не бренчит ли что-нибудь из снаряжения.

Волшебен мир Конфетюренбурга. В чарующем перезвоне челюсты торжественно входит Фея Драже. Под нежные, серебристо-певучие звуки кружат позади неё ангелы.

Не хватает одной-двух нот. Это неважно.

Место входа Сергей и Павел насмотрели только в часе ходьбы на юг от шоссе. Тихое, не натопанное, безжизненное. Постояли, вслушиваясь и приглядываясь, отметили в блокноте ориентиры и повернули назад.

— У Васильича еще узнаем, куда теперь интересно ходить, — поделился Серега, — а нет — так и здесь неплохо.

— Васильевича? Который в Конусе?

— Угу.

К поселку Конус НКИЖС выбрались вечером. Старая лесная дорога привела к затерявшемуся среди корабельных сосен серому бетонному ограждению. Чуть в стороне от входа, достаточно далеко, чтобы не смущать проходящих мимо, но и настолько близко, чтобы не оказаться незамеченными, на высоких сваях болтались два завернутых в тряпье пугала.

Сергей уверенно подошел к КПП и принялся молотить кулаком в ворота.

— Успокоился! — из-за бетонного забора показалась голова охранника в шлемо-сфере. — А то я сейчас успокою.

— Не бухти, свои.

— И что вам, своим, надо?

— Перекантоваться до завтра.

— Счас! — охранник хохотнул, — В городе переночуйте.

Пашка недоуменно посмотрел на своего товарища.

— Нормально, — вполголоса успокоил Сергей, — Э! Слышь, мужчина, а как же договоренности?

— А я с тобой ни о чем не договаривался! Что вы вообще за перцы?

— Из Чигасово! — Сергей повернулся плечом и похлопал ладонью по швону. — Да и Васильич в гости приглашал.

— Васильич — Петр? — уточнил охранник.

— Ага — Федор. Коренков.

Охранник, бубня под нос про жирующих, не нюхавших войны чигасцев, спустился вниз и начал возиться с запором калитки.

Ночь — время крыс. Ночь дышит смрадом затхлых подвалов, разглядывает мраком подворотен, внемлет многоголосием шорохов.

Ночью гораздо безопаснее, чем днем.

Этот Город — не Конфетюренбург.

— Когда у вас там, на задворках, детство выветрится? — хозяин разлил чай на смородиновых листьях по чашкам венецианского фарфора. — Я еще понимаю — экспедиция, но ходки эти ваши...

— Традиция, Васильич, — Сергея немного развезло от принятого самогона, — Что за боец, если в городе не был.

Пашка в полудреме расслабляется возле громадного камина, нежась в потоках тепла. Болтать не хочется, зато слушать — всегда, пожалуйста.

— Сколько вы, салаги, этих своих бойцов теряете? — Коренков отломил сухую хлебную корку и макнул в напиток. — Так нет, — каждому подавай монстра или, на худой конец, артефакт из эпицентра. Мало добра по усадьбам валяется.

— Ты, Васильич, там бывал?

— Приходилось.

— Вот и Пашка хочет.

— Ну и дурак.

Коренков спокойно захрустел коркой, а Сергей принялся спорить, отчаянно жестикулируя:

— Как он будущей жене в глаза смотреть станет, если монстра убоится?

— Что он с ней, женой, делать будет, если дозу отхватит?

— Правильно — вы тут, рядом с городом, герои. На острые атаки. Пугала вон вывешиваете!

— Какой атаки, Сережа? Пугала. Бродяг на разбое взяли. Монстры из города теперь реже выходят, чем мы туда таскаемся. Детей воруют? Чуть. Раньше — да, была необходимость. Они табуном сюда валили, а сейчас... вымирают себе.

Пашкин друг сжал кулаки и заиграл жвалами.

— Вымирают ли?

— Ну и мутируют, не без этого. Только ты мне скажи — разве, например, Грин Таун монстры сожгли?

— Кочевники, — потупил глаза Сергей.

— Вот и я о том.

— Все равно, Васильевич, город — это школа. Каждый должен...

Хозяин устало прикрыл кулаком зевок.

— Да что я — против? Идите себе, ищите приключений. Отоспитесь завтра — и ближе к вечеру выдвигайтесь. Чем дальше на юг пройдете, тем лучше — может, в город углубляться не придется. И возле высотки такой, типа с рогами, не путайтесь — там у них сейчас вроде капища.

— А что ты про экспедиции говорил?

— Да ходят всякие. Чужаки. Себе на уме, к нам сунулись — отшили. Ладно, давай по последней.

Черные стены в зеленых разводах плесени. Окно с закопченными осколками битых стекол, растрескавшаяся, облупившаяся доска подоконника, сгнившая мебель, вздыбившийся паркет.

Петр Чайковский, «Щелкунчик», второй акт, па-де-де «Танец Феи Драже». Логово чудовища.

— Осторожно! Замри! — поднятая вверх рука, открытая ладонь.

Безмолвие города нарушает звук осыпающегося вдалеке гравия.

Ночной лес полон шепота голодных хищников и криками достигнутых жертв. В городе все наоборот. Самые ужасные создания ночью спят.

— Тихо! — указательный палец касается воздухозаборника. — Слушай! — жест в направлении уха.

Ни звука — только ветер шумит сквозняками среди многоэтажек. Четвертый час среди руин — в каждый подъезд, в каждую квартиру. Так — два дома. Ничего интересного. И никого.

Стоп. Что это? Маски синхронно застывают, обращенные в одном направлении.

Тили-дин тили-дин...

Сказочный перезвон — на границе слышимости, едва-едва. Два человека идут на звук. Как мотыльки на пламя свечи.

Шаг за шагом, обратившись в слух. Громче и громче.

Тили-дин тили-тили-дин...

Ржавая дверь парадного, провисшая на одной петле. Можно протиснуться в щель, не тревожа скрипучие завесы. Запах разложения — даже через маски респираторов. Так пахнут относительно свежие трупы — но откуда?

Вот и они — словно кто-то выносил и бросал в кучу. Как мусор. Старые, высохшие и пара недавних, раздувшихся. Люди или монстры — уже не разобрать.

Тили-дин тили-дин...

Звучит из другого мира. Из вселенной эльфов, фей и лепрекконцев. За миллиард снов отсюда.

Тили-дин-тии...

Обрывается на полуноте.

Гости этого места замирают на месте, боясь вздохнуть. Сергей медленно снимает с плеча арбалет.

Настоящий, охотничий — титан, карбон, композит. Сергей не знает таких слов — ему известно только выгравированное на прикладе название производителя: «Tenpoint Crossbow». Дорогая игрушка. В свое время. Сейчас — бесценная.

Пашка страшует с «макаровым». В обойме три патрона, последних — на самый крайний.

Тили-дин тили-тили-дин...

Оживает мелодия.

Вверх, мягко перепрыгивая ступени. Всё — здесь. Третий этаж, двухкомнатная квартира.

Сергей бесшумно входит внутрь, проводя арбалетом из стороны в сторону. Пашка — на полшага позади и чуть левее, насколько позволяет ширина коридора.

Монстр. Высокий и омерзительно неестественно тощий. Сидит на колченогой табуретке, ссутулившись и опустив плечи. Луна заглядывает в помещение сквозь оскал грязных стекольных осколков и поблескивает на голом, обезображенном рубцами и ожоговыми шрамами черепе.

Сергей задерживает дыхание перед выстрелом.

Пашка смотрит на осыпавшуюся штукатурку, на дыры в стене, оставленные пулями. Судя по рисунку, стреляли в разное время и из различного оружия, но всегда — со стороны дверного проема. Сергей именно там и находится.

Тили-дин. Дон-тили-дин...

Пашка набирает полную грудь воздуха и выталкивает:

— Здравствуйте.

Сергей кривится, задерживая палец на спусковой скобе, а монстр медленно, очень медленно оборачивается. Фу ты.

Его плоть — переплетение сухожилий, едва прикрытое восковой пленкой кожи. Руки — искривленные птичьи лапы. Правый глаз — гноящийся провал, левый — целый, но такой же пустой, как и мертвая глазница. Некоторые монстры могут обездвигить нападающего просто взглядом. Этот — одной только внешностью.

— Привет, — хрипит существо.

Несколько мгновений люди и монстр разглядывают друг друга.

— Совсем мальчишки, — сообщает чудовище само себе, — сколько тебе, пацан?

— Я — мужчина, — проглотив комок, отвечает Пашка. — Тринадцать. У меня свадьба скоро, — зачем-то добавляет он.

— За подарком пришел? — бесцветно осведомляется монстр. — У меня нет ничего.

Глаза Сергея — как колючий кустарник в середине зимы.

— А там что? — ведущий кивает в направлении дальнего угла комнаты.

Пашка прослеживает взгляд напарника — на полу лежит АКСу и матерчатый жилет с магазинами. Почти незаметные в тусклом свете и под толстым слоем пыли.

— А, «калаш», совсем забыл, — монстр рассеяно смотрит на оружие, — хлам. Берите, если надо.

Тили-дин тили-дин тили-тили-дин...

Сергей жестом отдает команду, Пашка, вжимаясь в стену, обходит существо и подбирает трофеи.

— Что тогда — не хлам? — переспрашивает Серега, когда Павел возвращается назад.

— У каждого — свое богатство, — подумав, отвечает чудовище и толкает узловатым пальцем маленькую желтую неваляшку. Игрушка раскачивается, сохраняя устойчивое положение. — Это сокровище. Или это, — указывает на блестящую коробку размером с автоматный рожок.

Коробочка все еще рождает чарующие переборы.

— А это что?

— Шкатулка. Музыкальная.

— Отдай.

Монстр качает уродливой головой:

— Нет.

— Нет? — с улыбкой переспрашивает Сергей и приподнимает арбалет.

— Нет, — повторяет монстр, — Эта вещь принадлежала моей... дочери.

Тили-дин тили-дин...

В глубине безразличного взгляда вспыхивает и гаснет искорка. Грустная.

— Не надо, — Пашка кладет ладонь на плечо ведущему.

— Не надо, — монстр... просит.

— Да ну тебя, — Сергей щелкает предохранителем, забрасывает оружие на плечо и разворачивается.

— Спасибо, — отвечает монстр.

— Не за что. Не попадайся больше.

Тили-тили-дин. Дин-дин.

Игрушка. Заваливается на бок и упрямо возвращается в вертикальное положение. Танцует под музыку шкатулки. На колченогой табуретке сидит безобразный Щелкунчик. Он тоже всегда поднимается.

Но ему не суждено стать Принцем.

— Видел следы на стене? — Паша пытался разговорить хмурого Сергея. — В кого стреляли, как ты думаешь? Монстр живой, а те, кто в подъезде — мертвые. И автомат отдал.

— Да ладно, — буркнул напарник.

Они возвращались тем же путем, каким пришли, особо не скрываясь. Знали — чисто. Поэтому отчетливое клацанье затвора в десятке метров позади прогремело разрядом в мертвой тишине города.

Сергей, срывая с плеча трофейный «калашников», метнулся под защиту стены. Рывкнула короткая очередь. Ведущего бросило вперед и он замер посреди улицы, отрывисто дыша. На плече и в районе локтя начали расплываться темные пятна.

Слишком быстро. Пашка только успел схватиться за рукоятку «макарова», когда в тени дома, на этот раз рядом, сбоку, раздался голос:

— Мордой в землю, чмыренок.

Паренек подчинился. На освещенную луной улицу вышли люди. В масках и без шевронов на добротной одежде. Шестеро. Сергей застонал. Пашка попытался шевельнуться и тут же получил в скулу. Кованым берцем.

— Не рыпаться! — а в затылок уже упиралось что-то жесткое и холодное, быстрые руки сорвали рюкзак и опустошали содержимое карманов.

— Все, Карим, — доложили сверху через минуту.

— Шесть рожков, арбалет козырный, припасов на три дня. Плюс мелочишка, — подвел итог один из нападавших, невысокий и коренастый, наверное, старший. — Ну, хоть что-то. А то в этом капище мутантском — вообще ни черта. Одних распятий натаскали, мудачьё.

Карим прошелся вперед-назад и остановился напротив лежащего Пашки. Мальчишку бесцеремонно подняли за шиворот.

— Слышь, чемурдос, а что это за музыка играла?

— Там... монстр, — Пашке было противно за себя, но соленая кровь, наполняющая рот, и немигающий винтовочный ствол напротив лица заставляли дрожать колени. — У него... шкатулка.

— А-а. Сходим, посмотрим.

— Карим, — уточнил держащий паренька человек, — а с этими что делать?

— С этими? Рублевцами? Отсиделись две войны за своими заборами — наверное, в каждой усадьбе по блиндажу с запасами хавчика имели. Носятся сейчас со своей конфедерацией, тряпок цветных, вон, понашивали. Доберемся и до них. А этих... шлепните.

Тили-дин. Дон тили-дин тили-дин тили-дили-дин. Дин-дин.

Никому, никогда в этом мире не доводилось видеть Фею Драже. Но те, кому довелось слышать мелодию танца, могут представить, как она выглядит.

Хотя, после выстрела, может быть...

Другая Вселенная.

Пашка зажмуривается.

И не успеваешь заметить, как из темноты вылетает увесистый обломок и сминает череп целящегося в мальчика человека. Паренек слышит удар, чавкающий звук, шум оседающего тела и изумленно открывает глаза.

Что-то высокое и нескладное вырывается из подворотни, перехватывает другого головореза, разворачивает перед собой, закрываясь от выстрелов Карима. Выхватывает нож из-за пояса своего пленника и метает в сторону. Еще один человек хрипит, тень-скелет перекатывается, вслед его движению пули выбивают искры из тротуарной плитки, не причиняя вреда. Неожиданный спаситель резко, пренебрегая законами физики, меняет траекторию, совершает немислимой длины прыжок, пронесется мимо четвертого бойца. Тот коротко дергается, не двигаясь с места, и заваливается на спину, а подхваченный из его рук обрез плюет огненным снопом в сторону пятого подельщика Карима.

Все это занимает считанные мгновения. Толком не понявший, что же происходит, Пашка видит перед собой пытающегося отдышаться монстра и Карима с дымящимся автоматом.

— Ссука... — шипит главарь, отбрасывает оружие и тащит из ножен блестящий тесак.

Монстр наклоняется, упирается ладонями в колени и заходится сухим кашлем. Карим бросается вперед. Гремит выстрел. Пашка поворачивается. Приподнявшийся на локте Сергей опускает на землю чей-то «макаров» и, матерясь, прикасается к раненному плечу.

Карим держится за бок, стоит на колене и бешено вращает перед собой ножом. Монстр, хромая, подходит к нему. Следит за движениями тесака, дожидается выпада и коротко бьет ногой в запястье. Хрустит кость, нож звенит по мостовой, Карим, давясь проклятиями, катается по тротуару.

— Спасибо, пацан, — шипит существо Сергею.

— Тебе спасибо, монстр, — медленно расставляя слова, отвечает Пашкин товарищ.

— Монстры — вот они, — существо дергает рукой в сторону барахтающегося Карима.

— Наверное, — Сергей пытается улыбнуться. — А ты — кто?

— Я? Легенда. Миф. Чудовище.

— Слышишь, ты, уебище, — встревает Карим, — я тебя, гниду, из-под земли достану!

Сергей тянется за пистолетом. Существо хмыкает — совсем по-человечески:

— Не стоит. Прощайте, пацаны. Постарайтесь... вырасти.

Потом поворачивается и, прихрамывая, удаляется.

Пашка знает, куда направляется его новый знакомый. В двухкомнатную квартиру на третьем этаже полуразрушенного дома. Чтобы забрать два предмета, две самые дорогие вещи во всем мироздании. Забрать и уйти из города. Не потому, что его пугают угрозы бандита.

Дин-дин тили-тили-дон.

14. 02. 2008 года

БОРИС ШТЕЙМАН

ЛОВУШКА

ВЫ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ, КАКОГО Я СВАЛЯЛ ДУРАКА! НО чтобы было понятно, начну по порядку. Еще с детства я очень любил подсматривать в чужие окна. Принято считать это пороком, и в обществе подобное любопытство всегда осуждается. Видимо, таким образом люди пытаются оградить свою частную жизнь, свое жилище от постороннего чрезмерного внимания. Так вот, это тайное наблюдение за чужой жизнью доставляло мне огромное наслаждение. Также я охотно наблюдал за людьми там, где они совершенно об этом не подозревали и думали, что находятся в полном одиночестве. Если мне удавалось случайно подключиться к чужому телефонному разговору, — знаете, бывает иногда, наберешь номер, а не соединяет, и вдруг щелчок и уже слушаешь чьи-то откровения, — то это было все равно, что другому посмотреть интересный фильм или прочитать какой-нибудь захватывающий детектив. А вот кино, книги или живопись меня не волновали совершенно. Все там было настолько надуманно, лживо и как-то плоско, что вызывало у меня лишь чувства досады и удивления, как это люди могут интересоваться такой чепухой. Вот когда случайно, стоя на лестничной площадке какого-нибудь дома, удалось заглянуть в приоткрывшуюся на секунду дверь, то это были действительно волнующие мгновенья.

Вначале я думал, что еще более захватывающе проникать в чужие квартиры и даже устроился после армии страховым агентом, но вскоре убедился, что это уже совершенно не то. Вся прелесть, весь эффект, заключающиеся в том, что люди, за которыми подсматриваешь, не знают об этом, исчезли. Когда приходишь к ним по делу, то это уже совсем другое. Они официальные, неестественны и начинают играть свои роли, которые, по их мнению, наиболее подходят данному моменту. И это настолько бесталанно, что хочется зевать от скуки и фальши происходящего.

Я страшно люблю прогулки, особенно в вечерние часы. И самое лучшее время года для этого — лето. Потому что тогда многие приоткрывают окна, в основном, это касается первых этажей, и удается не только что-то увидеть, но и услышать, какие-то обрывки разговора, смех, звуки музыки... Да, именно вечером наиболее чувствуется, буквально передается со слабым движением воздуха это очарование и таинственность чужой жизни... Иногда полезно отойти подальше от дома и посмотреть на него издали, и тогда удается заметить, что каждая освещенная комната источает свой, только ей одной присущий, неповторимый свет. И не найдешь даже в огромном многоэтажном и многоподъездном доме двух одинаково излучающих окон.

Конечно, я понимаю, что на самом деле в подавляющем большинстве своем чужая жизнь скучна и неинтересна. Но... тут есть одно существенное «но». Она неинтересна им самим, этим людям, которые живут *этой своей* жизнью. А нам, ценителям чужой жизни, она, бесспорно, представляется совершенно иной. Потому что мы видим ее в какие-то краткие мгновения, но зато сразу всю, целиком! А не какой-то один фальшивый срез, как, скажем, в кино... Я говорю, мы, ценители, потому что знаю, я не одинок. И таких же страстных наблюдателей узнаю сразу. Обычно у них лицемерно слегка прикрыты глаза, но все равно им не удастся притушить тот жаркий блеск любопытства, который таится за их полуприкрытыми веками. Как правило, одеты они весьма неряшливо, так как собственная персона их совершенно не волнует. В практической жизни они обычно ничего не достигают, потому что душевные, да и физические силы их направлены не на себя, а на других. Наверное, по такому весьма приблизительному портрету вам не удастся выделить этих людей, хотя повторяю, я их замечаю сразу. Видимо, в них есть еще что-то, кроме вышперечисленного, но это «что-то» не поддается точной формулировке. Это, скорее, атмосфера, определенный дух, их окружающие.

Помню, как-то в детстве я поехал в гости к своему дяде, очень крупному ученому, профессору с мировым именем, очень серьезному и, я бы даже сказал, сухому человеку. И так получилось, что я оказался один в его кабинете. Там было множество книг, письменный стол, лампа, в общем, все то, чему положено находиться в кабинете ученого человека. И еще я увидел у него на столе бинокль. Это меня слегка удивило. Но когда я взял бинокль и подошел к окну, мне сразу все стало ясно. Он рассматривал в бинокль... квартиры соседнего дома! И я довольно быстро нашел объект его наблюдений. В этой квартире жили молоденькие девушки. Увидев меня в окне, они приветливо замахали руками. И одна, я хорошо разглядел это, даже стала демонстративно расстегивать блузку, показывая мне при этом «нос», видимо, желая подразнить. У дяди, конечно, интерес был довольно-таки узконаправленным, и он, безусловно, не принадлежал к настоящим охотникам. Но, все равно, даже на этом примере можно заметить, что человек, совершенно далекий от мира житейских страстей, и то проявлял известное любопытство, правда, к персонам женского пола. Но на то он и был профессор, мировая величина...

Да, так вот. Некоторое время тому назад я был прикован к своей квартире из-за перелома ноги. Просто досаднейшая случайность. И мне приходилось довольствоваться подсматриванием в дверной глазок да наблюдением за окнами соседнего дома, что крайне неудобно, так как он стоит под большим углом к нашему. Движение людей в этих окнах меня немного волновало, но именно немного, потому что все это было изрядно далеко. У меня есть прекрасный морской бинокль. Но я не сторонник такого наблюдения. Только, когда видишь достаточно близко, можно получить истинное удовольствие. В результате подсматривания в дверной глазок — это уже была совершеннейшая глупость с моей стороны — я сильно испортил себе глаза. Но,

как я потом понял, это было своего рода испытание, за которым последовало посвящение. Бывают йоги самой высокой ступени совершенства, так и я, видимо, в результате такой вынужденной паузы перешел в наивысший разряд *ценителей чужой жизни*. Я это понял не сразу. Вскоре после болезни, уже почти не хромающий, я шел по небольшой старой улочке в центре города. Был изумительный летний вечер. Чуть фиолетовый воздух слегка дрожал в слабом свете желтых уличных фонарей. Шероховатый темный асфальт скрадывал звук шагов... И мне удалось поймать чудесный момент — смуглая женская рука на мгновение отогнула занавеску... и в ту же секунду я оказался в комнате этой женщины.

— Ты все-таки явился?! — произнесла она устало, чуть улыбаясь сильно накрашенным ртом. — А ведь я тебя больше не люблю.

Видимо, она принимала меня за какого-то своего приятеля. Сначала она мне показалась не очень привлекательной. Надо сказать, я предпочитаю высоких стройных блондинок, хотя знаю, что это несколько банально. Но тут уж ничего не поделаешь. Она же была слегка полноватой брюнеткой с прямыми, довольно длинными волосами и великолепной матовой кожей.

— Можешь курить, — бросила она мне небрежно. — Ты где болтаешься, все на студии? — добавила она с легкой усмешкой. — И как тебе не надоест быть мальчиком на побегушках?! Ведь тебе уже под сорок!

Я страшно оскорбился, мне было всего лишь тридцать четыре.

— Если ты будешь продолжать в таком тоне, я уйду! — пригрозил я ей. Это была совершенно пустая угроза, и она сразу это поняла.

— Сиди уж, раз пришел! Выпьешь чего-нибудь? — спросила она уже более миролюбиво.

И тут я заметил, что она уже изрядно пьяна и очень привлекательна. Большие серые глаза хорошо сочетались с черными волосами плюс тонкий немного хищный нос.

Я выпил вина и почувствовал себя свободней.

— Сплошные неприятности, — доложила она. — Нашу богадельню закрывают на ремонт.

— Ну, а ты? — спросил я без особого интереса.

— А что, я?! Вместе с Любкой на Большой Садовой будем пахать.

— Ну, и нормально, — ответил я, подлаживаясь под этот вульгарный разговор.

— Ха, нормально, — оказала она. — Ты что, совсем! А клиентура? Кстати, ты чего шуришься? Все на своих актрисок пялишься?! Так тебе коту и надо!

— Ты чего?! Это ж от книг! День и ночь читаю, а ты — красотки! Всего Аристотеля уже одолел! — решил я пошутить таким образом.

— Ври, ври, да не завирайся! — засмеялась она. — Аристотеля! Это ж надо такое придумать! Короче, пользуйся пока я в силе. У нас титановые оправы из ФРГ, закачаешься! Так что завтра пойдем, выберешь! Я не злопамятная!

Она налила себе вина и хмыкнула:

— Аристотель! — и добавила: — Ты какой-то не такой стал и даже мне вроде, как нравишься.

Я же подумал, что ей лучше бы вообще рта не раскрывать и тогда она просто прехорошенькая...

Я с ней прожил около недели. Мы отсмотрели чудовищное количество плохих фильмов, выпили столько дешевого вина, сколько я не выпил за всю свою предшествующую жизнь. Она оказалась, по своей сути, довольно добрым, простым и отзывчивым существом, и я уже начал исподволь заниматься ее перевоспитанием. Но, возвращаясь как-то вечером вместе с ней из кино, мне удалось заглянуть в окно на втором этаже. И я очутился у этого ненормального старика. От времени, проведенного с ней, у меня остались превосходнейшие очки, которыми я дорожу, как памятью. Может быть, мы с ней еще встретимся, но какое-то внутреннее чувство подсказывает, что вряд ли.

Старик встретил меня словами:

— Я вас ждал еще вчера! Вы, милостивый государь, если назначаете время, то уж извольте приходите!

Это был, доложу я вам, препротивный старик. Вся его неплохая двухкомнатная квартира была буквально завалена книгами. Они лежали в шкафах, на полках, были свалены на полу, в коридоре...

— Я вам уже говорил. Более семи тысяч томов, — объяснил он мне недобро, видя мое замешательство.

Это был настоящий Плюшкин. Неряшливый, грязный, заросший седой неопрятной щетиной. Вдобавок от него исходил какой-то кислый запах, да и в квартире пахло не лучше. А так как я обладаю весьма тонким обонянием, то можно представить, как скверно я себя там почувствовал.

В ответ я неопределенно хмыкнул. Из дальнейшего разговора я понял, что мне предстоит сделать опись этой колоссальной библиотеки, что плата за труд будет, как договорились, и что на это время я смогу расположиться в прихожей на какой-то сломанной, допотопного вида кушетке. Старик предложил мне сразу включиться в работу и сказал, что если мне удастся управиться за неделю, то он мне накинет еще пару сотен рублей. При этих словах он состроил на своем лице какое-то подобие улыбки, полагая, что я сейчас упаду от такой щедрости в обморок.

Я принял за работу. И хотя я не большой знаток книг и, как уже говорил, читать не люблю, так как в этой писанине одно сплошное вранье, мне было ясно, что в библиотеке у старика встречаются по-настоящему уникальные экземпляры. Работа двигалась довольно споро, и старик немного размяк и поведал мне, что его недавно освободили из-под следствия. Потому что он ни в чем виноват. Он обычный коллекционер, занимается покупкой и, естественно, обменом книг и больше ничего. Но вскоре он перестал осторожничать и проговорился, как незадолго до этого заработал приличную сумму, перепродал какую-то редкую книгу. А покупателя вскоре нашли с проломленной головой. Вот он и оказался под подозрением. Я же подумал, что старик вполне мог захотеть вернуть назад свой раритет, и отпустить его на волю было большой ошибкой. Но, видно, его спасли крайне преклонные годы.

Запах был настолько силен, что я понял, что не выдержу здесь не только неделю, но даже пару дней. Через некоторое время я предложил сделать перерыв. Старик был крайне недоволен, но согласился.

— Да, кстати, надо сходить купить сигарет, — придумал я предлог, надеясь таким образом прекратить наше знакомство.

— Ну, что ж, и мне надо выйти за хлебом, — ответил старик, видимо, что-то заподозрив.

Перед выходом он тщательно меня осмотрел. Ему страшно хотелось бы меня обыскать, но на это он, естественно не решился. Он взял меня под руку и мы прямо-таки по-дружески спустились на улицу.

Я купил сигарет, старик полбуханки хлеба и мы пошли назад. И вот уже заходя в лифт, я случайно заглянул в приоткрывшуюся дверь на первом этаже...

Не буду перечислять всех людей, у которых долго или не очень долго пришлось мне жить. В предпоследней семье я гостил в качестве дальнего родственника из деревни. Это были очень милые, порядочные люди, он работал на заводе, она приемщицей в химчистке. Она превосходно готовила, и я даже слегка поправился. С ним мы проводили вечера за шахматами или за телевизором. У них были свои огорчения, никак не могла устроить личную жизнь их дочь. И я даже полагаю, что они возлагали на меня определенные надежды. Да и девушка была неплоха, мы даже как-то ходили с ней на дискотеку и по возвращении довольно жарко целовались. Но при мысли, что предстоит здесь остаться навсегда, мне делалось физически плохо. И в один прекрасный день я просто направился домой, так как все эти странствия мне изрядно надоели и в этих плотных контактах я уже не находил никакого удовольствия. Да и в конце концов у меня, как никак, есть свой дом, и захотелось элементарного покоя. Все время находиться на людях оказалось страшно тяжело, и мне даже стали сниться по ночам кошмары. Но вспомнить утром я их не мог, хотя там было что-то крайне важное.

И вот, направляясь домой, я по инерции заглянул в одно окно, даже не заглянул, а так, мимолетно посмотрел. Скорее по привычке, так как строго себе наказал пока с этим делом завязать. И вот, повторяю, по привычке, я просто глянул и... Теперь я здесь. Она уже год прикована к постели, неизлечимо больна. Когда я появился, муж уже был на пределе. И вообще-то он, человек крайне тяжелый, последнее время уже только приносил пищу и сразу уходил. Ее периодически мучают сильные боли. Первый раз я испугался, когда увидел ее. Возможно, когда-то она была красива, возможно, потому что об этом можно только догадываться. Одни только глаза, устремленные в неимоверной тоске и муке да еще застывший в них вопрос: «Почему?» Муж последний год не работал и вид у него был изрядно дикий. Сын в интернате, школьник. За кого они меня принимают, я не знаю. Но называют меня Сашей. Муж теперь снова работает и появляется здесь все реже и реже, последний раз он приходил неделю назад, вид у него был довольно сытый, взял какие-то вещи и исчез. Боюсь, что надолго, не знаю... Я бегая по врачам, достаю какие-то лекарства, готовлю еду, убираю, в общем все время

в деле. Иногда приходят с ее работы, проведать. Один раз я уже решился на все плюнуть и уйти. Но уже у самого своего дома вспомнил ее испуганные глаза, помятый хохолок волос, нелепые большие уши и вернулся. Ведь не могу же я ее бросить, в конце концов!

Она лежит в переплетении каких-то веревок, как паук. Они помогают ей немного перемещаться в постели. Это сконструировал ее муж, кажется, он какой-то изобретатель. В последнее время ей стало немного лучше. Мы ждем врача. Хотя, на мой взгляд, все это бестолку... Во время всяких бытовых дел я много думал и пришел к выводу, а точнее к подозрению, что это вовсе не я вторгаюсь в чужую жизнь, а это они меня засасывают в свою! Сегодня мне, наконец, удалось вспомнить свой последний сон. В нем я шел к себе домой и увидел в своем окне свет. Шевельнулась занавеска, мелькнула тень, и мне почудилось, что там уже кто-то есть...

ЮЛИЯ ГЕРАСИМОВА

ЧЕГО?

Я ОТСТАВИЛ ТЕЛЕФОННУЮ ТРУБКУ ПОДАЛЬШЕ ОТ УХА. Визг в ней стоял такой, будто сотня возбужденных арахнофобов линчевали человека-паука. Сквозь радостные крики, звон и треск, я вдруг услышал разумную человеческую речь.

— Але! Але! Кто это? Говорите!

Я только было открыл рот, чтобы произнести заготовленные слова, как в трубке снова что-то затрещало, и тот же возмущенный голос потребовал представиться.

— Это Эрнест! Я обещал прийти сегодня...

— Эрни?! — говоривший узнал меня, и я услышал, как еще около двадцати человек подхватили моя имя, принявшись склонять его на все лады. — Паршивец, бросай все и, айда, к нам!

— Не могу, — вздохнул я, постукивая карандашом по столу, — работа!

— Это в шесть часов вечера-то?! Слушай, друг, — он вдруг принялся быстро-быстро шептать в динамик, — тут Кира пришла. Ладно тебе наплевать на нас, но ты же не можешь проигнорировать её! После того, что она презентовала тебе не день рождения, было бы верхом неблагодарности оставить девушку без внимания.

— Кира? — Я был заинтригован. — Ну, я постараюсь... Просмотрю еще пару отчетов и...

— Когда-нибудь твои цифры съедят тебя, — предупредил голос, добавив к своему возмущению короткие телефонные гудки.

Я еще несколько секунд погрел трубку в руках и, пожав плечами, положил ее на место. Съедят! Безусловно, съедят! Я уже слышал, как стопки бумаг, испещренных знаками и расчетами, начинают хрустеть, обглаживая мой разум, словно хищные рыбы. И вот, когда они, наконец, насытятся, я превращусь в огромного бумажного монстра с калькулятором вместо мозгов. Но оставить сейчас работу я не мог. Еще раз, хорошенько вздохнув, я вытянул руки вверх, от души потянулся и снова склонился над расчетными листами.

Кто-то уверенно постучал в дверь и, прежде чем я успел что-либо ответить, на пороге возник невысокий крючковатый человечек в потрепанной одежке неопределенного цвета. Спутанные волосы, кое-как собранные на плоском затылке засмоктанным комочком и художественная синева под левым глазом полностью соответствовали основной концепции его внешнего вида. И, как бы дополняя образ, вместе с визитером в комнату ворвался глубокий аромат городской помойки.

Я уже приготовился услышать жалкое нытье и настроился на расставание с парой монет, как незнакомец удивил меня. Совладав с явным похмель-

ным синдромом и сосредоточив все свои волевые усилия на трясущейся нижней губе, он вдруг совершенно четко произнес: «Эрнест Эрнестович Шмановский, если не ошибаюсь?» Я вздрогнул и машинально кивнул головой. До чего ж продвинутыми нынче стали попрошайки! Раньше они приставали к прохожим на улицах, клянча у тетечки или у дядечки копеечку. Теперь же, гляди, заходят в офис и называют потенциальных дарителей по имени-отчеству. Мне, как лучшему менеджеру по продажам, не раз приходилось загонять в психологические ловушки своих клиентов, всучивая им товары нашей фирмы. Кому как не моей особе было оценить тонкий ход залетного бомжа. И я оценил его, одарив нищего своим вниманием.

— Вот, Эрнест Эрнестович, прочитайте и распишите, — грязные руки, с обгрызенными по краю ногтями, протянули мне большой белый конверт.

— Вы должны вскрыть это, — настаивал странный тип, почесывая жидковатую бороденку и размазывая по щекам соплю.

От удрушлительного запаха невымытого тела стало тяжело дышать, и я готов был выставить наглеца, но интерес заставил меня вскрыть послание. Признаюсь, это было даже приятно. Я извлек из недр гладкого, абсолютно чистого конверта идеально ровный лист бумаги. Осмотрев листочек, я ахнул. В самом центре ослепительно белого поля черной краской были выведены пять цифр: 10000.

— Это что?! — кровь судорожно пульсировала в висках, в глазах трепыхались разноцветные бабочки, и ужас как захотелось кого-нибудь стукнуть.

— Это Вам следует уплатить мне, — пояснил нахал, стягивая с ноги ботинок и вытряхивая оттуда большого рыжего таракана. — Наличными.

Вот тут-то и произошел большой взрыв! Ядерным грибом я взорвался около мужика и большой ударной волной выпшвырнул того вон. Я был непомерно зол на него! Он отнял у меня то, чем всегда восхищались мои друзья и коллеги, чем я никогда не переставал гордиться. Насильственным путем, при помощи соплей, смрада и ботиночного таракана, он лишил меня хладнокровия.

Сняв в ярости бумагу с указанной суммой подаяния, я швырнул ее в урну. Но, решив отправить следом за ней и конверт, тут же замер, словно громом пораженный. Там снова что-то лежало. Готов поклясться, что еще пять минут тому назад, кроме единственного листика, в нем ничего не было. Увы, конверт не разделял моей убежденности в своей пустоте, а потому выплюнул на стол еще один снежно-белый лист. Я развернул его и, пробежав по строчкам глазами, удивленно приподнял брови. «25 октября 2008 года собственность, принадлежащая частному лицу Эрнесту Эрнестовичу Шмановскому, нанесла непоправимый ущерб собственности Кин Ма Оу... судом было принято решение о возмещении материального и морального ущерба в размере десяти тысяч... при отказе уплаты ущерба судебному исполнителю, частному лицу необходимо в течение трех дней самому оплатить налоговый штраф... об ответственности предупрежден... при несвоевременной оплате — наказание в виде лишения свободы от...» После прочтения данного документа у меня сложилось впечатление, что земля немного сдвинулась с

орбиты. Бред какой-то! Конечно бред! Если бы моя собственность нанесла кому-то непоправимый вред, то, наверняка, я узнал бы об этом в первую очередь. Какая такая собственность? В письме было столько воды и тумана, что из прочтенного я понял лишь одно — я не заплатил судебному исполнителю 10000 и теперь меня вполне могут лишить свободы. А если не бред? Если действительно был суд? И если этот странный тип впрямь между посещениями городских свалок подрабатывает судебным исполнителем? Необходимо было срочно вернуть визитера. Хотя бы для того, чтобы выяснить, кто он, и о каком таком деле идет речь.

Опротметью бросился я к дверям, и с силой распахнув их, едва не полетел кувырком, перецепившись через удобно расположенного на пороге бомжа.

— Что Вы тут сидите? — спросил я, перекидывая ноги через его голову и уже в коридоре пытаюсь поймать равновесие при помощи стен.

— Жду, — терпеливо ответил мне посланник, смачно плямкая губами.

Я заметил около ближайшего окна выпотрошенную урну и скривился.

— Как я понимаю, Вам необходимо время, чтобы собрать необходимое количество, — он посмотрел на меня снизу вверх и направил указательный палец левой руки в правую ноздрю.

Этого я уже вынести не мог. Приподняв охламона двумя пальчиками за шиворот, я указал ему на кабинет и пригласил товарища войти.

— Как? — На его потертом лице появилась двузубая улыбка счастья. — Уже? Так быстро? Я не ожидал...

— Входите же! — настаивал я, брезгливо мизинцами пытаюсь протолкнуть старика внутрь.

Тот извивался, хихикал, словно юная девица, но все же вошел и даже присел на указанный ему стул. Я устроился напротив и уже через пару минут выяснил, что незнакомец парень нездешний, что зовут его на местном наречии Николая и, что он действительно является судебным исполнителем. Но вот дальше! Все, что мне удалось узнать дальше, смахивало на бред сивой кобылы.

— Вы, я надеюсь, изучили все документы? — спросил Колян, указывая на конверт.

— Все, — я уверенно кивнул головой и неуверенно добавил, — кажется.

— Тогда все в порядке, — старик не заморачивался по поводу этикета. Он вольготно раскинул свои чресла на нескольких стульях и глядел теперь на меня из полулежащего положения, подпирая рукой голову, — тогда Вам не нужно растолковывать о какой собственности идет речь.

— Нужно! Обязательно нужно! — уверил его я, испугавшись, что он сейчас развернется да уйдет, а я так и останусь в неведении.

Он недовольно сморщил нос, будто зловонный запах шел от меня, а не от него, и протянул руку к конверту. Я следил за его пальцами, словно за перстами фокусника. Всего пара движений и — «оп-ля!» — на стол упала еще одна сложенная вчетверо бумага. Я развернул лист, ткнулся в него носом и с интересом уставился на визитера.

— Где Вы это взяли?

— Не беспокойтесь, я не рылся в Ваших вещах. Это копия.

— Допустим и что?

— Как что? — Его глаза вдруг сузились, превратившись в острые осколки гранита. — Объект принадлежит Вам. В конце концов, это Ваша собственность!

— Я не отрицаю этого! — поспешил я уверить его в своей порядочности. — Звезду мне подарила...

— Извините, поправочка. Объект, выделенный на звездной карте как звезда, на самом деле таковой не является. Это комета.

— Один черт: звезда, комета...

— Не скажите, — он поводит перед моим носом своим заскорузлым указательным пальцем, — звезда не смогла бы упасть на планету Кин Ма Оу и вызвать там возмущения мирового океана. По Вашей милости там оказалось затоплено семьдесят процентов суши.

— Чего? — я почувствовал, что вслед за землей с орбиты начинает сдвигаться мой разум.

— Вам еще повезло: планета не была заселена, имелись лишь зачатки океанической флоры, но и те не слишком пострадали. К тому же, объект был застрахован...

Меня вдруг осенило, и я захохотал.

— Здорово придумано! Страховка! Штраф! Другие планеты! — Я помахал приятелю рукой. — Приве-ет! Вас снимает скрытая камера!

Николя оглянулся, пожал плечами, и, устало вытаращившись на меня, наставительно произнес:

— Предупреждаю, откосить под «дурочку» не удастся, — его голос немного смягчился. — Ты, брат, не первый и не последний, кто таким образом пытается увильнуть от уплаты штрафа. Учти, у меня все платили.

Это заявление меня открыто огорчило. Обидное какое-то было заявление.

— Это еще разобраться надо кому и где, гм, надо находиться, — зачем-то уточнил я. — А, если суд решил, что я виновен в чем-то, так я всегда был законопослушным гражданином своей родины и за квартиру платил вовремя. И теперь заплачу. С какого Вы говорите ведомства?

— Вселенский космический суд третьей категории.

— Всего лишь третьей? — теперь я был уверен на сто процентов, что все происходящее со мной не более чем розыгрыш и решил подыграть шутникам. — Вселенский, говоришь, а сам в отребье ходишь... Судя по всему, платят Вам не ахти...

— Нормально платят, — уверил меня бомж, выковыривая из зубов остатки обеда и мельком поглядывая на мои часы. Я, заметив его взгляд, поспешил спрятать их под рукав. — Увы, времени моего пребывания на Земле остается все меньше и меньше. Будете платить сейчас или оплатите потом через космическую кассу?

— Я бы оплатил, но боюсь, что не смогу доверить такую крупную сумму Вашей особе. Уж больно неказисто Вы выглядите.

— Я?! — Он тут же подскочил на ноги и принялся разглядывать себя со всех сторон. — Но... Вроде... Я понял, — Николя весело подмигнул мне здо-

ровым глазом, — все дело в шарфе. Он не от этого костюма. Я нашел его буквально перед тем, как зайти к Вам.

Мужик тут же принялся разматывать трехметровый кусок вязаного полотна, наверхенного вокруг его сморщенной петушиной шейки. В момент, за сим действием, над головой бомжа образовался венчик из пары десятков порхающей моли. Картина достойная кисти мастера!

— Ууаля! — Старик хлопнул в ладоши и предстал передо мной практически в первозданном виде, то есть, совершенно без шарфа.

Судя, по довольному виду моего посетителя, я тут же должен был заплодировать и, упав на пол лапками кверху, как то делают чумные тараканы, забиться в экстазе. Увы, я лишь угрюмо посмотрел на этого клоуна из-под наспуленных бровей.

— Что? Не впечатляет? — промямлил Николая, присаживаясь на край стула. — Что ж такое? Где просчет? Я же выбирал достойную модель! — Он вдруг вцепился в рукав моего пиджака и принялся терзать его, как щенок тряпку. — Слышите?! Достойную! Где просчет? Где? Кто я?

— Вы бомж, к тому же, слегка со сдвигом, — я попытался освободиться, но мужик держался за мой пиджак, как за родную вещь и не собирался выпускать его из рук. — Вы находитесь на низшей ступени общества, Вы — неудачник, Вы...

— Довольно! — вдруг закричал он, заломив руки. — Я уже понял, что оплошал. Но, ведь я сам лично слышал... Понимаете, тот человек поднял стакан и вдохновенно произнес выбранному мной прототипу: «Колян, я тебя очень, очень сильно уважаю!»

Я рассмеялся. Что за лопух очутился у меня в гостях? Сунув ему под нос первый попавшийся мне под руку бизнес-журнал, я ткнул пальцем в обложку: «Вот как на самом деле выглядят уважаемые люди».

После этого мне пришлось пережить несколько неприятных моментов. Не каждый день на твоих глазах бомж превращается в Билла Гейтса. Мне совсем перехотелось смеяться. Что делать дальше и как реагировать на эти метаморфозы я не знал.

— Теперь Вы мне можете доверять? — поинтересовался Колян Гейтс, заметив, что я почему-то то закрываю глаза, то открываю, то закрываю, то открываю, то... — Теперь я достоин уважения?

Я не мог говорить. Горло перехватило, голову сжал обруч необъяснимого ужаса, ноги потяжелели, точно налившись свинцом. Я вдруг понял, что ЭТО не шутит. Пальцы машинально нащупали под столом скрытую кнопочку, тайный механизм сработал без сучка да задоринки и из-под столешницы медленно выполз тайник. Не сводя глаз с пришельца, я наощупь отсчитал десять тысяч долларов и выложил их горкой перед визитером.

— Вот, забирайте.

— Что это?

— Десять тысяч — штраф за нанесение ущерба вашей планете с китайским названием.

— Планета вовсе не моя, — он медленно стал ощупывать баксы, а затем отшвырнул их от себя, — зачем Вы суете мне эти бумажки?

— Вы предпочитаете иную валюту? — мое сердце стало биться чаще. Других денег у меня в офисе не было.

— Естественно, этот материал не прочный и ни на что не годится. Мне необходима твердая валюта.

— Золото?

— Можно было бы взять и золотом, но истец пожелал, чтобы Вы расплатились вот этим, — он выложил передо мной несколько образцов и я облегченно вздохнул.

На их планете, или в их системе ценилась галька. Обычные мелкие голыши миллионами валявшиеся на берегу моря.

Не буду утруждать Вас рассказом о том, как я ползал по песку, собирая в лунном свете маленькие камешки. Как Николая был удивлен несметными сокровищами, валяющимися у людей просто под ногами и никому не принадлежащими. Как я спокойно смотрел в звездное небо, пытаюсь угадать, какая из звезд является родиной для моего инопланетного знакомого, и ловил себя на мысли, что после случившегося меня уже трудно будет чем-то удивить.

Звонок мобильного вывел меня из оцепенения.

— Але! Эрнест, ты где делись? На работе телефон не отвечает. Вахтенный сказал, что ты давно ушел с каким-то бродягой. С тобой все в порядке? — Я лишь тяжело вздохнул в ответ. — Что ты так тяжело дышишь? Ты там что, камни ворочаешь? — захохотал приятель.

— Вроде того, — честно признался я.

— Да ладно врать-то. Небось, две бумажки с места на место переложил и уже отдышаться не можешь. А все оттого, что отдых тебе нужен. Кира, кстати, уже раз двадцать о тебе спрашивала. Когда он придет, да когда же он придет? Что передать-то?

— Слушай, а передай-ка ты этой дуре, что прежде чем дарить необычные подарки надо научиться отличать комету от звезды.

— Не понял... — пробубнил он и хотел, было еще что-то добавить, но я уже отключил телефон.

Земля обеднела на десять тысяч голышей...

КАТЕРИНА ДОВЖУК

МАДАМ ШАТТЕ ВЫХОДИТ ЗАМУЖ

*Безграничное любопытство мадам Шатте
никогда не позволит
этой истории завершиться*

1. Мадам Шатте покупает улыбки

ПЯТНИЦУ УТРОМ МАДАМ ШАТТЕ СКУПИЛА ВСЕ УЛЫБКИ у местных торговцев.

Веселые и грустные, чопорные и скромные, детские и старушечьи, вежливые и безобразные, теплые и мягкие, нежные, счастливые, злодейские, ироничные, открытые, робкие, скупые, подобострастные — все.

Лавочникам пришлось хорошенько порыться в дальних кладовках, чтобы найти глупые улыбки, которые обыкновенно не пользовались спросом и пылились среди устаревших сведений и плоских шуток. Перекочевали с витрин в элегантный ридикюль мадам Шатте мимолетные и доверчивые, а также все до единой искренние улыбки.

По случаю мадам приобрела также две унции заразительного смеха и полфунта хорошего настроения. На сдачу торговец отсыпал ей колкостей в тюлевый мешочек.

Слегка пританцовывая и напевая себе под нос песенку про кота, мадам Шатте поспешила домой. Какой переполох случится в городе, когда выяснится, что праздничные дни горожанам предстоит провести с серьезными лицами! У кого-то улыбки запасены впрок, кто-кто достанет бабушкино приданое из сундуков. Ах, как потешно будут смотреться они с пропахшими нафталином улыбками вековой давности! Но остальные — остальные станут бродить по бульвару, невесело раскланиваясь друг с другом и не решаясь вступить в разговор: как же, а вдруг собеседнику придет в голову тонко пошутить? Отвечать на такую шутку недорого и неуместным хохотом, пара щепоток которого всегда есть в запасе даже у самых скаредных жителей города? Или молча кивать, показывая себя человеком жадным и глупым?

По дороге мадам Шатте то и дело встречались чопорные ангелийки, выгуливающие своих серьезных детей и воспитанных собак. Все они — женщины, дети и собаки — смотрели на мадам с укоризной, которая во все времена стоила дешево, а потому расходовалась щедро. Увидав эти взгляды, мадам Шатте тут же вытащила из ридикюля новенькую загадочную улыбку и примерила ее на себя — пусть ангелийки ужаснутся такому расточительству. То-то будет разговоров!

Авион уже ждал в саду, нервно поскрипывая колесиками — истерический характер не позволял ему спокойно дремать в ангаре. Нос Авиона, выступающий вперед, словно бушприт, облюбовало целое семейство чижей, беседующее о своих птичьих проблемах.

2. Мадам Шатте летит к морю

Мадам Шатте не любила рисовать. Именно поэтому на чердаке ее дома пылились десятки пейзажей и портретов. В комнатах мадам свои работы не вешала, не без оснований полагая, что яркие картины нарушат строгость ангелийского интерьера, которым так гордился ее Дом. Мадам Шатте была женщиной мягкосердечной и всегда шла на уступки друзьям.

Только одна картина, нарисованная накануне, оставалась в гостиной, да и та стояла в дальнем углу и была завешена темным атласом. Дом в этом месте неодобрительно скривился, однако большего себе позволить не мог: он был слишком хорошо воспитан.

Мадам Шатте достала из ридикюля покупки и небрежно бросила их на стол.

Повинуясь ее жесту, кусок материи медленно сполз на пол, открывая огромное — в полстены — полотно, на котором в попытках дотянуться до неба бушевал океан. Комната мгновенно наполнилась запахом морской воды, мадам Шатте почувствовала привкус соли на губах, порыв ветра сдул со стола связку легкомысленных улыбок.

Скалистый берег был пуст. Лишь немного в стороне, почти у самой кромки воды, ярким чужеродным пятном лежала одежда. Мадам стала вглядываться в темные волны, надеясь разглядеть фигуру человека, который отправился купаться в столь скверную погоду. Попытки ее не увенчались успехом, потому мадам Шатте взяла со стола чашку чая, любезно приготовленного Домом, и покинула комнату.

Авион уже выкатился на взлетную дорожку и нетерпеливо пыхтел, намекая ей, чтобы поторопилась. Стараясь не расплескать чай, мадам Шатте устроилась на пассажирском кресле, и Авион взлетел.

Дом молча смотрел им вслед, сожалел, что не может прогуляться до Ангер-стрирт и обратно. Казалось бы — что ему Ангер-стрирт? Воспитанным ангелийским домам неприлично думать о путешествиях. Но вот, поди, ж ты — какая-то щемящая тоска проникла в сердце Дома, заставляя его вспомнить детство, когда совсем еще маленьким кирпичиком, он преодолел долгий и полный опасностей путь из Честера в Уоррингтон, где вел философские беседы с котом.

Сначала Авион летел невысоко и степенно, словно старый голубь. Мадам Шатте любовалась привычным пейзажем, пила его так же неторопливо, как свой чай — глоток за глотком, и так же не чувствовала вкуса. Впервые, пожалуй, ей хотелось как можно скорее завершить полет и вернуться домой. Поэтому мадам Шатте попросила Авиона лететь к морю.

Допив чай, она отвела руку в сторону и выпустила чашку из рук. Зная, что ангелийцы считают разбитую посуду доброй приметой, мадам Шатте всякий раз старалась порадовать местных жителей. К тому же, это был отличный способ избавляться от сервизов, которые с бараньим упрямством дарила ей на все праздники одна дальняя родственница. Чашка просвис-

тела перед самым носом пожилого джентльмена и разлетелась на мелкие осколки у него под ногами. Тотчас же Авион взмыл под облака, и выше, и выше, туда, где голубое небо и солнечный свет.

Через полчаса на горизонте показалось море. Оно медленно катило свои волны навстречу берегу и спорило с небом чистотой красок. Это море было олицетворением спокойствия и совсем не походило на беснующуюся стихию, спрятанную за куском атласа в Доме мадам Шатте.

Вернувшись домой поздно вечером, мадам Шатте поспешила в гостиную, сдернула с картины завесу и тут же отпрянула, испуганная обнажившейся тьмой. Сердце ее остановилось на мгновение, но почти сразу же забилось вновь — мадам Шатте разглядела звезды за окошком и услышала где-то вдалеке шум прибоя. Мужчина ее мечты спал, сидя в кресле. На столе белели в свете звезд несколько листов бумаги. С минуту мадам Шатте слушала его спокойное дыхание, потом аккуратно завесила картину и на цыпочках удалилась из комнаты.

Этой ночью ей снились маленькие серебристые рыбки, фиолетовое небо, теплый дождь и мужчина ее мечты.

3. Мадам Шатте принимает гостей

Мадам Шатте терпеть не могла гостей, а потому в одиннадцать утра каждую субботу устраивала чаепитие. Когда никто не приходил, что случалось не так уж редко, мадам Шатте доставала из ридикиюля флакончик со вздохами облегчения и радостно выпускала один из них. Каждый вздох обходился ей не так уж дорого в сравнении с необходимостью выслушивать неумную трескотню ангельских кумушек, которые в присутствии мадам Шатте стремительно теряли свою сдержанность.

Стук в дверь раздался одновременно с боем часов. Мадам Шатте надела радушную улыбку и поспешила в холл, навстречу гостям.

Анна Медоуз и Бесс Томпсон — наихудшее из того, что может случиться со здравомыслящим человеком в субботнее утро. Рослая, похожая на упряжную лошадь, Анна Медоуз, казалось, ненавидела весь мир. Ее глаза пылали таким неприкрытым отвращением к окружающим, что мадам Шатте задумывалась иногда — не покупное ли? Кроме того, Анна Медоуз была невероятно скупа, что сильно сказывалось на ее облике: платья, которые она носила, вышли из моды еще пятьдесят лет назад, а шутки и сплетни явно покупались на распродаже.

Анна Медоуз не истратила бы ни одной, пусть даже мимолетной, улыбки без основательной на то причины. Теперь же она улыбалась широко, по-детски. Принюхавшись, можно было уловить легкий запах плесени — верно, Анна перерыла самые дальние кладовые, в надежде полить мадам Шатте.

Бесс Томпсон, глупая как три козы, улыбалась одной из своих дежурных улыбок, купленных на прошлогодней ярмарке. Глупость ее также была натуральной и совершенно не шла Бесс, которая при всей недале-

кости ума (а может быть, благодаря ей) была председателем женского совета города.

Вопреки ожиданиям, чаепитие прошло довольно сносно. Бесс Томпсон тараторила о суфражистках и визите Королевы, Анна Медоуз поделилась прошлогодними сплетнями о жене ректора. Мадам Шатте старалась не вмешиваться в беседу, лишь время от времени кивала невпопад и нервно поглядывала на картину в кривом углу.

Черничный пирог был съеден, чай допит, все сплетни пересказаны и пропущены мимо ушей, запас дежурных улыбок растрочен. Гости уже заторопились по домам, когда блуждающий взгляд Анны Медоуз зацепился за кривизну дальнего угла комнаты.

— Как мило, — сказала она и брезгливо поджала губы. Широкая детская улыбка, которую экономная Анна Медоуз умудрилась растянуть на два часа, наконец, исчезла.

Мадам Шатте молча наблюдала за гостьей, которая, не спросив разрешения, направилась к картине. Со словами «Вы, конечно же, не против, дорогая» она приподняла край атласной занавески.

Пожалуй, будь у Анны Медоуз с собой пузырек добротного женского визга, в это мгновение она бы истратила его без остатка. Но, ввиду отсутствия не только визга, но и его более дешевых заменителей, Анна Медоуз молча сделала два шага назад, потянув за собой ткань, и застыла в нелепой позе, скривив рот в гримасе отвращения. А потом бросилась вон из комнаты.

На картине, освобожденной от покрова, был изображен каменистый берег моря, освещенный ярким полуденным солнцем. Мужчина, вышедший из воды, в спешке натягивал штаны прямо на мокрые кальсоны.

4. Мадам Шатте покидает Ангелию

В четверг мадам Шатте захотелось послушать музыку. Поэтому она спустилась в гостиную и принялась рисовать кроликов. Кролики получились слишком испуганными. Закрашивая их, мадам Шатте случайно нарисовала мужчину своей мечты. Мужчина смотрел на нее печально и без удивления. Казалось, он всю свою жизнь ждал, чтобы его нарисовали.

— Стойте смирно, — сказала мадам Шатте, — я дорисую вам улыбку.

Мужчина послушно замер на месте и сказал:

— Я люблю вас.

— Какие пустяки, — возмутилась мадам Шатте и взялась за кисть.

Попытки нанести новые мазки на холст не увенчались успехом. Она попробовала все краски — напрасно. Картина жила своей жизнью, отказываясь подчиняться воле создательницы. Мадам Шатте растерялась. Как же можно без улыбки? Без улыбки никак нельзя. Завесив плотно атласной материей, она ушла спать.

Этой ночью ей снились акации, прибор, кораца, лодочная станция и мужчина ее мечты.

Именно поэтому в пятницу утром мадам Шатте, отправилась за покупками, а вовсе не потому, что она была легкомысленной особой. Ей нужна была всего одна улыбка — но какая? Как хорошо, что интуиция подсказала мадам Шатте купить их все!

И вот теперь, проводив Бесс Томпсон, мадам стала клеить улыбки к холсту. Но стоило убрать руку, как они тотчас же падали на пол. Мадам Шатте испробовала все: канцелярский клей, шампунь, повидло, молоко, кисель, чернила и даже овсянку. От расстройства она нечаянно съела несколько улыбок, которые, как выяснилось, необычайно вкусны с малиновым повидлом.

Мадам Шатте было очень неловко — ведь именно она нарисовала мужчине таким печальным. Какая нелепость — человек без улыбки! Все равно, что кот без усов. И мадам Шатте стала продевать шелковую нить в игольное ушко.

— Сейчас я пришью вам улыбку, самую искреннюю из всех, — сказала она. — Только не бойтесь и не двигайтесь. Вы же не хотите потом всю жизнь улыбаться ушами или носом?

— Вы знаете, — ответил мужчина ее мечты, — я ужасно боюсь щекотки. Не нужно ничего пришивать, лучше выходите за меня замуж!

И улыбнулся — нежно, искренне, мужественно, весело и немного иронично.

Надо сказать, мадам Шатте не ждала такого развития событий, а потому без лишних раздумий согласилась.

— Побудьте здесь, — сказала она, — я только захвачу свою зубную щетку. Но вы обязательно расскажете мне потом, где раздобыли такую великолепную улыбку!

Мадам Шатте не любила сантиментов и именно поэтому вышла попрощаться с Авионом. Она поцеловала его в нос и отвернулась, чтобы смахнуть непрошенную слезу.

Авион хотел было расстроиться, но передумал. Вместо этого он медленно покотил в сторону моря, тихонько посвистывая несмазанным левым колесом. Авион знал, что по дороге ему обязательно встретится маленькая девочка, мечтающая о небе.

Мадам Шатте подошла к Дому и провела ладонью по шершавой кирпичной стене. Дом не ответил. Только в ванной для гостей из крана вдруг капала вода, которая — кто поверит! — была соленой на вкус.

Мадам Шатте надела шляпку с широкими полями, повязала шелковый бант на шею и зачем-то прихватила черный зонтик из кладовки. Вернувшись к своей картине, она закрыла глаза (все-таки мадам Шатте была ужасной трусихой) и сделала шаг вперед.

5. Мадам Шатте читает

Уже после того, как мадам Шатте научилась самостоятельно улыбаться, вздыхать и плакать, а также многим другим не менее важным вещам, после того, как старший ее сынишка пошел в школу, а младший сказал свое первое

слово «Бу!» и пригрозил ложкой коту... В общем, через много-много лет, мадам Шатте решила разобрать старые бумаги, пылившиеся на чердаке.

Там, среди театральных программ, старых газет, писем от тетушки Фанни и просроченных билетов на дилижанс, она нашла несколько листков, исписанных неряшливым почерком мужа.

Мадам Шатте отложила папку с документами, устроилась поудобнее у окошка, из которого открывался замечательный вид на скалистый берег моря, и стала читать:

«В пятницу утром мадам Шатте скупила все улыбки у местных торговцев.

Веселые и грустные, чопорные и скромные, детские и старушечьи, вежливые и безобразные, теплые и мягкие, нежные, счастливые, злодейские, ироничные, открытые, робкие, скупые, подбострастные — все...»

ИРИНА КОМИССАРОВА

НЕ ПЕЧАЛЬСЯ, МАЛЕНЬКИЙ ПЕТЕР

ЭХ, ЭЛЬЗА, ЭЛЬЗА, ГЛУПОЕ ТЫ СУЩЕСТВО. ЧЕГО ТЕБЕ было не остаться у того богатого торговца, что за тебя кошель серебра предлагал? Жила бы сейчас в большом доме, ела заморские фрукты, шеголяла в бархате и атласе. Серебро что — не в серебре дело; хотел бы я тебя продать — давно бы уже продал. Человек уж больно был хороший: степенный, обстоятельный, не чванливый. А уж сынишке его ты как по сердцу пришлась!.. «Обезьянка, — говорит. — Чудесная обезьянка! Совсем, как человек. Отдай мне ее, дедушка, я ее очень-очень любить буду!» И улыбается так славно. Подумал я, почесал голову — так и так выходит, что надо тебе оставаться. Хватит, говорю, Эльза, мерзнуть и голодать — годы твои немаленькие, заслужила ты сытость и довольство на старости лет. И я, может, заслужил — да кто ж меня в гости будет зазывать да еще и денег за это сулить? Прощай, говорю, моя верная попутчица, пришла пора нам расстаться. Посадил я тебя на плечо мальчонке, он весь аж засветился. Уж очень ты ему по нраву была, неразумная ты животинка. Ходила бы ты у него в любимицах, как сыр в масле каталась. А ты? Не успел я двадцати шагов пройти, как ты меня догнала и за пазуху забралась. Глазами сверкаешь, зубы скалишь, не согласна, мол, и все тут. Что с тобой поделаешь? Крякнул я и пошел деньги назад возвращать. «Простите, — говорю, — люди добрые. Не могу я подружку свою неволить. Не обесудьте». И быстрее обратно, чтобы детских слез не видеть...

Кашляешь вот теперь, бедолага. Ничего, скоро до трактира доберемся, попотчую тебя пирогом и плесну сладкого винца, будешь у меня опять здоровенька. Привязался я к тебе, Эльза — словно ты и впрямь человек. Только ты у меня и осталась. Родителей черная чума забрала, когда я еще мальцом был — меня тетка воспитала, дай ей Бог на том свете счастья. Померла и она. Как раз в тот год, когда я лесную царицу от водяного духа спас. Не тереби мой ворот, плутовка, я эту историю уже дюжину раз сказывал...

Было мне семнадцать, и ходил я в подмастерьях у мастера Конрада, лучшего бондаря в округе; играл на скрипке и вздыхал по красавице Трине, мельниковой дочке. Мастер меня отличал и нахваливал, но жизнь простого ремесленника мне о ту пору была не по нраву. Я мечтал о воинских подвигах и о славе и проклинал судьбу за то, что не уродился рыцарем. Скрипка моя то плакала горестно, а то вдруг принималась жарко томиться, когда мысли мои обращались к белокурой Трине, самому прелестному созданию, какое только видел божий свет. В середине июня, накануне дня святого Антония, довелось мне повстречаться с лесной царицей. То ли речной дух обманом ее заманил, то ли она сама неосторожность проявила — так или иначе, попала в беду королевна. Когда я на шум прибежал, она уже почти с го-

ловой под воду ушла — в реке-то ее волшебство не действует, там она не хозяйка. Ничего я этого тогда не знал. Вижу: человек тонет, девушка вроде. Бросился я в реку, как был, в одежде, едва-едва успел ухватить утопленницу. Тяну вверх, а та не поддается — словно держит ее кто. Я дернул что есть мочи, и высвободил добычу. Выволок на берег, глянул: батюшки! — волосы у моей спасенной зелены, кожа темна, как кора древесная, платье — словно соткано из листвы. Сердце у меня так и замерло: вот так улов я из реки вытащил. Открывает девушка глаза — яркие, изумрудные — и смотрит на меня, словно в душу заглядывает. Я, признаться, оробел: вдруг рассердится лесная царица, что простой смертный к ней осмелился прикоснуться, да решит наказать за дерзость.

— Прости меня, владычица лесная, — говорю, — не знал я, что это ты...

— За что же ты прощения просишь? — изогнула она тонкую бровь. Села, оглядела себя, прикоснулась к платью, к волосам, и те вмиг высохли. — Благодарна я тебе. Не подоспей ты вовремя — уволок бы меня на дно проклятый водяной. Награжу тебя по чести. Подарю тебе силу три желания исполнить. Используй ее с умом и знай — за каждое исполненное желание цену заплатить придется. Первые два потрать, как вздумаешь — знаю я, как вы, люди, любите в свои смешные игрушки, что жизнью зовете, играть. А третье побереги: когда наиграешься и захочешь покоя и забвения, пожелай переместиться в мой лесной чертог. Там никогда не смолкает музыка, а вино не кончается в кубках. Там нет места слезам и печали, старости и смерти. Там ждет тебя счастье — такое, какого ты никогда не узнаешь на земле. Забрала бы я тебя сейчас, да знаю: дорожишь ты своим игрушечным миром крепко и расставаться с ним по неразумию не захочешь. А как будешь готов — приходи.

Полыхнула глазами-изумрудами и пропала. Я перекрестился, чтобы отогнать наваждение. Негоже доброму христианину колдовством соблазняться... Но в груди у меня сладко зануло — не о таком ли чуде я мечтал, не на такой ли случай надеялся? «Отец небесный, — прошептал я тихонько, — прости мне этот грех»...

...Вот и трактир впереди показался, засветло добрались. Самое время мне горло промочить да дать ногам отдых. Гляди веселей, Эльза, скоро доберемся до Эрседна, куплю тебе у кондитера орехов в меду....

...Э-ге-гей, господа детишки и их почтенные родители! Я, Эльза и моя скрипочка всегда рады потешить такую уважаемую публику. Наградите Эльзу за танец, не жалейте монет, а мы в ответ расстараемся и покажем вам еще одно представление. Ну-ка, подружка моя любезная, прихорошись и оправься, ведь ты теперь должна явить нам самую раскрасивую красавицу, какую только может вообразить человек.

До чего хороша мельникова дочь! Волосы у нее цвета пшеницы, щеки — будто лепестки роз, улыбка — райское видение, голос — пение божьих ангелов. Пройдись перед нами, милая девица, покружись. Ах, что за стать, что за походка! Даже старики, такие, как я, восхищенно цокали языками, глядя на такое дивное диво, а юноши так и вовсе теряли головы. Много сватов побы-

вало на пороге мельника Отто, но он всем отвечал отказом. Покажи-ка нам, Эльза, как мельник отгонял женихов от своей дочери... Вот так он глазами вращал, и зубы скалил, и приговаривал: «Не найдется среди вас достойного моей Трине»... Но одному молодому бондарю, тому, что любил ее больше всех, однажды повезло. Пообещала ему как-то раз волшебница исполнение желания — любого, какого только душа захочет. Запело сердце юноши сладко, вот прямо как моя скрипка, когда загадал он, чтобы суровый мельник согласился выдать за него свою дочь. Побежал парень домой, переделал в свою лучшую одежду и отправился свататься...

Мельник сперва аж на месте подпрыгнул — вот прямо как Эльза — а потом призадумался... Чем дольше думал, тем сильнее билось сердце молодого бондаря. «Хорошо, — сказал, наконец, мельник. — По осени быть свадьбе». Стал юноша женихом. По воскресеньям с семейством невесты в церковь ходить, на проповеди рядом с Трине на скамье сидеть. Красавица дарила улыбки нареченному, и сердце его ликовало, и смеялось, и благодарило волшебницу за чудный дар.

А когда наступила осень, стал бондарь примечать, что его невеста стала печалиться. Близится день святого Михаила, после которого свадьба назначена, а Трине все чаще плачет — на, подружка, держи тряпицу, изобрази, как девушка слезы утирала. Уж жених и так, и этак — не выдает Трине причину своей грусти. Наконец призналась. «Ты пригож, и нравом добр, — говорит. — И со мной ласков, и всегда стараешься мне угодить. Но разве сердцу прикажешь? Ты мне мил, но люблю я другого: голубоглазый Кристиан, звонкоголосый мейстерзингер — вот мой избранник. Я послушная дочь, и отцу перечить не смею, но в груди у меня словно пылает костер, и жжет, и мучает, и заставляет слезы проливать без конца».

Словно громом поразило жениха. Давай, Эльза, покажи почтенной публике, как глупый бондарь горевал и за голову хватался. Хотел он было попросить волшебницу, чтобы заставила девушку полюбить его взамен соперника, да передумал. Не хотел он чужое сердце неволить, вот такой он был простофиля. Израсходовал волшебное желание впустую: ничего-то, кроме кручины, оно ему не принесло.

Вот и вся сказочка — грустная она или смешная, я и сам не знаю. Рассказали ее, как умели; так вы уж теперь не скупитесь на медяки для честных артистов. Поклонись почтенным зрителям, Эльза, выкажи признательность за внимание и снисхождение...

...Рано в этом году осень кончается. Листья с деревьев облетают быстро, как волосы на моей голове... Надо тебе, Эльза, новый зимний кафтан справиться, старый-то дырявый совсем. Жаль, с деньгами туго у нас — за ночлег заплатить нечем, вся надежда, что кто-нибудь сжалится и пустит переночевать за так, а иначе придется под открытым небом располагаться... Смилюйтесь над озябшими странниками, хозяева, приютите на вечер, темно уже совсем, негоже в такую пору без крыши над головой оставаться — а уж мы в долгу не останемся, я и Эльза, повеселим вас и детишек ваших.

Вот спасибо, добрый человек... э, да ты сам дите еще. А родители где ж твои? Мамаша хвораёт, третий день с постели не встает? Ох ты, беда какая... А отец? На войне убили, вон оно как... И ты, значит, в солдаты собрался, как отец... А ведь нехорошее это занятие. Как звать-то тебя? Петер? Давай-ка, Петер, к огню поближе сядем, я историю тебе расскажу...

Жил когда-то на земле человек — обычный человек, как, к примеру, я. Родом не знатен, лицом не пригож, умом не велик, в любви не везуч. И так ему хотелось отличиться и след свой в людской памяти оставить, что решил он обратиться к помощи колдуньи. «Хочу, — говорит, — стать великим воином, доблестным рыцарем. Чтобы не знать в бою ни страха, ни усталости, чтобы разить врагов решительно и отважно, чтобы имя мое прославляло свои и проклинали чужие». «Будь по-твоему», — согласилась колдунья. И отправился человек на войну. Сначала на одну, потом на другую... Закончилась другая — началась третья; уж в чем, в чем, а в сражениях мир нехватки никогда не испытывал. О невиданной удали и смелости нового героя скоро стали песни складывать; юноши мечтали его подвиги повторить, девушки — его сердце взять в плен. Слава его все росла, и скоро не осталось в христианском мире человека, который бы не знал имени великого рыцаря. Что смеешься? Не верит он нам, Эльза... Ну-ка, Петер, наклонись, шепну тебе имечко, а ты скажешь, слышал его прежде, или нет... А, то-то и оно, что слышал. О героях молва долго помнит...

Только вот какое дело. Чем больше врагов убивал рыцарь, тем больше пустила его душа. Столько крика и крови, и разоренных домов, и осиротевших детей он повидал, что глаза его стали черны, как зола, а сердце мертво, как пепел. Чем громче становилась его слава, тем сильнее становилась тоска. Нет в страданиях ни правды, ни смысла — чьи бы то страдания не были, друга или врага, христианина или бусурманина. И однажды рыцарь решил: довольно... Э-э, да ты спишь совсем, молодой Петер. Давай, Эльза, его в постель перенесем. Бледный он какой, худющий — весу в нем почти, как в тебе. Эх, горький... Тяжело мне, Эльза, на людские беды смотреть — потому ведь и решил бродячим артистом стать, чтобы хоть чуточку радости приносить. Да разве чуточкой отгородиться от громадины скорби, что со всех сторон подступает... Мне порой кажется, что настала очередь третье желание загадывать, все чаще думаю, что готов я в волшебную страну отправляться, покоя и забвения из глубокого кубка испить, в изумрудные глаза лесной королевы заглянуть... Там, Эльза, кашель твой как рукой снимет, а уж яства тебе поднесут такие, о каких тот богатый торговец никогда и не слышивал... Болят мои старые кости, плохо слушается скрюченных пальцев скрипка. Видно, и впрямь пришло время оканчивать земные игрища, о которых царица говорила...

Холодно как, Эльза — настоящая зима, а ведь еще двух недель не прошло со Дня поминовения. Ветер пробирает так, что зуб на зуб не попадает. Вот и ты дрожишь, верная моя попутчица — потерпи еще немного. Скоро должна показаться деревня, согреемся. Только бы с пути не сбиться, темень-то какая вокруг. Не стоило так поздно в путь отправляться, подвела нас моя то-

ропливость — расплачиваемся вот теперь. За все на свете приходится платить, за любое желание, хоть маленькое, хоть великое; хоть колдовское, хоть обычное. Помнишь, сказывал я, как лесная царица предупреждала: за все мол, своя цена. Так и вышло. За первое желание рассчитался я своей юностью — простодушием и горячностью; после того, как исполнилось второе, миновала моя зрелость — уверенность и решительность. А за третье придется, видно, отдавать и последнее, старость — терпеливость и смирение. Потратил я волшебные подарки — все до единого; как умел, так потратил, и не о чем не жалею. Ни к чему нам, Эльза, лесная страна. Много ли проку в покое и пирах? Ты же и сама согласилась, что счастье маленького Петера важнее... Опять ты кашлять принялась, Эльза — ну-ка, прижмись ко мне покрепче. Доберемся до Верцингена, справлю тебе одежду потеплее... Что с того, что заплутали? Ты не бойся... Все пути куда-нибудь ведут, любимая моя подружка, все дороги кончаются...

В зачарованном чертоге, куда нет ходу стуже и печали, лесная царица отставила в сторону серебряный кубок и непонимающе прищурила свои изумрудные глаза. Покачала головой и махнула рукой музыкантам, чтобы играли громче — ту беспечную, безыскусную мелодию, что услышала она однажды на речном берегу в смертном мире, и так заслушалась, что позабыла на время обо всем на свете....

НИКА РАКИТИНА

СЛУЖБА ДОСТАВКИ

*На рассвете приказ епископом дан,
И слуги торопятся в порт,
И уже через час ни один капитан
Не посмеет нас взять на борт.*

*И белые письма, как голуби, будут биться
в твоё окно...*

ПЕРВАЯ СУББОТА ИЮЛЯ 14... ГОДА ВЫДАЛАСЬ НА удивление жаркой. Солнце почти укатилось за остроконечные крыши маленького приморского городка, но жестяная кровля над камерами на верху тюремной башни накалилась так, что под ней невозможно было дышать. Не Пломба¹, конечно, но что-то вроде. И оттого тюремщик, одержимый всеми недугами приближающейся старости, а кроме того, переевший и принявший на грудь не один жбан пива, клевал носом, и думать не думая стеречь своего, как он выражался, «постояльца». Тем более что последнему, еще месяц назад почтенному негодянту и видному мужчине Юргену Гессе, а ныне осужденному еретику, оставалось жить одну ночь. И мало ли, что он, этот Юрген, кричал в запале, будто сбежит из тюрьмы. Разве что у него отрастут крылья, как у нетопырей или той совы, что поселилась на чердаке и лопаёт тюремных мышей и крыс. Или он уплощится так, что сумеет пролезть в окошко — оно без решетки, конечно, так насквозь и руку-то просунуть трудновато... А потом еще нужно спуститься с шестидесятифутовой высоты... Связав веревку из простыней? Будто узникам положены те простыни! Тюремщик ухмыльнулся сквозь дрему. Или парень вымолит у дьявола, своего хозяина, пилку, чтобы перепилить сначала кандалы, а потом засовы? Мысль была неудобная, тюремщик поежился и, нащупав ключи у пояса, вздохнул облегченно. Долго смертнику придется в таком случае мучаться, за ночь не управится, пожалуй. Кроме засовов и навесных замков есть еще и решетки, и стража на каждом ярусе и у выхода. А еще холодное железо противится колдовству.

Словом, ерунда все это. «Постояльцы» перед казнью или молятся, или впадают в протрацию, или буйствуют, но за всю тюремщика долгую жизнь из башни не сбежал ни один. Этот Юрген так вовсе помешался, переменял

¹ Пломба — искаженное *plumbum* — знаменитая венецианская тюрьма под свинцовой крышей, где заключенные задыхались от жары и ядовитых испарений.

последний обильный ужин — поросенка с хреном и бутылъ недурного мозельского — на кисть и плоску вапы, которая, признаться, тюремщику ничего не стоила. Пришел да и одолжился у соседского мазила² без возврата... И зачем господину, гм, Гессе эта краска? Малевать на стене свой предсмертный портрет? Или писать прощальное письмо? Тюремщик, случалось, читал такие, выцарапанные на стене, намазюканные куском известки, а то и собственной кровью. Иногда и впрямь всплакнешь, вдумавшись. Самые-самые он просил мальчишку, тюремного писца, заносить в особенную книжицу, и не даром, между прочим.

Не будь столь одолеваем ленью да загляни в дверной глазок, тюремщик и впрямь бы вообразил, что смертник сошел с ума. Вместо чтобы рыдать или молиться, господин Гессе, гремя кандалами и волоча за собой звякающую цепь, очистил часть пола от мышиного помета, гнилой соломы и прочего мусора. И теперь рисовал на нем торопливыми — чтобы успеть до захода солнца, пока еще что-то видно, — но четкими линиями парусник. Рисовал с немалым знанием дела, и как живая, под кистью возникала крутобокая северная карака: взятые на гитовы³ прямоугольные паруса на фок и грот-мачтах и латинский⁴ на наклонной бизани.

Густая сеть такелажа с утолщениями-блоками...

Корзинки — «вороньи гнезда» — для впередсмотрящих на клотиках⁵ первых двух мачт...

Длинные вымпела...

Два якоря по бортам и третий на бушприте, служащий для торможения и разворота при швартовке...

Полубак, поднимавшийся вдоль форштевня и украшенный статуей-галеоном...

...Известный всей Европе гномон⁶ на ратуше после захода сделался бесполезным, но колокола на колокольнях многочисленных церквей исправно отбили сперва девять, потом четверть десятого... Все земные звуки сделались далеки и приглушенны, и только отчетливо слышалось щебетанье ласточек, режущих острыми крыльями вечернее небо. Заключение ждал, обмирая, чувствуя, как с каждым ударом колокола истончается надежда.

Вот уже десять...

Вот половина одиннадцатого...

Юрген пожалел, что даже масляной плоски не имеет, чтобы взглянуть: вдруг крыса, пробегая, стерла или размазала рисунок. А когда камеру под крышей осветило призрачное сияние, узник подумал, было, что это всходит луна. Только света оказалось слишком много, чтобы пробиться в узкое ок-

---

² Мазила — старинное название художника.

³ Взятые на гитовы — свернутые и привязанные к реям.

⁴ Латинский — косой парус.

⁵ Клотик — верхушка мачты.

⁶ Гномон — солнечные часы.

но. Юрген потерял глаза. Зеленоватое призрачное сияние всплыло из пола, залило стены, добралось до стропил и изнанки шатровой крыши. Тени перечеркнули пространство, которое сделалось четко видимым, но колеблющимся и неприятным. А потом узник с удивившей себя же прытью метнулся в сторону от острого клотика, вспоровшего пол.

...Источенные шашелем реи...

Лоскутья парусов...

Черный, точно грех, бегучий и стоячий такелаж...

Смертник дергался во всем этом, как мотылек в паутине, насколько позволяла цепь, пока не сдался, дав насадить себя на булавку смертного холода. И очухался, стоя на коленях; будто в патоке, до середины бедер увязнув в призрачной палубе. Весь корабль в камеру не вместился. Но криков за стенами не раздавалось, значит, видение было явлено одному Юргену. Звякнув кандалами, осужденный вытер со лба холодный пот, разбив глухое молчание. Он теперь уже сомневался, что лучше — отдаться воле призрачного корабля или сгореть на костре на рассвете воскресенья.

— Там тепло, по крайней мере... — пробормотал он.

— Служба доставки. Четвертая слушает. Письмо? Посылка? Устное сообщение? Оплата наложенным платежом, наличными, карточкой, электронными деньгами, банковским переводом?

— Вытащи меня отсюда!

Крепкая рука выдернула его из липких объятий палубы. Доски оставались гнилыми и скользкими, но уже не засасывали. Узник стоял все еще на коленях, тяжело дыша, пробуя руками оттянуть железный обруч на поясе.

— Да не отсюда! То есть... я хочу, чтобы меня вообще отсюда вытащили! Из тюрьмы. И из города. Черт!.. Спасибо.

— Пожалуйста. Подобные услуги мы не оказываем.

При свете болотного огня, испускаемого кораблем, Юрген во все глаза уставился на гостя. Вернее, гостью.

Была она внешности самой заурядной; пожалуй, в дни своей славы господин Гессе не удостоил бы такую взглядом. Лицо плоское, нос длинный, глаза темные, волосы черные и жесткие, спереди взбиты надо лбом, сзади собраны в косу. И тело как стиральная доска, запрятанная в гляцевый черный мешок.

— Тебя как зовут?

— Четвертая.

— Человеческое имя у тебя есть? Данное при крещении?

— Нам не рекомендовано... Жанна. Ван Страатен.

Юрген перевел дыхание. Хотя фамилии совпадают, на том спасибо. Хотя, какое ему дело до фамилии, вытащила бы только!

— Ну так что, Жанна ван Страатен, давай отсюда уматывать?

— Подобные услуги мы не оказываем. Так будете передавать корреспонденцию?

— Погоди, — Юрген уселся, насколько вышло, удобнее, мрачно громыхнул кандалами. — А как же насчет мыса Бурь? И одного старого сквернавца

и богохульника, поклявшегося не спать и не помирать, пока не обогнет этот мыс? И, черт меня дери! Впервые слышу, чтобы Летучий Голландец разводил почту!

— Существуют три версии данной легенды, — сообщила девица, глядя себе в ладонь. — Если вам интересно.

— Клянусь небесами голубыми и черными!

«Да чтоб ты сдохла, — подумал про себя Юрген. — Меньше часа до полуночи, после третьих петухов призраки тают, а ты разводишь... турысы на колесах. Связать бы тебя! Да поди ж пойми, как управлять бесовской лоханью»...

— Начальную версию вы сами изложили только что. Летучий Голландец лишился возможности умереть и с дьявольским упорством гонит и гонит свое судно вокруг африканских берегов. Но, пока стоит свет, мыс Бурь ему обогнуть не дано. Лицезрение Голландца, кроме того, предрекает смерть всем встречным кораблям.

— Ага. Вот только если они все погибли, то кто же об этом рассказал?

Девушка улыбнулась, став вдруг почти хорошенькой — портил ее теперь лишь гнилушечный мертвенный свет.

— Раз в семь лет Летучему Голландцу и его экипажу дозволяется сходить на берег. Ровно на сутки, с полуночи до полуночи. И если он найдет женщину, которая сохранит ему верность последующие семь лет, то проклятие спадет.

Тут она почему-то покраснела.

— Ну, и последнее. Время от времени, подплывая к встречному судну, с борта Летучего Голландца перебрасывают мешок с письмами с просьбой доставить его на берег. Тех, кто из страха и суеверия швыряет мешок в воду, ждет гибель; для тех же, кто соглашается — плавание проходит благоприятно и при попутном ветре. Правда, по факту выходит, что все адресаты давно мертвы...

Жанна засмотрелась поверх палубных надстроек, сквозь тюремные стены, и Юргену отчего-то стало ее жаль. Хотя прежде всего стоило жалеть себя.

— И ты такой вот почтальон?

Четвертая вскинула голову:

— Да, я почтальон. Мы передаем вести родным от тех, кто оказался на самом краю, кому грозит гибель. Мой корабль настроен на таких, и мы всегда оказываемся в нужное время в нужном месте, чтобы забрать последнее письмо, или посылку, или что-нибудь еще, что они пожелают передать. А плата соразмерна поручению. Что в этом плохого?

— Да ничего.

Юрген вздохнул.

Опять стало тихо-тихо, только где-то далеко внизу выла собака. Если воеет, голову опустив к земле — значит, на покойника, если задрала вверх — к пожару. А у Гессе с утра сразу и то, и другое. Ну, бедный песик, хоть ты разорвись...

Похоже, Жанна заметила его улыбку.

— А вы... за что вы сюда попали?

— Угораздило брякнуть спяну, что Земля круглая.

— А она что, квадратная?

— Ты... это умникам из магистрата скажи. И святошам. Хотя лучше не надо, — Гессе яростно почесал сгиб локтя. — Чревато. Хочешь, я расскажу тебе еще одну легенду?

Жанна кивнула.

— Однажды я встретил гадалку в портовом кабаке, лет сто назад, — усмехнулся, видя расширившиеся глаза собеседницы, — ну, может быть, десять. Время в тюрьме идет вовсе не так, как на воле. Так вот, это была совершенно мерзостная старуха. И воняло от нее похуже, чем вот сейчас от меня... или твоего коры... судна. Гнилой рыбой и еще чем-то отвратительным, может быть, старостью. И ее все гнали от своих столов и засыпали оскорблениями. А я заглянул ей в глаза... и угостил вином. Не самым лучшим, конечно, но в том кабаке лучшего-то и не было.

Юрген с сожалением вспомнил о той бутылке, которую пришлось пожертвовать тюремщику. Поросятина, хрен с ней, жесткая, а вот вышить бы сейчас не помешало. Интересно, ему позволено последнее желание, или отделились прощальным ужином?

Девушка слушала, затаив дыхание, что узника несколько взбодрило.

— В общем, старуха мне рассказала одну легенду. Когда тебя должны казнить, когда наступает самый край, когда спасения уже нет, нужно нарисовать на полу тюремной камеры лодку, корабль. Тогда он обратится в настоящий и увезет тебя к свободе. Для него не препятствие ни стены, ни цепи, ни стражники. Главное, успеть до полуночи... Я думал, она мне солгала. Посмеялся и забыл. А сегодня вспомнил.

— Тебя... вас должны казнить?

— На рассвете. Отличная приправа к воскресенью. Я бы предложил вам глянуть в окно, чтобы увидеть помост с дровами... Но оно слишком высоко. А на плечах я вас не удержу... сейчас.

Юрген замолчал. Жанна подошла и села рядом. Пахло от нее не затхлой водой и плесенью, а цветами.

— Я не могу, — с безнадежностью в голосе проговорила она. — Существуют правила...

— И исключения из них. Вот что! — осененный мыслью, он ухмыльнулся во весь рот, притянув Жанну за плечи. — Пересылают же свежую малину к королевскому столу... Живую рыбу... и даже лошадей. Давай пошлем по почте меня!

Гостья икнула. Глаза у нее сделались совсем круглыми — как у совы, что жила на стропилах и всю прошлую ночь громким уханьем мешала Юргену спать.

— А об оплате потом договоримся. За мной не пропадет! Хочешь, векселем, а хочешь, этими... тронными деньгами, — он сжал в руке ее теплые, податливые пальцы.

— Но адресат!

— А где живешь ты? Вот и пошлем туда. Давай договор, — напирал Гессе деловито, пока Четвертая не передумала. — Подписывать кровью?

— Не-а, — она, словно сонная, повертела головой. — Введу в корабельный компьютер.

***

Укладываясь в длинный, обитый мягким ящик для перевозки животных, почти погрузившись в благодатный сон, Юрген спросил, не сдержав прирожденного любопытства:

— А ты Летучему Голландцу кто? Дочь?

— Внучка.

— А он сам?

— Дедушка разводит тюльпаны в Антверпене.

Рука Жанны отдернулась от его щеки. Крышка поехала, закрывая от бывшего узника залитый призрачным светом трюм. И тут же колокола на колокольнях многочисленных церквей стали торжественно и мрачно отбивать полночь.

СЕРГЕЙ КУСКОВ

КРЫЛЬЯ

ДИМА! ЗВОНКИЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС ПРОКАТИЛСЯ ПО комнатам пустого дома. Звякнули серые от пыли стекла в оконных рамах, колыхнулась паутина в углах, а на старом шкафу, брошенном хозяевами за ненадобностью, вздрогнули несколько клочков бумаги с неровными краями — как будто обгрызенные мелкими зубами.

Женщина подошла к окну. Щелкнул шпингалет, заскрипели рамы, и в комнате сразу стало светлее, как будто небо прояснилось только что, а не вечером накануне. В промежутке между потолком и шкафом тоже заметно посветлело, и притаившиеся наверху Соня с Сергеем почувствовали себя неуютно.

— Дима! — крикнула женщина в окно. В ответ донеслось что-то невнятное.

— Похоже, наш домик кто-то купил, — предположила Соня.

— Как бы Генка им на глаза не попался, — озабоченно сказал Серега.

— Да ну, — отмахнулась Соня, — им сейчас не до него.

— Он растяпа, — продолжал Сергей. — Никакого понятия об осторожности, да еще эта его идея всеобщего братства! Пойду, что ль, присмотрю за ним.

Пользуясь тем, что женщина в окно высматривала своего Диму, Серега соскользнул вниз вдоль угла шкафа и шмыгнул в дверь. Соня осталась на шкафу одна. Она хотела есть, и кусок, который она грызла до появления людей, лежал прямо перед ней (что такое — неизвестно, запах странный; но съедобно, втроем проверяли). Однако вернуться к еде Соня не решилась: женщина могла услышать.

— Маринка, звала? — спросил Дима, большой и бородатый, нагруженный пакетами, свертками и узлами, выйдя из-за угла на лужайку под окном.

— А мне здесь нравится! — сказала женщина.

Диме здесь тоже нравилось. Домик был незатейливый и, наверное, один из самых старых в дачном поселке, и главное, его преимущество составлял потрясающий вид из окон — длинный открытый спуск к воде, река и даль на другом берегу. Правда, говорить об этом Марине не стоило: ей в таком случае могли сразу разонравиться и домик, и река, и даль. А обратный ход уже не дашь, бумаги оформлены...

— Дорога неважная, — сказал он, сделав озабоченный вид. — В сухую погоду еще туда-сюда, но если дождь...

— Ничего, что-нибудь придумаешь, — сказала Марина. — В крайнем случае, поменяем машину. Купишь эту... ну, какую ты хотел... с ведущими колесами! Давай, лучше вещи заноси.

Дима мысленно показал самому себе большой палец: результат превзошел ожидания!

Сергея вернулся, теща Геннадия за усы. Тот упирается всеми шестью лапами, шумно возмущался. Люди, к счастью, занимались своими делами. Женщина принесла воды и тряпку и убирала в соседней комнате — Соня видела ее в открытую дверь. Дима таскал вещи.

— Люди стремятся к природе — прекрасно! — говорил Геннадий. — Я давно к этому призываю.

— Ну, так походи и скажи им! — поддел его Серега.

— Я бы сказал, — ответил Геннадий, — но, боюсь, не услышат. Не их частотный диапазон.

Дима мельком заглянул в комнату, где стоял шкаф, и вернулся к Марине.

— Я кровать надую здесь, — сказал он. — Мне этот шкаф не нравится. Там, наверное, клопы.

— По-моему, клопы живут в диванах, — неуверенно сказала Марина.

— Клопы живут везде, — решительно заявил Дима. Он развернул на полу широкую надувную кровать, присоединил к клапану ножной насос. — У нас в общежитии они в плите жили. Надо будет в другой раз захватить дихлофос.

Услышав это, Серега судорожно сглотнул: сто лет, кажется, не нюхал настоящего дихлофоса! Геннадий посмотрел на него с неодобрением.

— Зря мы Марусю не взяли, — сказала Марина. — Зашла бы в дом первой, как положено...

— Вот только Маруси здесь и не хватало! — перебил Дима. — Издерет ногтями, — он ткнул ногой слабо надутую кровать, — что я Волкову верну?!

— Кто такая Маруся? — спросила Соня.

— Кошка, наверное, — сказал Геннадий. Соня вздрогнула.

— Да ну, разве это кошачье имя?

— Маруся — не очень, а Машка — вполне, — сказал Серега, и Соня снова вздрогнула.

Надув кровать, Дима вернулся к шкафу. Открыл дверцы, заглянул внутрь.

Верхняя крышка шкафа представляла собой раму из брусков с прибитым снизу листом фанеры. В заднем углу Соня прогрызла дырку, чтобы изнутри вылезать наверх. Увидев дыру, Дима сказал:

— Ого! Еще и мышами погрызен! Ничего, Марина, изведем и мышей, и клопов, и тараканов!

— Сволочь! — сказал Серега.

— Небось, считает себя разумным существом, — заметил Геннадий.

— Одно слово — гомосапиенс! — заключил Серега. Геннадий ткнул его ладью в бок, сказал тихо:

— При Соньке-то хоть бы постеснялся! Девушка все-таки.

Дима взялся руками за брусок, проходящий над дверцами, и подпрыгнул, чтобы заглянуть на шкаф. Соня на долю секунды увидела рыжую шевелюру, брови и два глаза.

— Там что-то есть, — сказал Дима. Он еще раз подпрыгнул, держась толь-

ко левой рукой. Правой он ухватил кусок Сониной еды, задев Соною толстым мизинцем.

— Что это? — спросила Марина, подойдя к нему.

— Я думал — камешек, а это столярный клей. А пыль там прямо комками! Серыми такими.

— Клей? — недоверчиво переспросила Марина. — Как им клеить? Он же твердый.

— Его размачивают в горячей воде. Или в холодной, тебе лучше знать.

— А мне откуда?

— Это желатин, только неочищенный, — пояснил Дима, понюхал клей и добавил:

— Из рыбьей чешуи делают, — и бросил обратно на шкаф. Кусок ударился о задний брус и отскочил на середину, едва не задев Соною, — та, казалось, даже не заметила.

— Сережа, Гена! — сказала она. — Клей!

— Ох, Сонька, опять ты со своей бредятиной! — озабоченно сказал Серега. — Дались тебе эти крылья!

— Сережа, ты ничего не понимаешь! Это мечта! Вот у тебя самого крылья есть, а ты ими не пользуешься.

— Еще как пользуюсь! Я на них планирую, когда прыгаю со шкафа.

— А крылья нужны, чтобы летать!

— Ну да! Станешь летучей мышью, и кошки за тобой будут гоняться тоже летучие.

— Летучих кошек нет, — вмешался Геннадий. — Сергей, не спорь, кто из нас жил в энциклопедии? Летучие мыши есть, летучие собаки, белки, лисицы летучие...

— Коровы, — съязвил Серега.

— Коровы не летают, — терпеливо сказал Геннадий. — И летучих кошек тоже нет.

— Ну, а вода?! — не унимался Серега.

— Будет вода! — убежденно сказала Соня.

— После дождика в четверг! — Серега любил, чтобы последнее слово оставалось за ним.

2

Соня запретила тараканам есть клей, кроме крошек, отколовшихся при ударе, — им хватало. Сама она тоже больше его не ела, а ночью погрызла кое-что из еды, привезенной людьми. Утром Дима, обнаружив это, сказал:

— Точно, надо будет взять Марусю. Вот заберем диван из гаража...

Дима днем куда-то съездил. На ночь люди убрали еду в металлическую посуду, но в углу комнаты Соня обнаружила кусочек ароматного сыра — к сожалению, он был засунут в какую-то машинку, от которой противно пахло железом.

Мама однажды сказала Соне, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, но не успела объяснить, как она выглядит и как отличить бесплатный

сыр от других сортов. Поэтому Соня на всякий случай сыр не трогала, ну, а Серега с Генкой наелись вволю.

Люди уехали во вторник, а в ночь на четверг пошел дождь. Вода сквозь худую крышу текла на чердак, потолок тоже протекал, и капли падали на шкаф.

Брошенную людьми пластмассовую крышку Соня затащила наверх сама — тараканы ей помочь не могли. Так же в одиночку она крошила зубами клей и мешала его хвостиком в крышке с водой. А вот клеили крылья из клочков бумаги уже вдвоем. Серега с Геннадием держали детали в нужном положении, пока клей не схватывался настолько, что можно было отпустить. Геннадий работал молча, Серега негромко ворчал, а, увидев бумажные трубочки для передних лап, пошутил:

— Давай набьем их серой от спичек! Будешь, Сонька, не просто летучей, а первой в мире реактивной мышью!

Соня и Геннадий, не сговариваясь, так глянули на него, что он больше не шутил.

После обеда дождь кончился. Готовые крылья лежали и сохли на шкафу. Соня грызла остатки столярного клея, тараканы вдвоем куда-то ушли. Темнело. Вдруг щелкнул замок, Соня услышала голоса, а потом громкий крик Марины:

— Таракан!

Раздался тяжелый удар, затем голос Димы:

— Готов! Мокрое место. Ну, от меня не уйдет: четыре года в общеаге!

— Откуда они в пустом доме? — удивленно спросила Марина.

— Клопы есть — почему б не быть тараканам? — пожал плечами Дима. Он видел, что тараканов было двое, и, по крайней мере, один успел шмыгнуть под плинтус. Марина, выходит, не заметила. — Ничего, за зиму вымерзнут.

Люди пробыли в доме недолго — втащили диван, заперли дверь и уехали. А потом появился Серега в ужасном состоянии.

— Всё! — кричал он. — Хана Генке! Копец! Ботинком — бац! Мокрое место! Сволочь!! Генку — ботинком!! Убью гада!!!

Потом, обняв Сонину переднюю лапу, зарыдал:

— Соня! Как же мы теперь без Генки?! — а она гладила его второй лапой по жесткой спине.

Оторвавшись от Сони, Серега прыгнул со шкафа и побежал к мышеловке. Когда Соня примчалась туда вслед за ним, он в пятый или шестой раз бросался на остаток сыра, пытаясь покончить с собой.

Мышеловка щелкнула, но по Сереге не попала, его лишь отбросило ударом. Тогда он побежал в другой угол, где за плинтусом было немного борной кислоты.

Тараканы не травятся насмерть ни борной кислотой, ни бурой, а лишь косятся от них. Окосев, таракан выходит на середину кухни, чтобы показать людям, кто в доме хозяин. Он приподнимается, грозно шевелит усами; замахнись на него в этот момент тапкой — попытается ее отбить, но не победит ни за что! Вот так их и травят бурой.

Но если бура — это вроде хорошей водки, то борная кислота грубой очи-

стки (специально для дезинсекции) — как какая-нибудь «Троя» или «Нитхинол». К тому же и буру, и кислоту надо запивать водой, а то и вправду отравиться. Вода же осталась наверху.

Соня не могла удержать Сергея, который после неудачной попытки суицида стал невменяем. В конце концов он заснул посреди комнаты. Соня за усы оттащила его под диван, а сама забралась на шкаф — стеречь крылья.

В пятницу поздно вечером снова щелкнул замок, и в дверь осторожно вошла Маруся. Следом люди несли узлы, сумки, складной столик и стулья. Включили свет в доме...

Соня торопливо продела лапки в бумажные трубки, прижала коготками. Она шевельнула крыльями, и какая-то сила слегка потянула ее вверх и вбок.

Кошка, услышав шорох на шкафу, прыгнула на кучу узлов, сваленных на диване, оттуда — на угол шкафа. Соня, раскинув крылья, бросилась с другого угла вниз. Падая, она замахала крыльями и, с трудом руля хвостом, заматалась по комнате. Летать она не умела, но и попадаться кошке не хотела.

— Ай! Мышь! — взвизгнула Марина.

— Летучая, — спокойно сказал Дима. — Наверное, Маруся спугнула.

Он махнул сложенной газетой раз, другой. С третьего попал; к счастью, по крыльям ударил плашмя и не повредил их. Соною вынесло в открытую форточку, и она растворилась в темноте.

— Ты видел, как она махала хвостом?! — спросила Марина.

— У летучих мышей нет хвостов, — не очень уверенно сказал Дима.

— А у этой есть!

Сергея смотрел вслед Соне из щели в диване. Вдруг кто-то обнял его лапой, и раздался голос Геннадия:

— Вот и улетела наша Сонька.

Сергея обернулся.

— Генка! Живой! Гад! Я ж из-за тебя чуть концы не отдал!

Он обнимал Геннадия, колотил его лапами по спине.

— Геннаха, ты как сумел?!

Геннадий изобразил жест, заменяющий тараканам пожатие плечами:

— Он думает, что он один жил в общежитии!

— А мокрое место?! Я ж своими глазами!..

— Ну, мало ли на подошве сырости? — сказал Геннадий. — Ягоду раздавил, или просто от дождя... Слушай, ты, полегче! Серега, погоди! Я тут нашел пакет с бурой...

— Что ж ты сразу не сказал?! — возмутился Серега и врезал Геннадия еще раз.

Пролетавшая мимо сова чуть не столкнулась с Соней, но в последний момент увернулась. Странная это была летучая мышь, и пахло от нее съедобным, и стоило с ней разобрататься, но совы не умеют хватать добычу в воздухе.

С трудом держа направление, Соня летела туда, откуда доносился писк летучих мышей. Люди его не слышат и называют ультразвуком, но для нее это был родной, привычный, свой частотный диапазон.

ЛЮДМИЛА И АЛЕКСАНДР БЕЛАШ

РУССКАЯ ОКЕАНИЯ. ВОИНЫ

Где поднят русский флаг, там он никогда
не должен быть опущен

Телеграмма 30 августа 1889 года

Парень с острова Буяна

— Бей его! — заорал краснорожий китобой, налетая на молодого человека в тёмном пасторском сюртуке. Ничуть не смутившись, тот отклонился, пропуская удар мимо, и ловко подставил задире ножку. Американец грохнулся носом в пыль.

— Ах, чёртов святоша! — кинулись на помощь остальные моряки, а их было пятеро. Девушка-гавайка, прятая за спиной парня в сюртуке, пронзительно завизжала.

Она решила пойти с матросом за пару серебряных долларов. Но матросы подступили вшестером, и девушка сказала «Нет». Едва началось бесчинство, возник этот сюртук и сказал: «Прекратите». Ему посоветовали убираться к дьяволу, а он...

...рассмеялся.

Дело было в Гонолулу, городе королей. На остров Оаху, где сходятся морские пути Тихого океана, сплываются все корабли, чтобы загрузить свежую еду и воду на месяцы китовой ловли.

Занесённую руку с ножом сюртук сломал тростью на лету, другому драчуну трость пришлась по шее, а третий получил удар в то место, которым грешат. Сюртук орудовал палкой метко, легко и ужасно, как шпагой.

Отступив, американцы засвистали, подзывая своих — тут, в порту, шлялось много зверобоев из Нантакета. Молодой человек, похожий на духовного студента, указал гавайке — «Беги!» — и приготовился к отпору.

Пожалуй, здесь бы его жизнь и кончилась, поскольку на шум драки бежала дюжина «бостонцев», как по старинке звали гостей из Штатов. Но сюда же спешил пяток молодцев в фуражках-бескозырках, чекменях и шароварах:

— Эй! Стой! Все на одного?

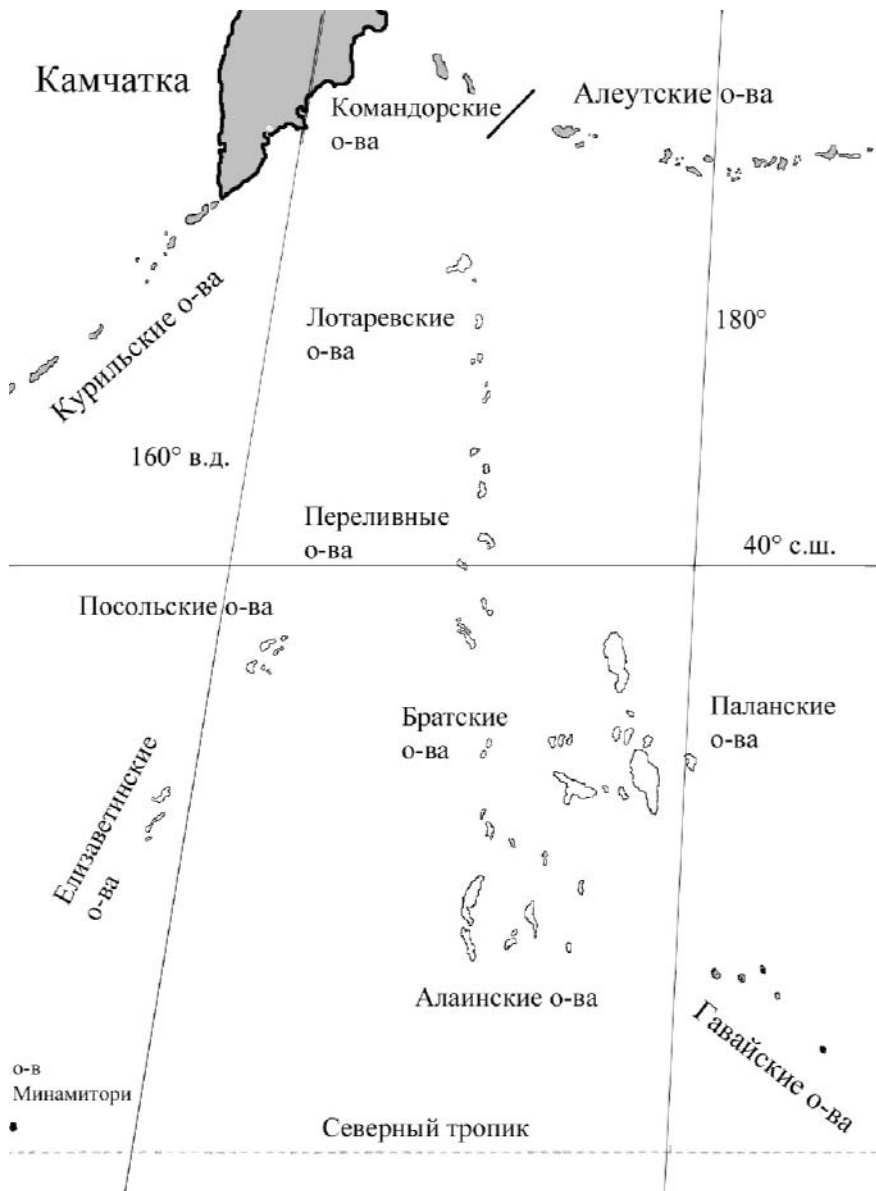
Даже чёрный верзила, прихвативший с корабля гарпун, смутился, увидев, что казаки держатся за рукояти сабель.

— Он вступился, как положено, — на грубом английском объявил подхрунжий, тряхнув чубом. — А ваши вздумали насильничать. Так страже короля гавайского и скажем. Ну, будем ждать стражу — или разойдёмся?

Бостонцы ответили матерным лаем, грозили, трясли кулаками, но в драку не лезли. С ножом на саблю не пойдёшь.

- Ещё увидимся!
- Потом сквитаемся!
- Ушли, злобно оглядываясь и плюясь табачной жвачкой.
- А ты мастак махать дубиной, – подхорунжий хлопнул парня по плечу.
- Из лютеран будешь?

— Весьма признателен, господин унтер-офицер. Иоганн Смолер, к вашим услугам, — ответил по-русски мальёй в сюртуке, оправив платье. — Я прусский подданный, путешествую по делам науки.

— Ишь, далеко занесло из Неметчины!

— Командирован для изучения этнографии, в частности, Северной Океании.

— Слишком ладно говорит, — заметил кто-то из казаков. — Знать, нарочно готовился.

— Это моё... — начал было с пылом молодой пруссак, но осёкся. — Да, я специально учился. Мои бумаги подписаны вашим посланником в Берлине.

— Проверим, — многозначительно кивнул подхорунжий. — В наши земли без паспорта муха не прошмыгнёт.

— *Никакого вопроса нет, — отрезал Володихин. — Власть империи объемлет всё — землю, недра, морскую бездну и простор небесный. Каждое беспаспортное чудище, объявившееся в пределах России, должно назвать своё имя, сословие, род занятий и вероисповедание, после чего надлежит занести его в соответствующую графу реестра. У нас всё просто!*^{1**}

Разбирательства о стычке в порту не последовало. Власти сочли, что драчуны разошлись, а жертв и увечий нет, то инцидент исчерпан. Но вечером в гостиницу к Иоганну Смолеру пожаловал видный гаваец со слугами — судя по толщине брюха и богатству наряда, некто из вельмож Камехамехи III.

— Мне рекомендовали вас, как человека честного и достойного доверия. Вы следуете к Елизаветинским островам? Не затруднит ли вас передать частное письмо коменданту? Вручить послание лично, без свидетелей. Вот двадцать долларов за беспокойство.

«У них странное понятие о стоимости почтовых услуг, — подумал этнограф, взвешивая в ладони плотный конверт с печатями. — Либо это письмо очень важное. Не слишком ли быстро меня втянули в интриги?»

«*Мой путь, — писал Иоганн, — продолжается на бриге «Аскольд» в обществе казаков и крестьян-переселенцев. В течение века русские заселяют самую восточную окраину империи, причём, на мой взгляд, добились тут большего, чем в лесной Сибири и ледяной Камчатке.*»

— Расскажи-ка, Иоганн, — подсел чубатый подхорунжий, — какое ты задание имеешь из Берлина? Может, тебе поручили чего? Знаешь, выпей со мной. За здоровье государя Николая Палыча! Пьём стоя. Ура!

Встали. Отказаться от такого тоста Иоганн не рисковал — зачем напрасно раздражать лихих удальцов?

— Сильно, — выдохнул этнограф, приняв протянутый солёный огурец.

— Гляди-ка — немчура, а спирт хлещет, не морщась, — восхищённо толкнул один казак другого в бок.

— Так это не водка? — Иоганн захлопал светлыми ресницами. Хмельное накатило, даже слёзы в глазах выступили.

¹ здесь и далее ** — Л. и А. Белаш «Дальше некуда» (сб. «Чайки над Кремлём», М. Яуза. ЭКСМО, 2007)

— Ну, мы так шутим, — чуть смутился подхорунжий. — Не обиделся? Вижу, нет. Тогда по второй! за государыню императрицу!

Ать-два, дело быстро спорится. Помутневшие, расстегнув верхние крючки на платье, этнограф с казаком сидели в обнимку, раскачиваясь в такт морским волнам, хрустели огурцами и порою целовались.

— Ты, брат немец, хват! Эк их раскидал, бостонцев-то.

— Я есть фехтмейстер. Я сражался на рапирах в универисте... ниверст... инверсите...

— Плюнь! Дай, я тебя обლობызаю.

— Тьфу!

— Да ты пьян! На мой чекмень плевать не смей! Что есть форма? Она есть казённое платье, данное нам от щедрот... Не знаешь? Эх ты, ганс!

— Я не Ганс.

— Как же? И-о-ган.

— Ян! Я — венд. Рюген, Мекленбург — ферштейн? Рюген — это остров на море. Только — штиль, тссс! В Пруссии не любят — знать, что они славяне. Там все... даже Бисмарк, бешеный депутат ландтага — венд. Его бабка не знала ни слова по-немецки... Рюген, да! Руян, Буян — это мой остров.

— А-а, — очнулся подхорунжий, — мимо острова Буяна, в царство славного Салтана!

— Ян Смоляр — это я. Мои предки... варили смолу, покрывали ей лады. Пираты!

— Ага. Честь имею — Бобылёв Матвей, Паланского полка. Но пираты? где, в Балтике? Это ж тихая лужа! Вот у нас — настоящие пираты. Бостонцы, в гроб иху мать... Когда мы Аляску брали, они уже нам гадили. Был такой Барбер — слышал? Индейцам ружья давал, Ново-Архангельск громил. Потом его в Камчатку занесло, с ума сошёл и застрелился. Так-то, брат! Кто на нашу землю ступит, сразу ум долой. Ты смотри, осторожней ходи!

Иоганн тёр лоб, чтобы согнать пьяную муть. Запомнить, записать... Живые сведения, прямые свидетели событий — в Европе этого не будет.

— Вон, в трюме на баке паланы сидят, — горячась, продолжал Бобылёв, — так перепуганы, даже на палубу ни шагу. Их с острова Любавы бостонцы схитили, тюленьи охотники. Мужикам — неволя, баб — в полюбовницы. Дай простор американам — всех в арапы запишут и хлыстом погонят. Ловко им на слабосильных налетать! Для таких гостей у нас фрегат «Волга» и корвет «Амур» — догнали, показали, где раки зимуют... Жаль, мал отряд — все острова дозором не охватишь.

— *Ваше высокоблагородие? — свирепо откозырял Дивов полковнику.*

— *Водка?.. Ром? — принялхался Володихин. — Ну, ваше счастье, что на ногах держитесь. Получите предписание. Поплывёте на «Хищнике» с Квальей как командир морской пехоты. Пришли ряпуницы на байдаре — у Цупки замечены два корабля без флагов. Остальное вам сообщит Квалья.*

— *Разметелим в прах, — продолжая злиться, Дивов заложил бумагу за ворот мундира. — Океан будет наш! ***

— А где база вашей морской полиции?

— Нет, ты лучше скажи, зачем вы онемечились, обасурманились?.. Э-э, брат, да ты сидя спишь! Никак, на боковую собрался?

Так и повалились, рядышком. Утром, освежившись рассолом, продолжили:

— Как же вы немцу поддались, а?

— Матвей, твои упрёки не по адресу. Тому шестьсот лет, когда наш Ви-слав стал князем короля Рудольфа. Нас теснили. Вы переживали татарское нашествие и не могли помочь.

— Вишь, плохо обернулось. Значит, вас отрезали! Ничего, Ян, дай срок — мы Рюген вернём. Надо было раньше! заодно, как в Париж на Бонапарта ходили...

Матери-крестьянки наставляли смирных дочек:

— Вон он, немец-лютер, еретик-то... Нечистый. С ним ни сесть, ни говорить, ни близко подходить нельзя — тотчас осквернишься.

Но вольный ветер и простор так дурманили после сырой тесноты трюма, что светловолосый «немец-лютер» с его открытой улыбкой казался очень даже милостивым. Вдобавок, складно говорит на русском языке. А корабельное житьё-бытьё такое, что иной раз невольно столкнёшься:

— Ах!

...и рассыплешь с перепуга целое ведро картошек, несомое на камбуз.

— Извините, барышня, я так неловок! Позвольте вам помочь.

— Да уж ладно, я сама.

— Нет, позвольте! Я смущаю вас?

Голова к голове, согнувшись, неизбежно и рукой заденешь, и вдохнёшь. Фу, грех какой, чем от него так сладко пахнет?

— Это лаванда. Такие духи приличны для моей фамилии. И камень в перстне — альмандин, — положен мне по гороскопу.

— Вы в звёздные альманахи верите? Это нельзя, не от Бога.

— Отчего же? Звёзды — ангелы, божьи вестники...

— Настька! — зычно позвали издали. — Где тебя носит?! Палуба — пять сажен, и на той заблудилась, прости Господи!

Страна Русалия

*«Они говорят, что капитан Иван-да-Марья открыл на востоке заветную страну Беловодье Заморское, — продолжал Иоганн путевые заметки. — Это сказочная обитель красоты и истины, куда попадает лишь избранный. Переселенцы ждут вечной молодости и жизни без смерти... Речь идёт о трёх островах, где туземцы не знали металлов и даже гончарного круга. Происхождение сих аборигенов неясное. Они называют себя **тиетен**, а русские прозвали их тетенцами».*

Àèèçàààòèíñèèà î-ââ - ñâîùâ çâîââîùâ èç î-âîâ ðòññèíé îèââîèè; ðâíðð äðóîîù ñîîðâ. 33°7' ñ.ø. è 158°36' â.â., îðîñòèðàðòñý ñ Ñ îâ ð îâ 203 èî. îèîù. 2495 èî².

Этногенез тиетенов установлен в 1960-ых ленинградским лингвистом и

антропологом Ю.Пономарёвым. Около 7500-6500 гг. до н.э. австронезийцы с юго-востока Китая по течению Куроисио достигли Русской Океании и заселили вначале Посольские, затем южные Переливные, а потом Елизаветинские о-ва.

«Мы пришли к острову Долгому, — заносил Иоганн в тетрадь. — Здесь в глубине бухты стоит город Святск; его окружают изжелта-белые горы, поросшие пыльным лесом. Вид напоминает меловые скалы на дорогом моему сердцу Рюгене, у родного Заснища. Порою кажется, что я обогнул земной шар и вернулся туда, откуда начал своё путешествие».

— Ваши бумаги не вызвали у меня сомнений, герр Смолер. — В устах русского коменданта это звучало как похвала. — Вас будут сопровождать два казака. Их содержание вы оплатите из своих средств.

— Я уполномочен вручить вам ещё один пакет. Его мне передали на Гавайях.

Сломав печати и вскрыв письмо, комендант внимательно прочёл его, и по мере того, как он читал, лицо его омрачалось. Под конец он хлопнул бумагой о стол и выругался.

— Боюсь, герр Смолер, ваша экспедиция затеяна не вовремя. Если она сорвётся, то не по моей вине.

— Могу ли я узнать...

— Англо-французы намерены атаковать наши владения на Тихом океане. Их эскадры приближаются, а мне даже не с чем отправить вас в ближайший порт на материке.

Иоганн приблизительно знал численность здешнего населения. Тысяч пятнадцать тиетенов, людей довольно робких, и три тысячи русских, считая женщин и детей. Острова обречены. Развязав войну из-за опиума, англичане атаковали Китай силами около 4000 штыков — и повергли его. Империю!

— Надеюсь продолжить работу после вашей капитуляции, — дружелюбно, с большим сочувствием сказал он коменданту.

Тот, казалось, не понял; вежливо кивнул и проводил Иоганна до двери.

— Еду я в печке оставила, — сказала хозяйка Алёна, перевязанная шалью крест-накрест, с туго повязанным на голове платком. — Сами справитесь? Сынок остаётся, он стол накроет. Стаха, покормишь господина немца.

— Не, мам, я с тобой! — заныл мальчишка.

Постоялец нет-нет да поглядывал на старшего паренька, стоявшего рядом с хозяйкой. Угрюмый, настороженный, он сжимал древко короткой пикой с грубо кованым наконечником. «Ро-га-ти-на», — повторил про себя Иоганн. Правый глаз паренька — карий, — следил за каждым движением немца. Левый — с бельмом; со лба на бровь тянулся косой шрам, на скуле белел второй, как продолжение.

«Это не её сын. Она молода иметь сына таких лет. И он тетенец, если не ошибаюсь. За-хар-ка... Значит — Захар, Захария».

— Надолго ли уходите?

— Как скажут. Рыть батареи под пушки. Стаха, отчепись от юбки! Мал ещё с киркой, с лопатой управляться! Кто за домом смотреть будет, а?

Сходя с крыльца, Захарка оглянулся на постояльца. Плохой взгляд, недоверчивый.

«Он ходит за ней, как телохранитель. Слуга? каюр?»

Поев, Иоганн отправился гулять.

За ночь всё изменилось. Вместо неторопливости — решимость и поспешность, общее целеустремлённое движение. Этнограф озирался почти растерянно, в недоумении. Святск расходился по сторонам — с шумом, с песнями, с шанцевым инструментом. Верхами проехали хмурые казаки с пушечкой на конной тяге, даже не взглянув на немца, среди них — подхорунжий Бобылёв.

Вокруг Смолера на улице стало пусто, одни собаки поворачивали в его сторону носы и встряхивали ушами.

«Я здесь чужой, поэтому я одинок. Но разве это повод для уныния? Надо собраться с духом и приняться за свою работу!»

Прошли под началом корабельного кондуктора тетенцы с лопатами на плечах — русые волосы перетянуты по лбу ремешками, глаза раскосые, лица широкие, но в одежде — ничего туземного, все наряжены на русский манер. Разве что обувь — вроде мокасин, — выглядит своеобразно. Да, у Захарки на ногах такие же...

«А где приставленные ко мне надзиратели? Должен ли я обратиться к коменданту, или могу разгуливать свободно?»

Несмотря на военные приготовления, Святск выглядел мирно. Совершенно не верилось, что на тихий остров надвигается вражеская эскадра, что сюда дотянулась с другой стороны света Крымская война.

Иоганн решил выйти за черту города и направился по улице к горам. Заставы с привычным шлагбаумом он не увидел, зато встретил седоусого старика в форме морского офицера, с тростью, бодро хромавшего в сторону пристани.

— Рад приветствовать. Иоганн Смолер, к вашим услугам.

— Благодарю. Наслышан. Будем знакомы — Марушкин, Иван Михайлович. — Старик крепко пожал руку немца. — Где определились на постой?

— Капитан Иван-да-Марья? — вырвалось у Иоганна.

— Капитан-лейтенант, в отставке, — сердито поправил седоусый. — Вижу, изучение этнографии началось блестяще — уже нахватались местных рассказней. К слову — на выходе из города вас завернут обратно, там стоит караул. Идите со мной, будет меньше хлопот.

...— Я прибыл сюда мичманом, с кораблём Крузенштерна, — вспоминал старик, глядя на голубую бухту, — а камергер Резанов приказал дать мне солдат и припасы. Мы расстались на Камчатке. Резанов поплыл в Аляску, потом в Сан-Франциско... у него был роман с Кончитой Аргуэльо, но увы — он умер в Красноярске. Так и не свиделись больше...

Звон и железный стук доносились от портовых мастерских — там ковали штыки и наконечники для пик. Иоганн увидел, как устаревшие кремнёвые

замки ружей переделывают в пистонные. В стороне звучали выстрелы залпами. Здесь общее напряжение виделось явственно — унтер-офицеры обучали штатских стрельбе и штыковому бою, другие учились тушить пожары и переносить раненых в лазарет.

— Вы намерены обороняться? — осторожно спросил Иоганн. — Против превосходящих сил?..

— А зачем мы город строили — врагу на добычу? — Марушкин строго взглянул на немца. — Я тут скоро полвека живу, всех тетенских вождей в трёх коленах знаю, лексикон их составил, женат на тетенке — и после этого сдать Долгий?.. Вы что-то хотели спросить о туземцах. Я в вашем распоряжении — спрашивайте, пока есть время.

— Говорят, вы у Иван-да-Марьи побывали? — как бы невзначай спросила Алёна, поставив перед постояльцем дымящий чугунок с картошкой. — И всё пишете, пишете...

— Да. — Иоганн, не глядя, взял ложку как левша и попытался зацепить еду. Стаха прыснул, наблюдая за немцем. Во, книгочей! Перо в чернило, глаза в тетрадку, да ещё ложку в рот. Как пить дать, мимо пронесёт.

Напротив, Захар смотрел на гостя жёстко, пристально.

— Господин Марушкин чрезвычайно эрудирован. Его записи бесценны. Он позволил мне... Вот, послушайте! — Немец принялся читать из тетради: *«Орудия их каменные, деревянные и костяные. Они строят свои хижины на земляных насыпях, роют каналы для орошения. Пищей им служат просо, клубни, сладкий тростник, мясо свиней, овец и собак, а также рыба, устрицы и каракатицы. Между островами плавают на выдолбленных лодках. Также тиетены мастерские пловцы и ныряльщики...»*

— Верно, — кивнула Алёна, присев на скамью у стола. — Из тростника мы варим патоку. Захарка управляется — он у меня за мужика.

— Это мужская работа, — впервые за всё время проговорил паренёк, поймав любопытный взгляд немца.

— Спасибо, очень вкусно.

— Ма, он картошки патокой полил, — шепнул Стаха. — И сверху посолил...

— Молчи, неслух. — Алёна так же тихо угостила мальчика подзатыльником.

— Или вот, великолепное наблюдение — *«Языческие игры тиетенов, весьма далёкие от нравственности Христианской, вместе с их умением долго плавать и глубоко нырять создали мнение, что сии земли населены русалками».*

Сурово сжатый рот Захара растянулся в сдержанной улыбке; шрам на скуле порозовел.

— Ну, теперь-то они Пасху празднуют, — усмехнулась хозяйка. — А что нагишом плясали — это было. Кто первый приехал, те рассказывали...

— Вы перескажете мне? — вмиг загорелся немец. — Пожалуйста, Елена! Я хорошо заплачу. Если вы заняты днём, я куплю свечей.

— Мытьёся будете? — Хозяйка вернула его из мира науки в реальную жизнь. — Захарка, воды натаскал? Иди, разводи огонь. Баня хорошая, не сомневайтесь. Ещё мой строил...

«Ишь ты, как назвал — Елена» — тепло подумала она.

Парная — это невообразимо! Захар нахлестывал веником, немец стоял и краснел, как варёный. О, вот она, этнография! всё надо отдавать самому!

Охлаждались квасом, сидя рядышком на лавке. Иоганн невольно поглядывал — грудь паренёка покрывали примитивные татуировки цвета сепии: круг с лучами, спираль, линии-волны.

«Солнечный знак, символ змеи, море. Боже, какая глубокая древность!»

— Захария, ты веришь в старых богов?

Тот помотал головой:

— Нельзя. Батька-поп сказал — то смертный грех.

— О них рассказывают? Мать, бабка?..

Захарка не ответил.

Солнце опустилось в океан, куда-то в Японию. Распаренный, немного одуревший Иоганн глядел то в записи, то на хозяйку, обмотавшую влажные волосы полотенцем на манер тюрбана.

— Сказывают, тетенцы из воды вышли по божьему велению, — говорила Алёна вполголоса, как о большой тайне. — Они в воде жили, греха не знали и взмолились: «Боже, дай нам землю, чтобы тебя славить». Такие невинные, как Адам с Евой до падения. Но Библию себе спросить забыли, остались в невежестве. Потому Иисус дал знамение старцу: «Ступай к Белым водам, наставь моих чад». Он сперва у Бела-моря в Соловках спасался, а после в книгах нашёл, что те воды — на восходе. И они там — светлые, как ангелы, как дети...

Дух немецкой лаванды кружил голову.

Стаха, умаявшись за день, заснул, привалившись к мамке. Она бережно взяла его и отнесла на лавку у стены.

Огонёк свечи — восковой, как в церкви! — озарял задумчивое, мечтательное лицо немца, замершего с пером над тетрадью.

Будто ангел в Святске появился, прилетел на крыльях-парусах.

«Пожалуй, если их отмыть — европейских-то, — так совсем на людей похожи, даже собой хороши».

— Елена, вы верите, что на вас нападут с моря?

— Нападали уже. — От воспоминания стало темней на душе. — Кито-бойцы из Америки нет-нет да приходили. Их не угадаешь, с миром или как явились.

— Да, я слышал от Бобылёва — «Волга», «Амур», морская полиция... Но здесь так славно! это действительно место для ангелов. Нельзя представить, что тут можно грабить и творить насилие. Белые горы, лес как бархат...

— У Захарки спросите, когда он говорить захочет. — Алёна нашла в темноте блеск бдительного карего глаза. — Он видел, кто сюда бывает. Мальца — и того полоснули... С тех пор пришлым не верит. Кто с моря, одет не поруски — тот бостонец и убийца.

— Вы тоже приезжие...

— Мы здешние. Захарка, иди спать! чего глазеешь? У нас взрослый разговор. Недовольно помедлив, паренёк ушёл.

В тот миг, когда хозяйка с постояльцем словно начала дышать одним дыханием, раздался набатный звон.

Иоганн выскочил на двор. Следом — в одной рубахе, с рогатиной, — Захарка. По Святску слышался лай собак, доносились громкие людские голоса; загорались фонари, и раздавался лязг металла о металл.

— Вон, глядите! — оказавшись рядом, указала рукой Алёна.

На одной из гор, смутно видимой как тёмная громада, пылал сигнальный огонь.

— Война пришла, — перекрестилась хозяйка.

Иоганн остро, болезненно ощутил себя чужим.

«Я — иностранный подданный, — напомнил он себе, подавляя чувства, — нахожусь под защитой правил ведения войны. Мне не должно быть дела до этих событий. Главное, чтобы уцелели записи Марушкина... и мои».

Ангелам тут не место

Командование союзников решило атаковать русских по схеме Помпея Великого — *Divide et impera*², то есть разбить их по частям, но одновременно.

Напасть на Паланские острова было рискованно — там, в порту Александров, находились главные силы Русско-Океанского наместничества; вдобавок, недалеко остров Корабельный — из Нового Кронштадта может придти помощь. Вначале надо отрезать колонии от близких континентальных баз; тогда наместничество само падёт в руки победителей, как перезревший плод.

Лорд Пальмерстон, автор звонкой фразы «Как тяжело живётся на свете, когда с Россией никто не воюет!» наметил цели для десанта — Петропавловск на Камчатке, Святск на Долгом и Острожек на Рурукесе. Владения царя Николая будут рассечены натрое и методически захвачены.

Против Елизаветинских островов был отправлен лучший отряд «китайской» эскадры адмирала Стирлинга, поднаторевшей в расправах над непокорными. Зря, что ли, взяли Гонконг, обобрали Поднебесную на миллионы долларов и принудили открыть пять портов для торговли! Пусть китаёзы курят опиум до сумасшествия. Обкуреными проще править.

Надо срочно урвать себе часть океана — а то весной американцы силой взломали наглухо закрытую Японию, заставили сёгуна подписать договор в Канагаве.

Так отряд коммодора Фарли оказался у Святой бухты — фрегаты «Грифон» и «Кардинал», бриг «Шарлемань» и пароход «Дракон». Экипажи и морпехи — без малого 1800 человек с дальнобойными штуцерами. 120 новейших пушек и бомбических орудий.

Пока пароход, пуская из тонкой трубы драконий дым, делает промеры у входа в бухту, а победители (в том нет сомнений!) любят прекрасным

² Разделяй и властвуй (лат.)

островом и смеются над жалким городишком, самое время вспомнить историю этих краёв.

В начале было Море, и айны называли его Атуй или Руру, а океанийцы — Моана. Но когда жёлтая раса хлынула из глубин центральной Азии, вытесняя, убивая и подчиняя европеоидов южного Китая, это было просто Море, таинственное и великое.

В науке эта раса белых именуется австронезийцами. Они изобрели каноэ с аутриггером и парус, возводили ступенчатые храмы, поклонялись Солнцу и змее. Около 10.000 года до н.э. они по Берингийскому мосту проникли в Америку, а когда сухопутный перешеек скрылся под водой — продолжили плавать морем на юг Аляски и запад Канады.

Они не хотели сливаться с монголоидами (к слову — именно так получились малайцы), а потому сели в свои лодки и поплыли кто куда. Их странствия растянулись на тысячелетия — нам такой туризм не по плечу!

Австронезийцы первыми на рубеже эр высадились в Новой Зеландии (людоеды-маори опоздали лет на тысячу), но построенный ими город в лесу Вайпуа засекречен из соображений толерантности до 2063 года. То есть раскопки его запрещены. Такая вот занимательная археология... а то ведь получится, что каннибалы — не первопроходцы.

Не все уплыли далеко — скажем, айны закрепились в Японии. Со временем туда из Кореи продвинулись предки нынешних японцев. Айны злобно отбивались и приобрели славу несравненных воинов. Недаром считалось, что в сражении один айн стоит ста японцев!

Будущие японцы сделали чисто азиатский вывод: «Если врага не сокрушить, то надо приручить». В итоге айны стали основой сословия самураев, а также династии микадо. Им же принадлежат религия синто, каратэ, саке, обычаи вспарывать себе живот и лакомиться печенью противников. Подлиннее же японцы — маленькие, робкие коротконожки, чей потолок — зарезать спящего (см. ниндзюцу).

Но — как не все австронезийцы согласились стать малайцами, так не все айны бросились записываться в самураи. Кое-кто бился до последнего, оставаясь верным принципу европеоидов «Умираю, но не сдаюсь!» Отступая с потерями, они перешли с Хоккайдо на Курилы... откуда было рукой подать до Русской Океании.

Но чтобы её так назвать, надо было придти русским. И они явились.

Поначалу их деятельность выглядела (и была) противоречивой. С одной стороны — грамотность, православие, новые формы культуры и хозяйства, рогатый скот, полезные злаки и овощи. С другой — экспедиции за недоимками и беглыми, сбор ясака (и откровенные поборы), грубое насилие, взятие заложников. Указ Екатерины II от 1779 года о свободе «мохнатых ряпунцев» и отмене ясака не соблюдался. Из местных жителей формировался слой каюров — полурабов на службе у промышленников. Русские не брали с собой на острова женщин; как следствие браков между русскими, айнками и ительменками сложилась метисная общность «лотарей».

Та же картина была на Аляске и в Русской Америке. Бои с местным населением шли с переменным успехом, но в целом прогрессоры двуглавого орла упорно теснили и ассимилировали туземцев. Более-менее успешно дрались индейцы-тлинкиты... если Барбер продаст им ружья и порох в обмен на пушнину и женщин. Хотя и характер индейцев что-нибудь да значит. Всё ж таки Виннету, потомки гордых австронезийцев.

С нашей стороны им противостояли такие Шеттерхэнды, что невольно залюбуешься. Взять хотя бы лейтенанта Хвостова, прославленного известной рок-оперой. Вспомните: *«Вступя на судно, открыл он то пьянство, которое три месяца к ряду продолжалось... выпил 9 1/2 вёдр французской водки и 21 1/2 ведра крепкого спирту... сплил с кругу корабельных, подмастеров, штурманов и офицеров. Беспросыпное его пьянство лишило его ума...»* Но тот же Резанов с восторгом писал о Хвостове: *«Одного его решимостью спаслись мы, и столько же удачно вышли мы из мест, каменными грядами окружённых».*

Пока Резанов крутил амуры с Кончитой и обмурлыкивал её папашу, лейтенант Хвостов на «Юноне» (как делать нечего!) пересёк Тихий океан и заглянул на Уруп. Затем, на сорок лет опередив Невельского, он высадился на юге Сахалина в заливе Анива и водрузил русский флаг в большом селении айнов. Теперь ясно, чьи эти «северные территории»?

Мы опускаем ряд народов, близких, но непричастных к Русской Океании. Воинственные чукчи, принадлежащие к древнейшей ностратической расе, или полинезийский орден воителей-ареоев сюда вовсе не заглядывали. Оставим в покое и небоеспособных китайцев — чего тут говорить, если в 1644-ом трёхсоттысячная армия маньчжуров покрыла многомиллионную Поднебесную как туз шестёрку, а в 1979-ом армада вторжения Мао (около 600.000 голов) была вышвырнута из Вьетнама одним щелчком ополченцев.

Напоследок приведём мнение человека, который знал, что говорил. Этот англичанин, Тревенин, ходил гардемаринком в последнее плавание Кука, затем служил в нашем флоте, выступал с проектом кругосветки (осуществлённой Крузенштерном и Лисянским). На 30-ом году жизни он погиб за Россию, командуя кораблём при прорыве шведского флота из Выборгского залива. То есть — истый вояка, которому не суждено умереть в своей постели.

Сей беспристрастный свидетель пишет о русских: *«Нельзя желать лучших людей, ибо неловкие, неуклюжие мужики скоро превращались под неприятельскими выстрелами в смыслёных, стойких и бодрых воинов».*

Поклонимся памяти честного храбреца и вернёмся на остров Долгий.

Иоганн Смолер был прав: «Вы тоже приезжие». Однако русские приходили, чтобы остаться навсегда, создать колонию в истинном смысле слова (латинское *colonia* означает «поселение»). Тело империи прирастало, сохраняясь цельным. А носители «бремени белых» — даже до слёз умиления обожая своих темнокожих нянь, — рано или поздно уплывали в Хоббитанию, к бифштекам и портеру, прихватив ящик (или тонны) туземного зо-

лотишка, статуэток и тому подобных безделушек, которые теперь всплывают на аукционах Сотби. «Придти и поселиться» сильно отличается от «урастить и смыться».

Истинное лицо приезжих благодетелей показал в «Мародёрах» Киплинг, отлично знавший своих героев: *«Кто силён, а кто хитёр, / Здесь любой — матёрый вор. / Жаль, всего на свете не сопрём! Хо-рош! Гра-бёж!»*

Итак, на Долгом русские — чужие, но полюбившие эту землю, — встретились с незваными гостями, пришедшими убивать и грабить.

Alien vs Predator³

Фредерик Фарли, коммодор флота Её Величества, взирал на берег сквозь подзорную трубу.

Всё в точности, как описывали американские китобои. Эти продажные молодчики за пару серебряных долларов — точь-в-точь как гавайские девки! — охотно рассказали об устройстве Святой бухты, оборонительных сооружениях и плане городка, где русские кормили их, снабжали всем необходимым и помогали чинить потрёпанные суда. Истинно бостонская плата за гостеприимство!..

Городок лежал в глубине бухты, словно жемчужина в приоткрытой раковине.

«Иван-да-Марья знал, где расположить порт. Недаром говорят, что Господь лично врезал эту бухту в сушу, чтобы дать место городу. Участков для высадки десанта мало. С трёх сторон горы и предгорные холмы. Две седловины с дорогами вглубь острова легко защищать малыми силами... Боновое заграждение... Всё равно им не выкрутиться».

Там, на берегу, определённо видели корабли противника. Казалось бы, ясно — имея втрое меньше пушек и бойцов, надеяться не на что. Только поднять флаг капитуляции и приступить к обсуждению условий сдачи.

Но над Святским фортом по-прежнему развевался русский крепостной флаг. Они вздумали принять бой?

— Ожидание затянулось, — промолвил французский капитан де Сангрэ. — Я возвращаюсь на «Кардинал» и жду вашего сигнала.

Корабли начали входить в бухту. Слышался лишь плеск волн, шорох снастей, свистки и крики команд. Город и берега были безмолвны.

И тут ударили пушки Северомысской батареи, ближе всех к которой оказался левым бортом «Шарлемань».

— Началось, — вздохнул белоглазый голландец, всматриваясь в дымки, вылетающие из леска на севере бухты. — Дьявол, они ловко замаскировали артиллерию! В жизни бы не догадался, что там скрыта засада. Ну, француза потреплют, пока он не возьмёт круто на зюйд!.. Ветер слаб; как бы паровику не пришлось брать их на буксир...

³ Чужой против Хищника (англ.)

В порту Святска война застала иностранные торговые суда — бременский «Зеевульф» и «Марес» из Харлема. Экипажи изнывали от неопределённости и оттого, что кабак перестал торговать «ржаным вином». Ни ведро на вынос, ни даже чарки купить стало невозможно.

— Камрад, — душевно подступил голландец к Иоганну, — я видел у тебя фляжку. Я не прошу об угощении. Плачу три пиастра за глоток.

— Это не фляжка, ты ошибся. — Отогнув полу сюртука, Смолер показал заложённый за пояс револьвер «лефоше».

— Понятно, — подмигнул голландец. — Когда пойдёт неразбериха, можно будет поживиться. В таком деле надо иметь гарантии, верно? Удачи, камрад.

Иоганн был слишком взволнован, чтобы высказать голландцу свои мысли на сей счёт. Над бухтой гулко гремели залпы, испуганные чайки поднялись на высоту и жалобно кричали. Народ собрался на возвышенностях, наблюдая за боем и возбуждённо споря — потопят наши супостатов или те успеют убежать?

«Грифон» прикрыл побитого «Шарлеманя» огнём. Бомбы флагманского фрегата взрывали землю у самого бруствера и с грохотом лопались над батареей. Дым и гарь облаком заволокли лесок на Северном мысу, ответные выстрелы русских стихли, а на кораблях раздались восторженные возгласы.

«Посылайте десант, — просигналил Фарли капитану де Сангрэ. — Заклепайте пушки и захватите комендоров. Нам нужен этот плацдарм для наступления на город».

Затаив дыхание, люди на берегу следили, как с «Кардинала» спускают баркасы и десантные боты, как в них садятся морские пехотинцы. Человек триста с гаком! Заблестели вёсла, десант поплыл к разбомбленной батарее.

— А что Южномысская молчит? — шумели кругом, когда Иоганн проталкивался сквозь людское скопище, чтобы оказаться повыше, для лучшего обзора. — Им далеко, не дострелят! Эх, туда бы солдат — пушкарей-то на Северном мало!..

«Так быстро! — горестно подумал Иоганн, глядя за движением десанта. — К обеду они войдут в город. Увы, не за этим я сюда плыл — а придётся описывать разгром колонии... Силы слишком неравны, личная доблесть тут ничего не решит».

Дым над батареей рассеялся, баркасы и боты были почти у черты приборя, когда грохот и огонь внезапно дали знать, что Северомысская жива. Водяной фонтан с обломками и телами людей взметнулся там, где миг назад плыл большой бот. Следом накренился и опрокинулся баркас, накрыв французов будто крышка гроба.

— Ура! — заорал берег, размахивая руками. Иоганн кричал вместе со всеми, захваченный их воодушевлением, хотя на его глазах гибли десятки людей.

Однако цель была близка, а морпехи не потеряли присутствия духа. Высадившись, они бойко построились в боевой порядок и дружно пряну-

ли к брустверу, за которым — как недавно им казалось, — никого не осталось в живых.

— Картечью! Картечью! — вопили в порту, словно их могли услышать на батарее. Кричавшие не знали, что картечи имелось всего на два заряда, а времени, чтобы снарядить уцелевшие пушки, не было вовсе.

«Их сомнут и растопчут», — мелькнуло в сознании Смолера.

Здесь произошло событие, первое и последнее в своём роде за всю историю Русской Океании. Началом его стал крик, ужасавший Европу со времён Тридцатилетней войны, когда вольная славянская кавалерия показала себя во всём кровавом блеске:

— Каза-а-аки!

Об этом сюрпризе бостонские китобои не могли поведать коммодору Фарли — посещаю колонию в мирное время, они не видели казаков вместе и, что называется, в деле.

Французы дрогнули. Должно быть, сказалась историческая память тех времён, когда казаки гнали Наполеона из России, а затем гарцевали по парижским улицам. И вот — вновь эти жуткие всадники Апокалипсиса на огненных конях!..

Полусотня Паланского полка вырвалась из леска и врезалась во фланг десанту. Штуцерные выстрелы быстро смолкли, доносился лишь глухой, прерывистый стон: «А-а-а-а!» Казаки с невероятным проворством кололи французов пиками, делая выпады, будто шпагой; воздух дрожал стальными бликами. Вслед за казаками подоспела стрелковая партия, бегом посланная из Святска — это были моряки с «Аскольда» под началом мичмана; они ударили в штыки со стороны Северомысской.

Вскоре с десантом было покончено. Части морских пехотинцев удалось бежать к баркасам и отплыть, некоторые догадались бросить оружие и просить пощады, но многие остались лежать мёртвыми и ранеными на пространных перед батареями.

Коммодор Фарли в бешенстве кусал губы. Вместо триумфального входа в городок и торжественного банкета — потери, отступление и дырявый «Шарлемань» на буксире! Не взять превосходящими силами скромный опорный пункт русских — за это в Лондоне не похвалят. Как бы не пришлось расстаться с должностью, а заодно и с честью...

Следует заметить, что коллега Фарли — контр-адмирал Прайс, безуспешно штурмовавший Петропавловск, — не стал долго размышлять, а покончил с собой выстрелом в сердце на глазах у экипажа. Русские, с уважением относящиеся к воинам (хотя бы и вражеским), выделили ему ровно столько земли, сколько заслуживает интервент. Даже назвали мыс, где похоронен Прайс, его именем. Вот, мол, ваше место — погост. Приезжайте чаще, мы ещё ям нароем...

Коммодор оказался не столь щепетилен в вопросах чести британского флага (тем более, погибли какие-то французы-лягушатники). Он только отвёл свою эскадру из бухты, чтобы поставить на якоря вне зоны огня.

Фарли ещё не сказал своего последнего слова. В его распоряжении по-прежнему оставался мощный контингент и артиллерия, числом стволов гораздо больше русской.

Страх и риск

Отпевали матросов, казаков и батарейцев, павших в схватке у Северо-мысской.

«Небольшая церковь Святска, — записал позже Иоганн, — была буквально осаждена толпой горожан и тетенцев, желавших выразить последнюю признательность людям, которые отдали жизни, защищая свою землю. Горе жителей было велико, но на их лицах я видел гордость и великое одушевление победой. Мальёй отряд сбросил в море сильного противника; все считали это большой честью для колонии и русского флага. Всеобщее сострадание вызвал мичман, приведший на помощь казакам стрелков-аскольдовцев — сей молодой офицер был наповал убит штуцерной пулей в грудь, — а замужние женщины особенно плакали над мальчишкой немного старше Стахи».

— Как ребёнок оказался на батарее? — недоумённо спросил Иоганн, когда его отгёрли от самого меньшего из стоявших в ряд гробов.

— Из-за храбрости, — ответил мрачный, закопчённый кузнец и стал пробиваться к выходу; его ждали горн и наковальня.

— Фимка-то? Он кантонист, кокоры к пушкам подавал, — разъяснила немцу круглолицая женщина. — Его батька — Егоров, флотского экипажа кондуктор, третьим слева лежит. Так, обоих сразу, ангелы и взяли.

«Фимка... Значит — Ефим, Евфимий. Как я расскажу о нём дома? Там дети играют, шалют... А здесь под огнём носят пороховые заряды».

Панихида окончилась, прозвучало «Души их во благих водворятся, память их в род и род». Людской поток вынес Иоганна из церкви; очнувшись от тягостных дум, этнограф заработал локтями.

«Я должен обратиться к старшим офицерам».

Он нашёл их вместе — коменданта, старого Иван-да-Марью, капитана «Аскольда» и командира флотского экипажа.

— Господа, приношу извинения, если я вам помешал, но неотложное дело...

— Говорите, герр Смолер, — сухо молвил комендант, — только скорее.

— Прошу зачислить меня волонтёром в стрелковый отряд. Я хочу защищать колонию.

Офицеры молча переглянулись, затем комендант сказал:

— Вы иностранец. Пруссия в войне не участвует...

— Пусть моё подданство не беспокоит вас, — волнуясь, пылко заговорил Иоганн. — Прежде всего я славянин. Политика — дело государей и министров. Лично меня возмущает, что Европа вступилась за турок, против христиан... Здесь живут мои братья, я не могу остаться равнодушным. Уверяю вас — я буду полезен. Неплохо стреляю в цель, хорошо фехтую... вот только управляться со штыком я не обучен.

— Позвольте замолвить слово за герра Смолера, — подал голос сего-

усый Марушкин. — Имея с ним длительную беседу, я убедился — он человек искренний. Не льгот просит, а ставит на кон свою голову. Это по-нашему.

— Согласен, Иван Михайлович, — кивнул комендант. — Герр Смолер, вы приняты добровольцем. Я распоряжусь — вам выдадут оружие и определят в отряд. Принять у вас присягу и зачислить солдатом не могу — всё же подданство... Сражайтесь на свой страх и риск, как партизан. Что у вас говорят, отправляясь на войну?

— С нами Бог. — Иоганн по-военному отдал коменданту честь. На душе стало светло и легко, будто снялись грехи всей прошлой жизни. Преграда, разделявшая его с этими смелыми и чистыми людьми, пала, и он решительно шагнул на их сторону.

«Наверно, я был с ними всегда. Только условности велели мне считать себя чужим».

На «Грифоне» коммодор Фарли принимал капитана де Сангрэ. Командиры эскадры, подавленные первой неудачей и оттого злые, совещались о дальнейших действиях.

— От офицеров мне известно, что солдаты смущены присутствием казаков...

— Прошу вас, Огюст, называйте вещи своими именами. Ваши солдаты боятся этих дикарей с их пиками, хотя казаков меньше эскадрона.

— Их фланговый удар достаточно силён. Как-то ваши «красные мундиры» выдержат его?.. Эти русские — совсем не китайцы, с которыми вы имели дело.

— Там приходилось опасаться лишь маньчжуров. Тактически безграмотные, они, по крайней мере, обладали личной доблестью и не разбегались как крысы. Гибли, но не отступали, даже будучи в меньшинстве.

— В отличие от маньчжуров русские, будучи в меньшинстве, атакуют... Вы, случайно, не знакомы с их инструкцией «Наука побеждать»?

— Я далёк от желания изучать варварские книжонки. Давайте лучше ознакомимся с планом местности. У меня появилась плодотворная идея...

Командиры склонились над картой острова Долгого, изображая живую картину к песне *«Вот в воинственном азарте / Воевода Пальмерстон / Поражает Русь на карте / Указательным перстом»*.

— Иван-да-Марья умно расположил город, но его ум не беспределен. Защищённый с моря, Святск беззащитен со стороны суши. Надо завладеть перевалами, где проходят ведущие к Святску дороги, и ударить русским в тыл. Если одновременно начать высадку десанта при поддержке корабельной артиллерии, дело решится в нашу пользу. Мы заставим их раздробить силы и тем самым ослабим. Казаки не смогут быть сразу в трёх местах!

— Идея и впрямь недурна, — признал де Сангрэ. — Завтра колония станет кондоминиумом Франции и Британии. Предлагаю выпить за нашу победу!

Фарли тонко улыбнулся, звякнув бокалом о бокал.

«Твоих «синих мундиров» я брошу в атаку против портовых укреплений.

Пусть отдуваются, пока мои «красные» без хлопот войдут со стороны гор. Ваш самозванец Наполеон III⁴ должен хорошенько заплатить за право совместного владения!»

— Если нарвёмся на русских, придётся стрелять и маневрировать. Или в вашу миссию входит написать труд «Сибирские рудники глазами очевидца»?

— Сибирь потом. Сначала острова. С тех пор как сказано «*Britannia, rule the waves!*»⁵, никто иной не смеет хозяйничать на море. Игра Испании давно закончена, — сэр Арчибальд снисходительно взглянул на капитана, — а русских следует раз и навсегда пресечь. **

Захарка впервые смотрел на Иоганна без малейшей тени недоверия — напротив, его карий глаз лучился восхищением.

— Вы... в армию вступили?

— Увы, Захария, я не могу присягать императору Николаю, ибо принадлежу к другому государству. Но ваше начальство разрешило мне служить по доброй воле, как волонтеру. Завтра я иду с отрядом на Ерохин перевал.

— Вот, — сияла хозяйка Алёна, — а ты сомневался! Господин Смолер у нас молодец.

— Настоящее. — Стаха трогал стоящее в углу ружьё. — Со штыком, во как!..

— А почему на перевал? зачем из порта уходите? — тревожился Захар.

— На море происходит нечто странное. — Иоганн решил поделиться воинскими новостями. — Пароход и бриг ушли на зюйд и норд по берегам. Перед этим они пересаживали солдат с корабля на корабль...

— Я тоже пойду, — обратился Захар к Алёне. Та сердито взмахнула руками:

— Ещё чего выдумал! Чай, не солдатский сын, тебе приказу не было! Сиди тут. Хочешь, чтобы дом без мужика остался?

— Это моя дорога. — Захарка набычился. — Я должен быть...

— В той стороне твоё селение? — полубопытствовал немец.

— Молчал бы! — в сердцах обозлилась Алёна. Но юный тетенец упрямо твердил своё:

— Я — Ерохин, перевал — Ерохин. Там дорога в небо. Эруахин, она зовётся... это старый бог солнца. Нельзя чужому там ходить. Иначе грех будет...

— А, скажем, я — мне можно? — спросил Иоганн.

— Вы теперь свой.

Алёна еле уняла приёмыша с его бурчанием, уложила Захара и Стаху спать.

Дальше её разговор с Иоганном шёл тихо — и далеко, далеко, до утра.

От седловины Ерохина перевала дорога шла на север. Святск виделся

⁴ по решению Венского конгресса династия Бонапартов была исключена из французского престолонаследия

⁵ Рули, Британия, морями! (англ.).

словно игрушечный город — мозаика домов вокруг серой твердыни форта, а дальше — синева бухты. В голубизне над головой — ни облачка.

Иоганн оглядывался, наслаждаясь дивной и прозрачной панорамой.

«Прекрасное место! поистине священное... Дорога в небо открыта, осталось вступить на неё».

Утро заливало позолотой горы и леса, на высоте дышалось свободно; голоса разносились далеко и звонко:

— Не, англичанка сюда не пойдёт! Как им пройти?

— Откуда им знать, что дорога перекопана? Сдуру и попрут.

— Батарею бы настоящую вырыть, не кое-как. И пушек не две, а четыре поставить.

— Верно, Сеня, инженер-поручик позабыл тебя спросить.

— Эй, немецкий! Тебя как звать?

— Называйте Иваном, — отозвался Иоганн, наблюдая за идущей вдаль белой дорогой. — Это будет точный перевод.

— Правда, что у англичанки под короной — рога?

— Королеву Викторию я лично не видел, только на гравюре и дагерротипе. Никаких рогов не замечал.

— Есть рога, — уверенно говорил здоровяк Сеня. — Чистая сатана.

— А, вон и подмога бежит! Захар, чего принёс? вали к нам!

— Это еда. — Запыхавшийся Захарка подал бойцам корзину. Рогатина, естественно, была при нём.

— Захария, ответь честно — тебе разрешили пойти сюда или ты ушёл самовольно?

— Иду-у-ут! — прокричал издали всадник, пыливший по белой дороге. Бойцы зашевелились, загудели; корзина вмиг была опустошена.

— Я останусь. — Захарка упёр древко рогатины в землю; карий глаз его смотрел твёрдо.

— Ваше благородие, — обратили внимание лейтенанта Гаврилова на нового бойца, — малый тетен к нам прибил. Гнать его?

Офицер смерил паренька взглядом:

— Охотник?

— Так точно, ваше благородие.

— Становись на левый фланг. Вперёд не лезь, держись между штыками. Ну! — Гаврилов огляделся, озирая обращённые к нему суровые, охваченные жаром и страхом лица. — Братцы, вот наше утро. Позади склон; отступить — перебьют. Впереди склон — нам подспорье. После залпа ударим с разбега в штыки, на «ура», а дальше — как Бог даст. Всем ждать команды! Комендоры, стрелки — до команды ни звука.

Красные мундиры англичан приближались как шествие жирных муравьёв. Иоганн захватил трепет: «Их гораздо больше!»

Рядом Захар тискал пальцами рогатину и шептал что-то на тетенском языке. Должно быть, молился старым богам.

«Дорога в небеса... Странное место мы выбрали для обороны. Словно возшли на алтарь. Здесь должна пролиться кровь. Кто-то станет жрецом, кто-то

— жертвой. Всё решит жребий. Я готов метнуть его? Да».

Сзади, издалека, раздались пушечные выстрелы. Привставая, бойцы глядели на город — там, по синему шёлку бухты, к порту приближались фрегаты, рассылая бомбы по береговым батареям. Стоящий на якорях «Аскольд» отвечал им частой пальбой; вдобавок, вели огонь и батареи порта.

Иоганн увидел разрывы бомб среди городских улиц. Местами запылали пожары.

«Боже, что там сейчас творится?!»

— Назад не смотреть! — заорал Гаврилов. — Батарея — то-о-овсь!

Английский строй несколько смешался, заслышав голос от седловины, но упорно продолжал маршировать к перевалу.

— Пли!

Две карточных гранаты лопнули, разрывая строй красных мундиров; следом грянул нестройный залп, выбивая англичан. Лейтенант вскочил:

— Ребята, за мной! в атаку! Ур-р-аа!!

Защитники перевала поднялись и ринулись в штыки, со склона вниз.

Как следовало, Иоганн выбрал своей мишенью офицера — и попал, без сомнений. Теперь не оплошать бы в штыковой — этот вид боя был ему в новинку.

С неистовым криком он мчался вперёд, слыша выстрелы штуцеров, не думая о летящих навстречу жгучих пулях. Сабля колотила по ногам.

Мельком бросил взгляд вправо — Захарка бежал, держась чуть позади.

«Что я скажу Елене, если мальчика убьют?»

Бегущие падали под огнём англичан, но Гаврилов с расчётом выбрал момент залпа и атаки, чтобы быстро войти в столкновение с противником.

Красный мундир механическим, заученным движением попытался отбить штык Иоганна в сторону. У этнографа сработал навык фехтовальщика — он уклонился и мгновенно нанёс смертельный колющий удар.

Прежде он не убивал. Ощущение штыка, входящего в живое тело, передавалось ему по ружью как электрический разряд — ах! плоть, кость, податливая мягкость внутри.

Рывок назад — штык выдернут, хлынула кровь. Англичанин округлил глаза, схватился рукой за грудь, вздохнул — и рухнул.

«Он не ждал такого от штатского», — Иоганн вспомнил, что дерётся в своём тёмном сюртуке.

Промедление едва не стоило ему жизни — другой красный мундир, свирепо оскалив зубы, направил штык в бок Иоганну, но тут вмешался Захарка. Тык — ах! — и враг насажен на рогатину.

— Смерть! — закричал паренёк так яростно, что Иоганна вздёрнуло.

— Смерть! — повторил он клич, орудуя штыком направо и налево. Другие тоже возбудились этим воплем. На склоне зазвучало громче и громче: «Смерть! Смерть!»

Бешенство, с которым пёстрый отряд Гаврилова ударил на врага, обескуражило англичан и привело их в смятение. Даже сознание численного превосходства не могло вернуть им уверенности.

Строй красных мундиров заколебался и — попятился, уступая натиску русских.

Штык сломался — эх, плохая сталь! Иоганн выхватил револьвер. Ни одна пуля не пропала даром. Затем он обнажил саблю, рассмеялся — «О, какой восторг!» — и скрестил её с клинком английского офицера.

— Вы плохо фехтуете! — бросил он тому в лицо. — Сдавайтесь, пока живы! Тот оказался гордым малым и бился, пока не упал, обливаясь кровью.

Последней каплей стал дикий крик, раздавшийся из круговерти общей схватки:

— Каза-а-аки!

Услышав это, англичане потеряли всякое самообладание и обратились в паническое бегство. Им чудилось, что по следу их летят дьявольские всадники, готовые колоть пиками и топтать копытами.

Страх охватил и рядовых, и офицеров. О том, какие чувства владели незадачливым десантом, можно судить по позднейшим записям из офицерских дневников: *«Нас атаковали силами трёх полных рот при поддержке казаков и артиллерии. Натиск врага был ужасен», «Мы едва успели вернуться к баркасам, спущенным с парохода, и грузились в чрезвычайной спешке, по грудь в воде, таща на плечах товарищей, издающих раздирающие душу стоны. Гребцов едва хватало на треть наличных вёсел... Орудия «Дракона» грохотали, осьпая берег бомбами, чтобы отогнать русских».*

Между тем погони... не было!

— Отставить преследование! К позиции! — прохрипел Гаврилов, дважды раненый, но державший саблю в руке. — Взять раненых, убитых! занять позицию!.. Зар-рядить орудия! Где казаки?.. Кто кричал «казаки»?

— Здорово, да? — выдохнул Захарка, возникнув рядом с Иоганном.

— Ах ты, неслух...

Торопясь, пока отряд не отступил, Захар омочил рогатину в крови англичанина и вскинул оружие к небу с криком:

— У-Эруахин, эруа ва инаха!

«Он весьма стеснялся этого поступка и долго молчал о сём, но однажды объяснил мне смысл своих слов: «О боже, небесный путь — наш!»

Казаки оказались помянуты не всуе. Едва стрелковый отряд вновь занял седловину, как от Святска на рысях подоспел подхорунжий Бобылёв с десятком соратников:

— Чего ракету не пускали? — закричал он на гавриловских. — Сказано ж было — если насядет англичанка, запускай феверку, мы прискачем!

— Без вас обошлись! — хвалились гавриловские — битые, стреляные, но донельзя гордые. — Сами-то, в городе, как?

— Отогнали сатану, — махнул чубом Бобылёв. — Пять баркасов потопили начисто — вон, наши пленных вылавливают, — а с «Аскольда» их флагман подбили не худо, его француз на буксир взял. Но по городу они, поганцы, отбомбились сильно...

...В Святск отряд Гаврилова вернулся только к вечеру, когда комендант прислал смену и разрешил идти на отдых.

Иоганн и Захарка шли по своей улице, на сердце становилось всё темней. Бомбы зажгли много домов, иные порушили, и плач стоял вдоль всего порядка.

Вместо Алёниного дома дымились развалины. Пожар был погашен, брёвна уже растащили, а хозяйку и Стаху вынесли, положили в стороне, накрыв рогожами.

Захар уронил кровавую рогатину, пал на колени, да так и замер.

Глядя на обгорелые ноги, торчащие из-под рогожи, Иоганн пытался вспомнить минувшую ночь. Но в памяти возникали лишь искажённые лица «красных мундиров», блеск штыков и клинков, крики, сумятица боя.

«Как теперь заниматься наукой?.. Мне кажется, я умер. Или родился. Наверно, это очень похожие вещи... Я должен остаться, закончить исследования. Я не смогу уехать».

Возвращение домой

«Стыд и срам» — так можно описать достижения союзников на берегах России.

В Крыму им сопутствовал успех, война в итоге была выиграна, но все другие атаки бесславно провалились.

Петропавловск и Святск отбили нападения.

Острожек на Рурукесе англо-французы взяли (вернее сказать, русские его заранее оставили, чтоб избежать напрасных потерь). На острове вмиг развязалась партизанская война с участием туземцев-кумар, заставившая интервентов ощущать себя сидящими на сковородке. Вскоре из Александрова пришли фрегат «Волга» с корветом «Амур» — и союзникам пришлось удирать.

Широко известна оборона Соловков — яростная, но бесплодная бомбардировка монастыря, по стенам которого при обстреле шёл крестный ход. Корабли противника получили повреждения от допотопных монастырских пушчонок, а «подвиги» англичан свелись к поджогам, краже скота и взлому часовни, где они спёрли колокольчики и раскидали по полу медяки из церковной кружки...

Тогда в газетах Европы и Америки можно было прочесть: *«Англичане проглотили такую пилюлю, которая останется позорным пятном в истории просвещённых мореплавателей и которую никогда не смоют волны всех пяти океанов».*

Отвага и стойкость русских воинов вошли в учебники истории как пример, достойный вечной памяти.

Три года спустя Иоганн Смолер улаживал в Берлине дела, связанные с принятием российского подданства и публикацией записок — о военных событиях в Русской Океании и об этнографии северных океанийцев.

Прусские чиновники и учёные обходились с молодым рюгенцем, не скрывая неприязни. В их глазах он был почти изменником: предался варварам, выступил на их стороне и *обрусел*, что совершенно непростительно.

Русский посланник встретил его куда проще — выложил на стол кошель: — Долго ехали, герр Смолер! Вот ваша награда — семьдесят пять рублей. Об этом проведали в учреждениях прусского королевства:

— Говорят, вы получили от русского правительства подачку за свои ста-тейки?

— Вы тоже можете получить семьдесят пять рублей, — легко ответил Иоганн, — если лично убьёте в бою нескольких англичан. Возьмётесь?.. Если нет — мне с вами не о чем толковать.

Любопытная персона этот Смолер... Его пригласил к себе Бисмарк — он вернулся из Парижа, где встречался с Наполеоном III, и собирался ехать по-слом в Россию.

— Дорогой Иоганн, оставьте ваши затеи с переменной подданства. Вы хо-рошо изучили восточную политику империи, вы деятельный и смелый че-ловек — мне такие нужны. Предлагаю место атташе в моём посольстве.

— Уважаемый Отто, жалею, что вынужден отклонить ваше предложе-ние. На островах меня ждёт невеста — и много, много работы.

— Туземка? — хмуро спросил Бисмарк.

— Русская. Там все — русские. Они позволили мне вспомнить, кто я на са-мом деле. Дай Бог, чтобы и вам так повезло. *Тогда мы встретимся*, — приба-вил Иоганн по-вендски, но Бисмарк сделал вид, что не понимает родного языка.

Иван Смоляров стал известным этнографом; он составил полные лекси-коны тетенского и кумарского языков, а также подробное описание тузем-ных обычаев и традиций, которые успел застать. Милая Устинья — старшая сестра Захара, — была его верной помощницей на этом поприще.

Однажды, в годовщину славной обороны Святска он с женой и детьми поднялся на Ерохин перевал.

Смоляров шёл с той же крепкой тростью, которой когда-то дрался. Ста-рая трость всегда была при нём.

День выдался светлый и чистый; синее небо простиралось на весь мир, сливаясь на окоеме со сверкающими водами океана. Казалось — оглянув-шись, можно охватить взором целый остров. Изжелта-белые горы, одетые вечнозелёным лесом, бархатные долины, россыпи селений — пейзаж сиял зеленью и золотом.

— Здесь мы стояли перед атакой... Здесь ваш дядя — слышите, ребята? — спас мне жизнь. Здесь я бился с английским офицером...

Как велит обычай, на перевале установили высокий крест из япон-ской криптомерии, с бронзовой табличкой. Русские украсили его венка-ми, а туземцы — как встарь, — положили к подножию языческие жерт-вы: корзинки с ягодами, перевитые цветные ленты, бисерные ожерелья. По их поверьям, павшие герои стали божествами, духами, оберегающи-ми остров.

— Прочти надпись, — велел Смоляров сыну после того, как семья покло-нилась кресту.

— *«Ведомые к Отечеству любовью, здесь храбрые легли, венчаны кровью.»*

Их жертвою честь наша спасена, земля сия навек закреплена» — старательно выговорил мальчик. — Тут ещё по-тетенски, батюшка. Это читать?

— Обязательно. — Иоганн поднял глаза, пытаясь увидеть ту волшебную дорогу, которая на миг открылась ему после боя — путь в белых облаках, ведущий к солнцу.

Скитальцы ходят тёмными путями, отыскивая кто дом родной, кто Беловодье, но однажды лабиринт дорог, морских и сухопутных, замыкается последней, самой главной и прямой дорогой, приводящей к цели. Пройдя по ней, озираешься и понимаешь — ты достиг того, к чему стремился.

«Вот мой мир, от края до края. Здесь Рюген с его древними святилищами, мои братья и жизнь моя. Всё прочее — за морем, чуждо и невидимо. Я пришёл с открытым сердцем и был награждён своим местом на Земле. Прочие, незваные — будут отвергнуты и выброшены. Читай, сынок».

— *У-Эруахин, эруа ва инаха*. Это значит...

— Я знаю. Небесный путь — наш. Мы пришли по нему — навсегда.

АНДРЕЙ ШМАЛЬТКО

«ТИХО САМ С СОБОЮ...» (ЦВЕТЫ И ЯГОДКИ САМИЗДАТА)

Стоя у океанского берега, у самого края непредставимо громадной по сравнению с нами, двуногими муравьями, шири, мы испытываем разные чувства, но в них есть всегда общее — ощущение величия. Океан может быть добрым, страшным, ненавистным, любимым — но никогда не станет мелким. Таков данный природой и Господом масштаб, неизменный и привычный. Океан — и этим все сказано.

Литература — тот же Океан, сотворенный людским трудом и воображением, но определено по Высшей воле. Человеку, как и Тому, Кто его сотворил, дано создавать миры по своему замыслу и усмотрению. То, что эти миры виртуальны, ничуть не уменьшает ни размаха сделанного, ни его воздействие на нас. Океан — что еще добавить? Приступая к его измерению и изучению, требуется запастись не только терпением, но и немалым смирением. Ты — один, а перед тобою труды многих поколений. По душе тебе они, не по душе, все равно ты не слишком велик и заметен по сравнению со сделанным и сотворенным до тебя. Даже если берешь для исследования малый сектор, скромный залив у самого берега. Масштаб все равно несопоставим. Малая часть великого не может быть ничтожной и пошлой.

Впрочем, объект нами избранный, отнюдь не мал. Литература беззаконная и незаконная, издаваемая помимо воли державы и общества — очень заметная часть рукотворного Океана. Самиздат родился одновременно с самой литературой, в нашем же привычном печатном виде, оформился и увидел свет немногим позже «Библии» Иоганна Гуттенберга. Примечательно, что именно Книги Священного писания стали чуть ли не первым европейским самиздатом — те, что издавались на национальных языках помимо воли Церкви. Так что к моменту, когда позабытый ныне поэт Николай Глазков семь десятков лет тому назад изобрел знакомый нам всем термин (первоначально — «самсебяиздат»), само явление было более чем известно. Термин, впрочем, появился не случайно. Это сейчас нам доказывают, что в покойном СССР царили свобода и терпимость. Пусть доказывают, не жалко, но Самиздат родился и расцвел среди наших осин определенно незря. Причем издавали, распространяли и читали его не только всякие там пропалченные сигуранцами «сиденты» и «отсиденты», но и мы, скромные и законопослушные любители Фантастики. Кто постарше, помнит, прочим же рекомендую несколько очень толковых исследований

на этот счет¹. Посему о прошлом («Есть — отстуканы четыре копии!» А.Галич) повторяться нет нужды, поглядим на день сегодняшний. Казалось бы, зачем? В одном из помянутых исследований прямо утверждается, что период «фантастического самиздата» завершился в начале 1990-х². Дела давно минувших дней, пожива для историка литературы.

Конечно, даже на первый, поверхностный взгляд это далеко не так. Уже в конце 1990-х стало очевидно, что фантсамиздат никуда не делся, оставаясь прежде всего голосом бессмертного Фэндома — неформального сообщества любителей фантастики³. По-прежнему издаются фэнзины и близкие им издания, электронные и (реже) традиционно-бумажные, прогремела недолгая, но яркая эпопея «фидошной фэнзинерства», эпоха интернета позволила собрать и систематизировать наше «фантастическое» наследие, включая и его когда-то «самиздатовский» фланг. К рубежу тысячелетий могло сложиться впечатление, что фантсамиздат останется, но как сугубо локальное явление, обслуживающее главным образом все тот же Фэндом. И основной упор будет делаться не на художественные произведения (пресловутые «тексты»), а на публицистику, критику и библиографию — ту их часть, что не находит себе места в бумажных «настоящих» изданиях. «Продукт самореализации невостребованных талантов» — как выразился один известный критик⁴. По крайней мере, именно такие прогнозы были слышны десять лет назад.

А между тем именно тогда, на изломе века, оформилось явление, полностью изменившее характер фантсамиздата. В 1999 году появился первый в русском интернете полностью самостоятельный и обособленный сайт со свободной публикацией произведений⁵. «Сетература», в том числе «фантастическая», прежде считавшаяся чем-то экзотичным и маргинальным, внезапно приобрела совсем иные масштабы. Поначалу это событие не смогли оценить даже специалисты. Максим Мошков лишь констатировал: «Разница только в том, что раньше издавался один из тысячи, а теперь будет — каждый пятый»⁶. Насчет «каждого пятого» Максим, конечно, погорячился, а вот «разницы» не почувствовал. Перемены же были не только количественные — наступала новая эпоха. Для

1. Игорь Халымбаджа, Фантастический самиздат, журнал «Если», № 9, 1998; Дмитрий Байкалов. «Фантастический самиздат — электронная версия. — журнал «Если», № 11- 1998; Холодилин М. В. История советского фантастического самиздата. — «Ученые записки Спб филиала РТА», 2004, 2(22), С. 240-260

2. Холодилин М.В. Указ. Соч., С. 260.

3. Дмитрий Байкалов. Указ соч.

4. Там же.

5. Алексей Караковский. Публикация в интернете: история и практика. Руководство для пользователей // <http://www.proza.ru/avtor/karakovski>

6. «Интернет убьет кино, вино и домино», интервью Ильи Овчинникова с Максимом Мошковым. // www.russ.ru/journal/media/97-10-03/moshkw.htm

нашей Фантастики главным в ней было появление принципиально нового направления — сетевого фантсамиздата, причем с упором не на критику и публицистику, а именно на «тексты». О том, что это явление не локальное, можно понять, заглянув в первое попавшееся самиздатовское «гнездо».

Заглянем.

Журнал «Самиздат».

Наименований (конец марта 2009 года).

Фантастика — 26781.

Фэнтези — 29958

Киберпанк — 1841

Не станем задумываться, много это — или мало, ибо и «много» и «мало» познается лишь в сравнении. Отметим иное. «Самостийное», так сказать, «альбомное» творчество существовало всегда, однако в прежние времена его распространение лимитировалось возможностями пишущей машинки (те самые «четыре копии» Галича). В результате то, что писалось, как правило отправлялось в пресловутый «стол», становясь известным в лучшем случае узкому кругу друзей-приятелей. Самиздатский «мейнстрим» такие произведения обычно игнорировал, сосредотачиваясь на более известном. В «старом» самиздате можно было найти Стругацких, Саймака и Толкиена, но отнюдь не скромного Васю Пупкина. Теперь же «продукт самореализации невестребованных талантов» пробил широкую дорогу к потенциальному читателю. Почти 70 тысяч произведений только в одном «журнале»! В любом случае, это — масштаб.

Дело, однако, не только в количестве. Прежде «невестребованные» Васи Пупкины, способные в лучшем случае сойтись втроем-вчетвером для совместного плача в жилетку, ныне имеют возможность сбиться в Стаю. А это уже нечто принципиально иное. Одного-единственного «невестребованного» можно просто не замечать. А когда их два-три десятка тысяч, да еще не порознь, а в толпе? Дело даже не в таланте и усердии. Пусть все они гении. Дружная толпа гениев размером в хорошую армию! Представьте, что этакое вывалит на улицу среднего областного центра. Внушает? Главное, повторяюсь, не количество, а то, что перед нами уже нечто, имеющее хоть самую примитивную, но организацию. Не станем вспоминать «Преступную толпу» Гюстава Лебона, но даже в самой невинной компании немедленно начинают прорастать многообразные внутренние связи, а заодно и ощущение принадлежности к помянутой Стае. Старому Фэндому такое тоже свойственно, но там все определялось Идеей (любишь Фантастику, значит свой). Теперь же все определяет Место (тусуешься с нами — или нет). Если вспомнить, что в Сети собираются в основном все те же «невестребованные», то картина выходит весьма, скажем мягко, амбивалентной. На самом же примитивном уровне это выглядит так. Некие «невестребованные», не попавшие в Стаю (в «бумажную» литературу), собравшись вместе, спешат создать свою собственную Стаю, причем она изначально будет восприниматься, как нечто «хорошее»,

противостоящее «плохому» миру, где их, «невостребованных», не оценили. Как это выглядит на практике, легко может представить каждый, помнящий споры о взаимоотношениях Фантастики и «боллитры». У лилипутов должны быть свои лилипуты: фантастическое литературное «гетто» неизбежно порождает «гетто» собственное, из тех, кто этажом ниже. Естественно, эти «нижние» воспринимают свое место совершенно иначе. Что такое для истинного фэна «боллитра»? Скопище исписавшихся графоманов, существующих исключительно благодаря доступу к СМИ и престижным издательствам.

А что такое мы, «бумажные» фантасты, для наших сетевых коллег?

Естественно, новая Стая спешит воспроизвести всю привычную иерархию, чтоб было «как у взрослых». Выдвигаются свои авторитеты (вожди, властители дум), при них — подпевалы. Где вожди — там и вожди непризнанные, и нарушители спокойствия, и те, кого не положено пускать на порог. Фактически, мы имеем дело с гротескным, но точным подобием Литературы, как таковой, но не в мировом и не в национальном масштабе, а в сетевом закутке. Всё то же самое, всё в комплекте, остается одно — утвердиться. Делается это, как известно, двумя путями: следует доказать, что «мы» лучшие — и (или), что «они» плохие, хуже некуда.

Само собой, наиболее успешные в своей Стае стремятся перепрыгнуть на соседнее дерево, пусть «плохое», но зато высокое. «Звезды» самиздата более-менее успешно пробиваются в «бумажную» литературу. Каждый такой успех вызывает одобрительные клики всей Стаи вот, мол, «наш» сумел, прорвался! И это знакомо. Вспомним невинную радость наших коллег, отмеченных «большой» критикой или (о, счастливыцы!) сумевших издаться в могучем «толстом» журнале тиражом в триста экземпляров. Как ни уютна наша «черта оседлости», а в большой мир все-таки хочется.

Весь этот путь сетевой фансамиздат уже прошел. Явление устоялось, значит, можно подводить предварительные итоги.

Прежде всего, сложение мощного многоголового и многорукого «виртуального» сектора Фантастики не только не отменило его «бумажную» часть, но и существенно на оную не повлияло. Подозреваю, что значительная часть тех, кто читает «обычную» Фантастику (не только в бумажном, но и в электронном ее эквиваленте) даже не подозревает о существовании виртуального «фантастического материка». И в этом повторяется история с «боллитрой» и «гетто». Те, что сидят на более высоком (в традиционном понимании) дереве, не желают смотреть вниз. С другой стороны многочисленные комментарии «сетевиков» свидетельствуют, что по крайней мере часть из них дела «бумажной» Фантастики тоже не шибко интересуют. Да, все повторяется, причем не карикатурно, не в виде фарса, как считал Маркс, а почти один к одному. Нет, однако, худа без добра. Оценивая степень чужой «тусовочности», мы неизбежно должны сравнить ее с собственной — и сделать, ежели возможно, выводы. Там очередное сетевое сообщество, здесь — наш привычный Фэндом. Если присмотреться — велика ли разница?

Итак, предварительный итог прост и очевиден. За последние десять лет сформировался новый сектор Фантастики — электронный самиздат, существующий главным образом в сетевых сообществах. Сектор этот велик и разнообразен, причем существует он в соответствии с хорошо знакомыми и близкими нам традициями, характерными, как для Фэндомов, так и для «боллитры».

На этом вроде бы можно и точки ставить. Или все-таки рано?

Оценочных суждений все-таки не избежать, хотя бы в самом общем плане. Что дает нашей Фантастике это столь весомое прибавление? Что отнимает?

Начнем с самого, пожалуй, важного — так сказать, с уровня. И сразу проблема. На чьи оценки можно положиться? Кто судья?

Не открою Америки, если констатирую, что взаимная оценка «бумажников» и «сетевиков» приблизительно одинакова.

Вот, например, первое попавшееся (из недавнего письма) частное суждение одного известного писателя-фантаста, человека «по жизни» весьма добродушного и отнюдь не сноба, по поводу некоего сетевого конкурса:

«...Побывал я членом жюри. Две трети присланного — дамские фентезюхи (брат любит подругу, подруга — деньги, но в замке прячется вампир), мужское же...»

Цитату прервем — там еще менее политкорректно. Высказывание это весьма типично. «Бумажники» обращают внимание прежде всего на низкий литературный уровень сетевого творчества (замысел, сюжет, язык, образы), его глубокую и очевидную вторичность. Недаром в Сети полным-полно всякого рода фанфиков, подражаний, сиквелов с приквелами. В общем, типичный альбом уездной барышни, размноженный усилиями современной техники.

Однако и «сетевикам» есть, что сказать. Упреки их по адресу «бумажников» достаточно разнообразны, но легко сводимы к элементарному: «они» пишут за деньги, «им» денег не хватает, посему «они» быстро исписываются и вынуждены гнать «поток». А вот «мы», сетевые, свободны — и пишем «свободные» тексты.

Между прочим, любопытное наблюдение. В Фэндоме (настоящем) о деньгах говорят мало, только если по делу. А вот «виртуалы» поминают таковые буквально через слово. Почти каждая рецензия на «бумажную» книгу начинается с того, что автору, видать, не хватало денег, денег, денег... Почему так? Думаю, для правильного ответа не требуется дедушка Фрейд.

Взаимные упреки и, более того, взаимное неприятие не должны удивлять. «Сетевики» чувствуют себя вполне самостоятельной частью Литературы, поэтому первым делом включают механизм опознания «свой-чужой». Если чужой — он по определению плох (исключения, конечно, есть, но на то они и исключения). Все, как у взрослых.

И вновь можно было бы ставить точку, констатировав, что в ходе распада когда-то единой Советской Литературы и мутации ее обломков возник еще

один — вполне самостоятельный сетевой конгломерат фантастов, в свою очередь состоящий из отдельных часто очень недружных сегментов. Есть Фантастика — и есть Фантастика Сетевая, а потому просим не путать. Так?

В принципе, так, но только в принципе, различия все-таки есть, причем различия принципиальные. Именно они не позволяют зачислить Сетевую Фантастику в число существующих ныне «литератур». По крайней мере, на полных правах.

Первое, самое очевидное отличие — это способ существования Фантастики «просто» и Фантастики сетевой. «Бумажники» пишут и отдают в издательства книги, становящиеся после выхода в свет самостоятельным и самодостаточным объектом Литературы. Изданная книга как бы разрывает невидимую пуповину, связывающую ее с автором, и начинает существовать сама по себе. Она ищет и находит читателей, она пылится на полке или, напротив, переходит из рук в руки. Автор может лишь следить за тем, какая судьба выпала его дечищу. Не то в Сети. Сам процесс создания текста там более коллективен, чем индивидуален. Пресловутые «бета-тестеры», дающие автору советы, являются одновременно и читателями. Авторы пишут не для мира, а для достаточно узкого «тусовочного» круга, в результате «текст» становится в значительной мере совместным интеллектуальным «продуктом». В общем, сами пишем, сами редактируем, сами читаем. Не понравилось — не страшно, можно и переписать, ибо «текст» здесь, никуда не делся, не ушел в самостоятельное странствие. Все это очень напоминает студенческое творчество, когда сидя на задней парте, некий непризнанный «автор» прямо на лекциях ваяет нетленку. Соседи читают, подсказывают, дают советы. Все тот же альбом уездной барышни.

Отсюда и возникает непонимание: «сетевые» не понимают «бумажных». Давеча виртуальное фэньё подняло дикий вой по поводу самой невинной фразы: автор ничего не должен читателю, кроме книги. Он не обязан пояснять свой замысел, оправдываться, приводить доказательства, отвечать на рецензии и вообще, как-то реагировать на читателя. Более того, по истинному счету он не должен ни радоваться, ни огорчаться судьбе своего творения — ибо это уже не его судьба. Не я это придумал. Вспомним!

*Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.*

«Сетевики» такое понимать отказываются, ибо существуют по иным «понятиям» — тусовочным. «Текст» творили вместе, помогали, советы давали, значит, автор им обязан «по жизни». Обязан считаться, учитывать мнения, объясняться, кланяться и благодарить. С точки зрения тусовочных «понятий» они правы — но не с точки зрения Литературы. Не обязан писатель вас оспаривать, фэньё!

Итак, «сетевики» пишут прежде всего для «своих», то есть, повторимся, для достаточно узкого тусовочного круга. Но (и тут начинается различие второе) что это за круг? Альбом уездной барышни читают соседи и заезжие

гусары. Студенческий опус пишется для таких же студентов. А сетевые фантасты? Каков их «круг»?

Ответ просто и понятен: это не круг, а целый рукотворный мир, именуемый Всемирная Сеть. Интернет.

Осмысление глобальной проблемы «Человек и Сеть» оставим для специалистов, поглядим на вопрос с наипростейшей, бытовой точки зрения. Поскольку Интернет, как ни крути, числит среди своих предков самый обычный телефон, давайте вспомним. Сам по себе телефон — вещь очень полезная и нужная, все им пользуются по мере необходимости. Но есть те, кто способен часами «висеть на трубке», пока мембрана дымом не пойдет. Есть и другие, любители анонимных звонков среди ночи. Как мы к такой публике относимся?

Кстати, телефон, как позже и Сеть, даровал помянутой публике уникальную возможность — стать анонимом, человеком-невидимкой. Между нами говоря, зачем хорошему человеку невидимость, если он не фронтовой разведчик? Добрых дел и добрых слов люди не стыдятся. Зато всяким прочим подобная «свобода» очень даже нужна. Телефонная «анонимность» плавно переросла в сетевую «свободу» — ту, которой так гордится наше фэньё. Свободу — для чего? Не для борьбы же за права человека в Парагвае!

Более того! Интернет стал идеальным убежищем для тех, кому в настоящей жизни неуютно. Велик мир — и сложен. К счастью для них, Сеть позволяет выстроить свой собственный мирок, пусть маленький, но уютный — для своих, таких же места не нашедших. Не станет нормальный человек уходить с головой в «виртуалку» — незачем это ему. А вот всяким прочим...

Классики словно предчувствовали. Помните у Ильфа с Петровым?

«Параллельно большому миру, где живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами. В большом мире изобретен дизель-мотор, написаны «Мертвые души», построена Днепровская гидростанция: В маленьком мире изобретен кричащий пузырь «уйди-уйди», написана песня «Кирпичики» и построены брюки фасона «полпред». В большом мире людьми двигает стремление облагодетельствовать человечество. Маленький мир далек от таких высоких материй»

Можно и добавить: малый мир знает, что он мал — и за свою мизерность пытается мстить тем, кто из большого. Не так давно Лео Каганов, человек умный и наблюдательный, обратил внимание на то, с какой радостью «маленький мир» Сети встречает смерть любого известного человека. А почему бы не порадоваться в полный голос? «Свобода!»

Итак, рядом с большим Миром, сотворенным Господом и Эволюцией, возник рукотворный мирок злобных ущербных коротышек. А таковым требуется полный комплект удовольствий, включая литературу и, само собой, Фантастику. Вот и растет фантазмиздат, вот и зашкаливает. Недаром самые толковые из публикующихся в Сети стремятся выскочить на

«бумажный» уровень. Нет, не из-за денег — а ради возможности обратиться к Миру, а не к узкой самодовольной тусовке. Вести беседу «тихо сам с собою» и еще с несколькими такими же, ей-ей, чревато. Посему те, кто выкладывает свои первые творения в Сеть, не должны обижаться. То, что вы делаете — только начало, так сказать, первый телефонный звонок. Но полноценно жить и творить, существуя внутри провода, невозможно. Положите трубку — и шагайте в настоящий большой мир. Это нелегко, но, да позволено будет заметить, это и есть Жизнь.

Вот и все цветочки с ягодками. Можно было бы и добавить, что благоухание, доносящееся из глубин Сети, способно отравить даже здоровую плоть. «Сетевые» сообщества, подобно небезызвестному салону госпожи де Рамбуйе («Жизнь господина де Мольера», помните?)⁷ пытаются навязать Фантастике и ущербный язык, и ущербные сюжеты, и свои «драгоценные» нравы. Но — воздержусь. У нашей Фантастики и так много проблем, «сетевая», к счастью, никак не относится к приоритетным. Маленький мир все-таки никогда не станет большим. Коротышки думают иначе — и пусть думают. У лилипутов должны быть свои лилипуты.

Океан навевает мысли о величии. Каким бы он ни был, Океан остается Океаном, в нем нет места пошлости. Луза, сколь глубока и ароматна ни была, подобных мыслей вызвать не может.

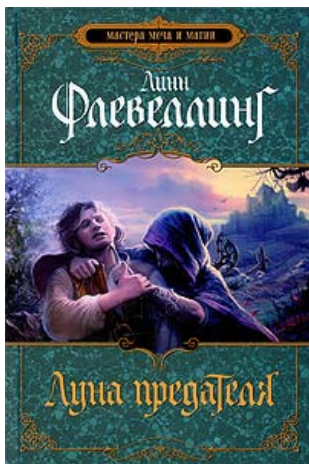
Будем смотреть на Океан.

---

⁷. «Громадный воз чепухи въехал во французскую литературу, и галиматья совершенно заполонила драгоценные головы. Кроме того, последовательницы Мадлены Скюдери окончательно засорили язык и даже поставили под удар и самое правописание. В одной из дамских голов созрел замечательный проект: для того чтобы сделать правописание доступным для женщин, которые, как всегда, значительно поотстали от мужчин, дама предложила писать слова так, как они выговариваются...» Михаил Булгаков, Жизнь господина де Мольера.

НАИЛЯ ШАМГУНОВА

ЧЕЛОВЕК В СЕРЕБРЯНОЙ МАСКЕ

Линн Флевелинг. Луна предателя. — М.: Эксмо, Домино, 2009. — 688 с.

Некоторые фэнтези-романы лишь используют другие миры и магию как декорации для сложных философских рассуждений или правдивого изображения характеров. Цикл Линн Флевелинг «Ночные странники» (в который входят также романы «Мечь тёмного бога» и «Крадущаяся тьма») ни на минуту не забывает о своей фэнтезийной сущности. Да, это самая настоящая волшебная история, причем собственно волшебство и сама история играют в ней лидирующую роль.

Итак, в первых двух томах перед нами разворачивалась очень интересная история, камерная и эпичная одновременно. Первые два тома — завершённая диалогия, оставляющая простор для создания продолжения. Таким образом, «Луна предателя» — вполне завершённое произведение, которое, однако, лучше не читать без первых двух томов. Дело не в сюжете — Флевелинг поступила очень мудро, каждый момент разъяснен для тех, кто не читал предыдущие части, в двух-трех фразах. Атмосфера — главное достоинство книг автора — наиболее ярко проявляется в первых двух частях. Волшебная и уютная, атмосфера истинной фэнтези, почему-то довольно редко встречается в книгах этого жанра. Третий же том имеет несколько другую направленность. Он чуть жестче, грубее и, на первый взгляд, скучнее первых двух.

Во-первых, в «Луне предателя» очень много интриг, точнее, претензии на интриги. На деле «виновник торжества» просчитывается примерно на середине повествования, но автор почему-то упрямо водит и читателя, и героя сквозь множество многозначительных фраз, туманных предсказаний и обрывочных сведений. Таким образом, создается иллюзия сложности местной игры престолов. Иногда начинает казаться, что автору просто не хватило мастерства задать читателю действительно непростую задачку, отсюда и эти попытки искусственного усложнения сюжета книги.

Определённое чувство дискомфорта вызывает и попытка автора покопаться в душе Серегилы. С одной стороны, этот персонаж запомнился в первую очередь своей загадочностью, аурой тайны. Здесь же его прошлое, переживание и проблемы показаны довольно подробно, но нереалистично. В итоге благородное начинание превращается чуть ли не в фарс, настолько ме-

лодраматичны и банальны некоторые моменты, связанные с попыткой раскрытия образа главного героя. С другой стороны, Серегил — настолько любившийся герой, что просто читать о нем хоть что-то — уже большое удовольствие, а некоторые моменты биографии, волновавшие читателя в начальной дилогии, прояснены в третьей книге в полной мере.

Естественно, говоря о Серегиле, невозможно обойти вниманием его тали, возлюбленного, Алека и их отношения. Надо заметить, что в любовной линии стало намного меньше щемящей нежности и неопределенности, чем в первых двух томах. Да, Алек и Серегил — любовники, и не скрывают этого. То есть из книги априори исчезли все терзания Серегила относительно его чувств. И еще. На протяжении всей книги они расстаются максимум на несколько часов. Казалось бы, написать что-то напряженное, не разделив возлюбленных, проблематично. Но с этой задачей Флевелинг справилась отлично.

Несмотря на все достоинства книги, все же приходится признать, что она интересна в первую очередь за счет полюбившихся героев и знакомого мира. В то же время, несмотря на все недостатки романа, его нельзя назвать просто дополнением к начальной дилогии. Скорее, это — мостик к следующей части и еще один кирпичик в мироздании удивительного края, созданного неистощимой фантазией весьма и весьма достойного автора.

Рекомендую к прочтению, но только после ознакомления с начальной дилогией.

Первое издание давно стало раритетом, поэтому особых альтернатив нет. В современном издании сохранен прекрасный перевод 1996 года.

НАИЛЯ ШАМГУНОВА

МЫ ВСЕ УЧИЛИСЬ ПОНЕМНОГУ...

Анна Гурова. Грозовая жемчужина. – М.: АСТ, СПб.: Хранитель, 2008. – 416 с.

Одна из самых сложных для написания форм циклов — дилогия — очень редко используется авторами. Вот и произведение Гуровой — не дилогия, а начало как минимум трех-, а скорее — четырех- или пятитомной эпопеи. Но начало очень и очень достойное.

Одна из особенностей первого романа («Лунный воин») — сюжетные линии прошлого и настоящего — еще ярче проявляется в этом. Если в первом романе с самого начала было понятно, кто, зачем и почему, а мы лишь следили за развитием событий, то теперь мозаика эпизодов складывается в единую историю, причем последний

кусочек мы получим аккуратно к концу книги.

Фактически в романе две основные сюжетные линии — Кима и Сахемоти/Кагеру. Причем создается впечатление, что первая занимает гораздо меньше пространства повествования. Формально главный герой все еще Ким, но на самом деле намного больше интереса вызывает история бывшего киримского бога Сахемоти, пытающегося вернуть себе былое могущество, и его раба — чародея Кагеру, основного антагониста первой части. Изюминка в том, что теперь Кагеру оказался именно в такой ситуации, в которую поставил Мотылька в первой части. Его попытки освободиться, вернуть себе даже не могущество и силу, а просто возможность полноценно жить — один из трех основных сюжетов книги. Образ чародея вышел довольно занимательным — это не классический темный маг, стремящийся подчинить себе силы природы. Его цели, в принципе, достаточно благородны, а средства... Что ж, каждый выживает так, как может.

Другая большая загадка романа, бывший бог Сахемоти, тоже получился довольно неоднозначным. Он стремится к возвращению собственной силы, что априори означает освобождение Кирима, провинции империи, этакого гибрида Кореи и Японии. Но для него все средства хороши. Причем хладнокровно пожертвовав кем-то или чем-то, он потом вполне искренне сожалеет о душе умершего... Недолго. Вообще, раб и хозяин, чародей и бог довольно похожи. Но что-то мешает мерить их одной меркой.

Еще один образ вызывает неподдельный интерес. Бывший бог удачи, пятьсот лет скрывавшийся под личиной простого смертного, научившийся

понимать и любить людей, противопоставлен холодному макиавеллизму Сахемоти и Кагеру. Но и назвать его абсолютно положительным тоже нельзя. Ведь изначально он принял такую жизнь из-за трусости и все того же желания выжить.

Вообще, для большинства героев это основная мотивация. Выжить хочет и Ким, и его бывший побратим Рей, и киримские боги, и чародей... Только цена для всех разная.

Важное отличие романа от первой книги — наличие восточной атмосферы. Может быть, такой эффект возникает из-за использования мифов и легенд (японская история о первых людях и сказка о рыбаке), основных архетипов «восточной истории» (монастырь, великие воины, обучающиеся в горной долине, кисэн-гейши, мудрый наставник... Хорошо хоть гуннов и самураев нет), большего количества описаний...

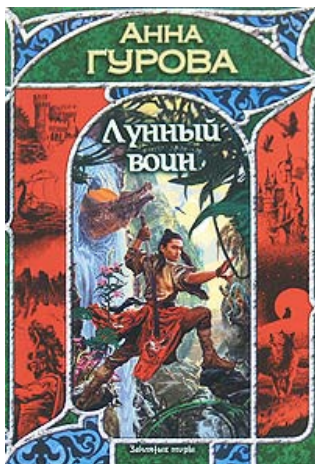
И, конечно, прекрасен финал. Чувствуется, впереди та еще игра престолов, ведь гражданская война с четырьмя основными центрами и большим количеством разнообразных мелких группировок — благодатная почва для создания великолепного полотна.

Подытожу. Первых два романа представляют собой многообещающее начало перспективной эпопеи. Правда, есть вероятность, что в итоге все скатится к стандартной истории Великого Воина, шинкующего сначала смертных, а потом и богов, вставших между ним и его возлюбленной. Да, того самого, который «силой возьмет то, что принадлежит ему по праву». Если автору удастся этого избежать, сохранить неоднозначность героев (нет плохих и хороших — выбирай кого хочешь!), эта эпопея станет одной из лучших в отечественной фэнтези.

НАИЛЯ ШАМГУНОВА

ВОСТОЧНАЯ СКАЗКА

Анна Гурова. *Лунный воин*. — М.: АСТ, 2008. — 386 с.

Что такое ориентальная фэнтези? Особый жанр, в котором действие происходит на востоке или псевдостоке? Но тогда с тем же успехом можно было бы говорить и о «западно-средневековой» фэнтези. На мой взгляд, очень часто эпитет «ориентальная» значит просто авторский прием, использование восточных декораций.

Роман Гуровой — самая настоящая приключенческая фэнтези. Приятный, захватывающий, яркий. Перед нами две взаимосвязанные сюжетные линии — история деревенского мальчика, попавшего в обучение-услу-

жение колдуну, и юноши — приемыша одной из самых влиятельных семей псевдокитайской Империи. Изюминка в том, что оба — одно и то же лицо. То есть параллельные сюжетные линии в итоге складываются в цельную картину жизни Мотылька-Кима. Обе линии в целом неплохи. История Мотылька достаточно любопытна, но лишена интриги — ведь мы знаем, что через десять лет этот мальчик станет Кимом. «Современная» (относительно линии Мотылька) история интересна, но не лишена определенной предсказуемости. (Но без заштампованности! Никакой империи зла и благородных повстанцев, лишь народ, в свое время завоеванный таким же народом, но с другими богами. То есть абсолютно правых и виноватых нет). Гурова поступает очень мудро. Шила в мешке не утаишь, и достаточно предсказуемые моменты, другими авторами позиционируемые как интрига, раскрываются ею почти сразу. Таким образом, у читателя не возникает абсолютно никакого раздражения относительно сюжета. Мы догадываемся о чем-то, и автор сразу же это подтверждает (или опровергает, там уж как придется). Некоторые опасения вызывает тот факт, что Гурова достаточно туго закрутила интригу. Получится ли вовремя ответить на все эти вопросы за один том, не спеша и не растягивая повествование? Хотелось бы надеяться, что автору удастся разрешить глобальный конфликт всего за два тома.

Герои вполне вменяемы, не вызывают недоумения или раздражения. Особо проработанными их тоже нельзя назвать, но для своей приключенческой ниши они выглядят вполне прилично.

Человек, пишущий о другой культуре или эпохе, должен быть достоверным, должен много работать с материалом. А вот в романе Гуровой достаточно мало специальных слов или терминов, имена скорее «с намеком на Восток» (впрочем, я мало в этом разбираюсь). В романе используется китайская и, в большей степени, корейская мифология. Можно сказать, вокруг имперских и киримских богов и крутится основная интрига. Стиль автора вполне приятен и не вызывает отторжения. Есть пара не совсем удачных моментов, но общего положительного впечатления это не портит.

Но все же главное достоинство книги — атмосфера. Причем не атмосфера Востока (её там почти и нет), а дух приключения и фантазии. Это истинная, ничем не замутненная фэнтези в восточных декорациях. Очень приятная фэнтези для тех, кто в первую очередь ценит хорошую историю, а не глубокие размышления или самокопание героев.

OPUS MIXTUM

Финалисты «АБС-премии»

21 июня 2009 года в петербургском Центре современной литературы и книги пройдёт одиннадцатая церемония присуждения Международной премии в области фантастической литературы имени Аркадия и Бориса Стругацких («АБС-премии»).

В финал Борисом Стругацким отобраны:

В номинации «Художественное произведение»:

Быков Д. Списанные.— М.: ПРОЗАиК, 2008;

Лукин Е. Лечиться будем.— Если, 2008, №3;

Лукиянов А. Глубокое бурение.— Полдень, 21-й век, 2008, №6.

В номинации «Критика и публицистика»:

Войсунский Е. Остров в океане.— Если, 2008, №8;

Ларионов В. Беседы с фантастами.— Липецк: Крот. 2008;

Рыбаков В. Напрямую.— СПб: Лимбус-Пресс, 2008;

Скаландис А. Братья Стругацкие.— М.: АСТ, 2008.

«Белое пятно-2009»

В ноябре 2009 года в Новосибирске планируется проведение возрождённого фестиваля фантастики «Белое пятно» (первый раз проводился в 1994 году). Администрация города и области поддерживает организаторов. Инициатор проведения фестиваля, известный писатель-фантаст Геннадий Прашкевич, входит в состав организационного комитета, утверждённый губернатором Новосибирской области.

Официальный сайт фестиваля:

<http://whitespot.info>

О «Белом пятне-94»:

<http://www.fandom.ru/convent/105>

Форум фестиваля:

<http://whitespot.info/phorum/index.php>

Семинар Геннадия Прашкевича в Новосибирске:

<http://www.agharta.ru/prashkevich.php>

«Белое Пятно» В Контакте:

<http://vkontakte.ru/club3455492>

«Белое Пятно» на Самиздате:

http://zhurnal.lib.ru/editors/b/beloepjatno_k

Информация В.Ларионова

Как всегда, весело в «Армаде»

Тут вышли или вот-вот выйдут «Дикий талант Шимуна Врочека и Виталия Обедина, «Земля лишних. За други своя» Андрея и Марии Крузов, «Охотник. Пустоши демонов» Андрея Буревого, «Четвёртый год» Артёма Каменистого, «Пересмешник «Алексея Пехова», «Бриллиантовая королева» Татьяны Форш, «Легенда Лукоморья» Юлии Набоковой, «Воровка» Марины Миловановой, «Реалити-шоу «Замок»» Ксении Баштовой, «Жениться и обезвредить» Андрея Белянина, «Полтора метра недоразумений, или Не будите спящего Дракона!» Светланы Уласевич, «Император полного берега» Вольфа Белова, «Потерянное одиночество» Любови Пушкаревой, «Ученик некроманта. Игры Проклятых» Александра Гурова, «Глэд. Полдень над Майдманом» Олега Борисова, «Конец игры» Елены Малиновской, «Приграничье. Последняя зима» Павла Корнева, «Осколки» Вероники Ивановой — **вышли в июне**, а «Люди Края» Владимира Зырянцева, «Скупые звёзды» Константина Мзареулова, «Косморазведчик. Атака» Николая Батина, «Отрок. Стезя и место» Евгения Красницкого, «Хроники Аскета. Вторжение» Романа Артемьева, «Игры Масок» Алекса Коша, «Невеста тролля» Артема Тихомирова, «Любимая игрушка» Галины Красновой, «Паладин. Благословение» Олега Шелонина и Виктора Баженова, «Зимнее обострение» Сергея Платова, «Ускользящий мир» Марины Ефиминюк, «Проклятие некроманта» Натальи Жильцовой, «Практическая антимагия» Степана Кайманова, «Путешествие в Алмазные горы» Ольги и Михаила Багнюков, «Темный дар» Натальи Савицкой и толстенький том Оксаны Панкеевой — «Хроники странного королевства. Двойной след: Шепот темного прошлого; Рассмешить богов» — **выйдут в июле**.

В мае у «Армады» вышли книги Сергея Малицкого «Печать льда», Андрея Круза «Эпоха мертвых. Начало», Владимира Коваленко «Крылья империи», Андрея Буревого «Охотник. Замок Древних», Елены Картур «Эльф и вампир», Надежды Первухиной «Ты к гадалке не ходи», Киры Филипповой «Главное правило принцессы», Дмитрия Мансурова «Настоящие охотники за галлюцинациями», а также сборник рассказов и повестей Павла Корнева «Межсезонье». Можешь это добавить к новостям за май. Ещё пара книг вышла в «Крылове»: «Синяя луна» — четвёртая часть многотомной эпопеи Андрея Поснякова «Орда» и роман Алексея Волкова «Русский фронт».

НОВОСТИ ПРО ВСЕ И ПРО ВСЕХ

Про ужасное

13 июня в Бёрбанке, что в Калифорнии, были объявлены обладатели премии Стокера этого года. Ими стали:

- ✓ Стивен Кинг с романом «Дьюма-Ки»
- ✓ Лайза Маннетти с дебютным романом «Облагораживающая коробка»
- ✓ Джон Литтл с повестью «Миранда»
- ✓ Сара Лэнган с рассказом «Потерявшийся»
- ✓ Стивен Кинг ещё раз, теперь уже со сборником «Сразу после заката»
- ✓ редакторы сборника «Несказанный ужас» Винс Лиагуно и Чад Хелдер
- ✓ Лайза Мортон с критически-публицистической книгой «Антология к Хеллоуину»
- ✓ и даже автор книги стихов «Сборник ночных кошмаров» Брюс Бостон.
- ✓ премию за заслуги перед жанром вручили Полу Уилсону и Челси Куин Ярбро.

Ужас!

Про рыцарей в сверкающих доспехах

Ну, почти сверкающих.

В ежегодном королевском списке, объявляющем будущих рыцарей и рыцарственных дам и приуроченном ко дню рождения Её Величества, появилась пара фамилий, известных любителям фантастики. Актеры Кристофер Ли и Алан Камминг 13 июня были посвящены в рыцарей.

Кристофер Ли получил звание Командора Ордена Британской империи за вклад в театральное искусство и за благотворительность. Оказывается, многократный Дракула, почётный Саруман из «Властелина колец» и Тёмный владыка ситхов Граф Дуку уже давно помогает UNICEF и благотворительной организации «Кинематограф во имя мира». В скобках заметим, что сыграть в 260 фильмах — уже подвиг, достойный всяческого признания.

Офицером Ордена Британской империи стал и шотландский актёр Алан Камминг за свои труды в кинематографе, театре и прочих искусствах, а заодно за активную социальную позицию. Его наши читатели могли видеть в ролях Бориса в «Золотом глазе», Попрыгуна/Курта Вагнера в «X2», да и в других фильмах, куда менее фантастических.

Про «Маленького Брата» Кори Доктору

Его собирается поставить на театральной сцене труппа театра Гриффина. Как несложно догадаться из названия, роман — антиутопия, навеянная идеями Оруэла. Это история юного хакера, решившего бороться с правительст-

вом, попавшего в застенки, освобожденного и всех победившего при помощи прекрасного подпольного интернета. Спрашивайте билеты в театральных кассах города Чикаго.

***

Про книжки вслух

Ассоциация производителей аудиопродукции вручила ежегодную премию The Audies за лучшую аудиокнигу года. Список длинный, нас же больше всего интересуют победители в следующих номинациях:

аудиокнига по литературному произведению — «Дьюма-Ки» Стивена Кинга, прочитанная Джоном Слаттери (Стивен Кинг разделил награду с «Обществом любителей литературы и пирога из картофельных очистков острова Гернси» Мэри Энн Шаффер и Энни Бэрроус, которую начитал целый коллектив актёров)

аудиокнига для детей от 8 до 12 — лучшим стал Нил Гейман с «Кладбищенской книгой», которую он сам и прочитал

фантастической/фэнтезийной аудиокнигой года стала «Вычисляя Бога» Роберта Сойера, прочитанная Джонатаном Дэвисом

лучшим аудио-сборником рассказов стал посмертный «Армагеддон ретроспективно» Курта Воннегута, прочитанный Рипом Торном и Марком Воннегутом.

Главный редактор: Ираклий Вахтангишвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Сергей Пальцун (г. Киев, Украина)
Сергей Лапач (г. Киев, Украина)
Михаил Назаренко (г. Киев, Украина)
Борис Сидюк (г. Киев, Украина)
Мария Комиссаренко (г. Киев, Украина)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Аркадий Штыпель (г. Москва, Россия)
Эллен Детлоу (г. Нью-Йорк, США)

© «Реальность фантастики»
№ 6 (70), 2009.

Интернет: www.rf.com.ua

E-mail: info@rf.com.ua

Для писем: Украина, 03005, г. Киев-5, а/я 5
Подписной индекс в каталоге «Укрпочта» –
08219

Издатель: © Издательский дом СофтПресс

Издатели: Эллина Шнурко-Табаква,
Михаил Литвинюк

Редакционный директор: Владимир Табаков

Шеф-редактор: Татьяна Кохановская

Производство:

Дмитрий Берестян, Олег Чернявский

Корректор: Елена Харитоненко

Директор по маркетингу и рекламе:

Евгений Шнурко

Маркетинг, распространение:

Ирина Савиченко, Екатерина Островская

Руководитель отдела рекламы:

Нина Вертебная

Региональные представительства:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,
e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Олег Калашник,
тел.: (062) 345-06-25, 345-06-26,
e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич,
тел.: (032) 295-64-10,

e-mail: mandych@hi-tech.ua

Харьков: Вячеслав Белов,
e-mail: viacheslavb@ua.fm

Тираж – 5 тыс. экземпляров

Цена договорная

Регистрационное свидетельство: КВ №7600 от
22.07.2003.

Адрес редакции и издателя:

г. Киев, ул. Героев Севастополя, 10
телефон: 585-82-82 (многоканальный)
факс: (044) 585-82-85

Полное или частичное воспроизведение или
размножение каким бы то ни было способом
материалов, опубликованных в настоящем
издании, допускается только с письменного
разрешения ИД СофтПресс.

Все упомянутые в данном издании товарные знаки
и марки принадлежат их законным владельцам.
Редакция не использует в материалах стандартные
обозначения зарегистрированных прав.
За содержание рекламных материалов
ответственность несет рекламодатель.